Джима, съ котораго онъ вдругъ исчезъ въ темной глоткѣ ужаснаго мальчика. Послѣдовалъ сильный кашель; Джимъ покраснѣлъ какъ ракъ и, корчась отъ боли, сталъ громко умолять Джеми колотить его въ спину.

Джеми усердно забарабанилъ своими кулаками по спинѣ чистильщика сапогъ, и долларъ снова показался на кончикѣ языка Джима, но мгновеніе спустя, засверкалъ на его грязной ладони, просунутой между ногами. Джеми нагнулся, чтобы схватить монету, но едва успѣлъ дотронуться до нея, какъ она снова исчезла.

— Товарищъ! — сказалъ Джимъ, выпрямившись и лукаво щуря глазъ: — ты спасъ мнѣ жизнь, дай пожать тебѣ руку! — и съ этими словами мальчуганъ шлепнулъ долларъ въ открытую ладонь Джеми.—Ну, бѣги теперь домой завтракать, а я поѣмъ на ходу! — добавилъ онъ, вынимая изъ кармана ломоть хлѣба и указывая на шумѣвшій вблизи фонтанъ.

— У меня нѣтъ дома... мнѣ некуда идти... я убѣжалъ отъ нашей сосѣдки...—пробормоталъ сквозь слезы Джеми.

Этотъ отвѣтъ озадачилъ чистильщика сапогъ, и онъ недовѣрчиво взглянулъ на мальчика.

— У тебя нѣтъ дома? — протянулъ онъ послѣ минутнаго молчанія. — Откуда же у тебя такая хорошая одежда?

— Мнѣ ее дали, когда сожгли мою старую,—отвѣтилъ Джеми.

— Значитъ, у васъ былъ тифъ?

— Да.

— А гдѣ же твои родители?

— Умерли!..—произнесъ Джеми, снова поднося кулачки къ глазамъ.

— Развѣ тебя выгнали изъ дому?—спросилъ Джимъ, подходя къ мальчику, который готовъ былъ разрыдаться.

Вмѣсто отвѣта Джеми могъ только кивнуть головой.

— Не хочешь ли идти въ сиротскій домъ?

— Н-ѣ-ѣ-тъ, не хочу туда!..—всхлипывалъ Джеми.

— Отчего?

— Я былъ тамъ съ мамой... Мнѣ жалко тѣхъ дѣтей...

— А самого себя не жалко?

Джеми громко зарыдалъ.

Видъ этихъ слезъ сильно смутилъ Джима; онъ сталъ какъ-то странно оглядываться по сторонамъ и усиленно заморгалъ глазами, избѣгая въ то же время смотрѣть на мальчика; но Джимъ скоро овладѣлъ собой: онъ былъ скупъ на слезы и, какъ самъ говорилъ, не имѣлъ для нихъ носовыхъ платковъ.

— Я не зна-а-ю, что мнѣ-ѣ-ѣ дѣ-ѣ-лать!.. — продолжалъ всхлипывать Джеми.

— Слушай, малышъ, слезами горю не поможешь и денегъ не наживешь. Вытри лучше глаза и скажи мнѣ, ты не въ шутку просился ко мнѣ въ компаньоны?

— Н-ѣ-тъ.

— И хочешь работать?

— Да-а-а.

— Ну, такъ пойдемъ со мной.

ГЛАВА II.

Джимъ дома.

Дѣти замѣтили отсутствіе Джеми только поздно вечеромъ, когда наступившая ночь и сильный голодъ заставили ихъ прибѣжать домой. Вернувшись съ тяжелой поденщины, сосѣдка не чувствовала подъ собою ногъ отъ усталости и потому не могла идти искать мальчика; она ограничилась лишь тѣмъ, что навела о немъ справки у сосѣдей и заявила полиціи объ его исчезновеніи, а затѣмъ, довольная, что всѣ ея ребятишки дома, затворила двери на ночь, считая, что исполнила всѣ свои обязанности по отношенію къ сиротѣ.

Съ поступленіемъ въ чистильщики сапогъ для Джеми наступилъ длинный, утомительный день; онъ исходилъ съ своимъ новымъ другомъ почти весь городъ, а когда вечеромъ вернулся домой, едва волочилъ свои ножки отъ усталости. Мальчикъ не мало удивился, когда увидѣлъ, что Джимъ живетъ на заднемъ дворѣ большого

дома, заваленномъ разнымъ старымъ хламомъ и множествомъ досокъ, изъ которыхъ въ углу находилась наскоро сколоченная маленькая будка, покрытая кускомъ брезента, найденнымъ Джимомъ на улицѣ. Джимъ, напротивъ, чувствовалъ себя въ своемъ маленькомъ уголкѣ не менѣе довольнымъ и независимымъ, чѣмъ знаменитый философъ, жившій нѣкогда въ бочкѣ.

Джеми грустно осмотрѣлся: здѣсь было даже хуже, чѣмъ у сосѣдки.

— Развѣ у тебя нѣтъ постели? — спросилъ онъ, когда Джимъ, снявъ свою куртку, съ наслажденіемъ растянулся на соломѣ.

— Мнѣ и такъ хорошо! — отвѣтилъ Джимъ.

— Какъ же я буду спать безъ подушки! — сказалъ со вздохомъ Джеми.

— Сними-ка свою куртку: я тебѣ сейчасъ сдѣлаю подушку,—отвѣтилъ Джимъ.

Завернувъ наскоро въ куртку пучокъ соломы, Джимъ накрылъ себя и своего маленькаго товарища попоной, служившей ему одѣяломъ, а затѣмъ посовѣтовалъ ему свернуться калачикомъ и заснуть.

Черезъ нѣсколько минутъ онъ услышалъ возлѣ себя легкій шорохъ; взглянувъ однимъ глазомъ на своего маленькаго товарища, онъ увидѣлъ, что тотъ стоитъ на колѣняхъ со сложенными ручками и шепчетъ какія-то непонятныя слова о насущномъ хлѣбѣ и прощеніи грѣховъ, а подъ конецъ благодаритъ кого-то за хорошую постель.

— Постель не важная, и тебѣ не за что благода-

рить меня,—сказалъ Джимъ, полагая, что эти слова относятся къ нему.

— Да я не тебя благодарилъ,—возразилъ Джеми.— Мама учила меня молиться, но я такъ усталъ, что чуть не забылъ этого.

— Ну, такъ кстати помолись и за меня, малышъ,— сказалъ Джимъ, и, поручивъ такимъ образомъ Джеми выполнить за него религіозную обязанность, онъ повернулся на другой бокъ и заснулъ.

На слѣдующее утро мальчики поднялись съ первыми лучами солнца.

Туалетъ Джима былъ не долгій: онъ встряхнулся, одѣлъ свою куртку и, умывшись наскоро у сосѣдняго фонтана, былъ готовъ. Джеми послѣдовалъ его примѣру, но умывшись остановился въ недоумѣніи, не зная, чѣмъ вытереть себѣ лицо и руки.

— Какъ же быть безъ полотенца?—спросилъ онъ Джима.

— А на что у тебя твой носовой платокъ?—засмѣялся Джимъ.—Ну, утирайся скорѣй; мы должны сначала заработать себѣ завтракъ, а потомъ уже ѣсть его.

И вслѣдъ затѣмъ въ утреннемъ воздухѣ раздался звонкій голосъ Джима: „Сапоги чистить, господинъ, сапоги чистить!“, которому, подобно дальнему эхо, вторилъ слабый голосокъ Джеми. Деньги на завтракъ были скоро заработаны, и мальчики вошли въ булочную.

— Ну, что ты себѣ выберешь? — спросилъ Джимъ своего маленькаго компаньона, окидывая важнымъ взглядомъ весь прилавокъ. — Случалось, когда мнѣ не везло, я вмѣсто булокъ и колбасы запасался здѣсь однимъ запахомъ.

— Я возьму себѣ пирожное, — сказалъ Джеми, соблазнившись видомъ свѣжихъ печеній.

— Пирожное!..—вскричалъ Джимъ.—Оно слишкомъ дорого, и отъ него сытъ не будешь. Развѣ булка съ колбасой тебѣ не по вкусу?

Джеми покорился, и Джимъ запасся булками и колбасой.

— Приходилось ли тебѣ просить милостыню!—спросилъ Джеми, шагая по улицѣ рядомъ съ своимъ другомъ и съ аппетитомъ уписывая свой завтракъ.

— Милостыню? Нѣтъ, никогда! Вѣдь у меня есть деньги въ банкѣ! — возразилъ Джимъ, вынувъ изъ грудного кармана грязную банковую книжечку и показывая ее своему маленькому компаньону.—Сегодня мы пойдемъ въ банкъ за деньгами: тебѣ тоже надо купить ящикъ съ приборомъ для чистки сапогъ.

— Вотъ, возьми и мой долларъ, — сказалъ Джеми, тронутый великодушіемъ Джима.

— Нѣтъ, не надо; вложи его лучше въ сберегательную кассу на свое имя; тогда у тебя тоже будетъ такая же книжка.

Едва успѣли открыть банкъ, какъ наши друзья уже явились туда.

— Мнѣ нужно взять часть моихъ денегъ, мистеръ,— сказалъ Джимъ, передавая счетчику свою чековую книжку.

— Оставь-ка лучше свои деньги въ банкѣ,—посовѣтовалъ счетчикъ.

— Мнѣ нужно купить себѣ новую одежду,—возразилъ Джимъ, оглядывая свое рваное платье.—И его тоже надо снабдить новымъ ящикомъ и приборомъ для чистки сапогъ,—прибавилъ онъ, кивнувъ въ сторону Джеми.

— Сколько же тебѣ надо?—спросилъ счетчикъ.

— Можетъ быть, на все хватитъ и пяти долларовъ, но надо будетъ на всякій случай взять шесть. Онъ тоже хочетъ сдѣлать взносъ,—продолжалъ Джимъ,

„Онъ тоже хочетъ сдѣлать взносъ!" сказалъ Джимъ.

указывая на Джеми, который въ это время подошелъ къ конторкѣ и подалъ свой долларъ.

Короткое свиданіе съ торговцемъ готовыхъ платьевъ превратило Джима въ очень опрятнаго мальчика; но онъ не бросилъ своихъ старыхъ лохмотьевъ, а благоразумно приберегъ ихъ для употребленія въ рабочіе дни. Джеми былъ въ восторгѣ отъ своего новаго ящика и радовался ему, какъ новой игрушкѣ.

Всѣ дни они проводили одинаковымъ образомъ, за исключеніемъ развѣ воскресенья, когда наши друзья иногда заходили въ открытую дверь церкви. Джимъ очень любилъ слушать органъ и, услышавъ однажды проповѣдь на слова евангелія: „оставьте дѣтей приходить ко мнѣ", замѣтилъ своему маленькому другу: „Ты ходи сюда, тебя здѣсь ждутъ". Себя же онъ считалъ совсѣмъ взрослымъ, внѣ разряда „маленькихъ дѣтей", но всегда охотно ходилъ вмѣстѣ съ Джеми въ церковь, чтобы послушать торжественную музыку органа.

ГЛАВА III.

Невольное купанье.

Дни становились долгими и жаркими, и Джимъ сильно потѣлъ въ своей толстой курткѣ.

— Пойдемъ купаться,—сказалъ онъ однажды въ знойный вечеръ своему маленькому товарищу.

— А гдѣ же ванна для купанья?—спросилъ Джеми.

— Ванна?... По-моему, Атлантическій океанъ лучше ванны!—возразилъ Джимъ.

— А ты не боишься утонуть?

— Утонуть?! Спроси-ка рыбу, можетъ ли та утонуть! Вѣдь я умѣю плавать.

— Но я не умѣю,—сказалъ Джеми.

— Такъ ты долженъ выучиться, если хочешь быть моимъ компаньономъ.

Съ этого вечера мальчики стали часто ходить купаться въ заливѣ, и не прошло недѣли, какъ Джеми выучился отлично плавать. Но Джимъ никогда не поз-

волялъ ему уплывать отъ себя далеко и всегда держался вблизи своего маленькаго друга, чтобы въ случаѣ опасности тотчасъ оказать ему помощь.

Однажды мальчики, по обыкновенію, пришли выкупаться въ заливѣ. На этотъ разъ Джимъ поплылъ далеко къ лодкѣ стараго рыбака; тамъ онъ нырнулъ глубоко и, пробывъ минуты двѣ подъ водой, внезапно очутился рядомъ съ прекрасной маленькой яхтой. Въ ней сидѣли двѣ дамы и молодой джентльменъ, съ которымъ ссорился нарядно одѣтый мальчикъ, пытавшійся овла-

дѣть румпелемъ, чтобы управлять яхтой. Въ ту минуту, какъ господинъ бросился къ парусу, чтобы повернуть яхту, она такъ сильно качнулась на бокъ, что сидѣвшій съ краю мальчикъ упалъ въ воду и пошелъ ко дну. Джимъ мгновенно нырнулъ за нимъ и черезъ нѣсколько секундъ показался на поверхности съ мальчикомъ. Все это случилось такъ быстро, что въ воздухѣ не успѣлъ еще замереть раздирающій душу крикъ матери, сопровождаемый истерическими воплями гувернантки. Мальчика заботливо подняли въ лодку и укутали съ ногъ до головы въ дорогую шаль.

— Ахъ, смотрите, что дѣлается съ мамой!—вскричалъ вдругъ мальчикъ.

Молодой человѣкъ быстро оглянулся и, увидѣвъ, что лэди Лоренцъ, мать мальчика, отъ страха лишилась чувствъ, поспѣшно повернулъ лодку къ берегу и послалъ Джима за ожидавшей господъ вблизи каретой; но не успѣли они еще причалить къ пристани, какъ мать мальчика уже очнулась отъ обморока. Молодой человѣкъ заботливо усадилъ обѣихъ дамъ и мальчика въ карету, а самъ остался на берегу, чтобы убрать яхту и поставить ее на мѣсто.

— Ты спасъ жизнь моему кузену Реджинальду,— сказалъ онъ стоявшему на пристани Джиму,—вѣдь я совсѣмъ не умѣю плавать. Скажи, что я могу для тебя сдѣлать?

— Я не беру награды за то, что умѣю плавать,— отвѣтилъ Джимъ, — но буду очень доволенъ, если вы будете давать мнѣ чистить свои сапоги.

— Эту работу исполняетъ у меня лакей,—возразилъ съ улыбкой мистеръ Лоренцъ.—Приходи ко мнѣ завтра утромъ часовъ въ двѣнадцать,—продолжалъ онъ, передавая Джиму свою визитную карточку.—Можетъ быть, я найду для тебя какое-нибудь дѣло.

— Хорошо, я буду у васъ въ назначенный часъ,— отвѣтилъ Джимъ, взглянувъ на это приглашенiе, какъ на дѣловое, и, повернувшись на каблукахъ, онъ ушелъ съ пристани вмѣстѣ съ Джеми.

— Знаешь, Джеми, это важные господа,—замѣтилъ Джимъ своему маленькому другу, когда они отошли настолько, что ихъ нельзя было слышать.—У нихъ свои яхты для прогулокъ по морю, брильянты и лакированные сапоги; по всему видно, что это люди знатные. Теперь этотъ маленькiй миллiонеръ навѣрное не скоро захочетъ кататься на яхтѣ! Какъ онъ сильно перепугался; а когда я его схватилъ, такъ онъ вцѣпился въ меня какъ ракъ рѣчной.

— Бѣдненькiй, какой онъ былъ блѣдный, и какъ всѣ его локоны развились!—замѣтилъ съ участiемъ Джеми.—Я тоже хотѣлъ бы имѣть яхту.

— Потерпи немного, и ты скоро тоже будешь миллiонеромъ,—отвѣтилъ Джимъ.

— А вѣдь очень прiятно имѣть все, что хочешь!— сказалъ Джеми съ увлеченiемъ.

— Еще бы! Но, знаешь, почти всѣ миллiонеры были сначала чистильщиками сапогъ,—отвѣтилъ Джимъ въ видѣ утѣшенiя.

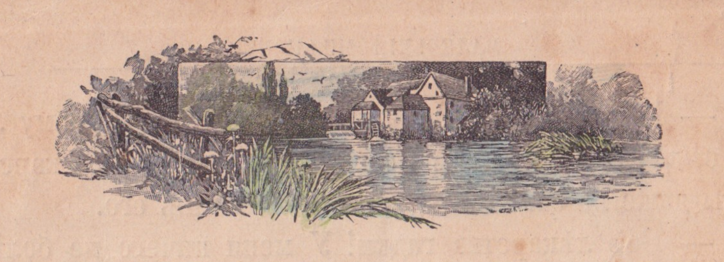
— Охъ, сколько же сапогъ имъ пришлось тогда

вычистить раньше, чѣмъ они нажили столько денегъ!— замѣтилъ Джеми со вздохомъ.

— Да, не мало! Но не всѣ они умѣли хорошо чистить сапоги,—продолжалъ Джимъ,—и потому многіе изъ нихъ стали строить желѣзныя дороги.

Продолжая объяснять своему маленькому другу причину возникновенія милліоновъ, Джимъ скоро замѣтилъ. что тотъ его не понимаетъ, и потому, прекративъ разговоръ, друзья молча отправились искать работы, выкрикивая по временамъ: „сапоги чистить“.

ГЛАВА IV.

Борьба за свободу.

Вернувшись домой, лэди Лоренцъ тотчасъ уложила сына въ постель и послала за домашнимъ докторомъ. Уже нѣсколько лѣтъ какъ умеръ ея мужъ, и она, не чая души въ своемъ единственномъ сынѣ, наслѣдникѣ многихъ милліоновъ, ежеминутно трепетала за его здоровье. Своего домашняго доктора она считала какимъ-то добрымъ геніемъ, обязаннымъ строго слѣдить за здоровьемъ ея любимца и всегда имѣть наготовѣ лѣкарство противъ любого недуга. Мальчикъ, несмотря на холодную ванну, былъ совсѣмъ здоровъ, но сильно раздраженъ тѣмъ, что его уложили въ постель.

— Скажите, докторъ, что вы ему пропишете?— спросила съ тревогой лэди Лоренцъ.

— Я ничего не приму!— вскричалъ маленькій джентльменъ.

Докторъ зналъ, что въ такихъ случаяхъ надо было угодить и матери и сыну.

— Мой дорогой мальчикъ,—обратился къ нему ласково докторъ,—я тебѣ дамъ очень вкусное лѣкарство, и ты даже не замѣтишь, какъ проглотишь его.

— Всѣ лѣкарства гадки! У меня ничего не болитъ! Вы меня только сердите!—отвѣтилъ раздраженно мальчикъ.

— У тебя лихорадка, мой дорогой; она очень опасна. Если ты примешь это лѣкарство, я подарю тебѣ маленькую арабскую лошадку,—упрашивала мать.

— Мнѣ не надо лошадокъ, у меня есть Дикъ, и вашего лѣкарства я не приму даже за сто лошадокъ.

— А если я тебѣ подарю новые золотые часы, ты примешь лѣкарство?—упрашивала нѣжная мать.

— Нѣтъ и нѣтъ! Часы несносная вещь; они всегда ломаются; къ тому же у меня есть хорошіе часы.

— Милый Реджинальдъ, пойми же: вѣдь докторъ Кемперъ прописалъ тебѣ лѣкарство ради твоего здоровья! Ну, хочешь, я подарю тебѣ велосипедъ? Ты давно хотѣлъ имѣть его. Ну, скажи мамѣ, что ты хочешь, и я сейчасъ исполню твое желаніе?

— Я хочу встать, одѣться и идти играть съ тѣмъ мальчикомъ, который вытащилъ меня изъ воды!—отвѣтилъ Реджинальдъ.

— Но вѣдь ты знаешь, мой милый, что онъ одинъ изъ тѣхъ ужасныхъ чистильщиковъ сапогъ! Ты вѣрно хотѣлъ пошутить со мной!

— Нѣтъ, я совсѣмъ не шучу, и если вы съ докторомъ не оставите меня въ покоѣ, я убѣгу отъ васъ и тоже сдѣлаюсь чистильщикомъ сапогъ.

— О, Реджинальдъ, дорогой мой, не говори мнѣ такихъ ужасныхъ вещей! Вѣдь ты всегда дѣлалъ все, что хотѣлъ, и имѣлъ все, что только можно было купить за деньги!

— Мнѣ не надо вашихъ прекрасныхъ вещей, которыя покупаются за деньги. Я хочу дѣлать, что мнѣ нравится, и не хочу, чтобы вы съ докторомъ и мадемуазель Кларетъ каждую минуту слѣдили за мной.

— Но вѣдь я твоя мама?—замѣтила кротко мать.— Я боюсь за твое здоровье и должна заботиться о твоемъ воспитаніи.

— Мнѣ надоѣли ваши заботы; оставьте меня въ покоѣ.

Лэди Лоренцъ была поражена словами сына.

— Онъ прежде никогда не говорилъ такъ!—замѣтила она доктору.—Не усиливается ли у него лихорадка, докторъ?

— А теперь я всегда буду говорить такъ!—закричалъ маленькій тиранъ, радуясь, что его заявленіе произвело на мать такое сильное впечатлѣніе.—Я хотѣлъ бы быть Робинзономъ Крузе и жить на необитаемомъ островѣ; тогда никто не мѣшалъ бы мнѣ дѣлать, что мнѣ вздумается.

— Зачѣмъ ты говоришь мнѣ такія вещи, дорогой мой? Этимъ ты очень огорчаешь свою бѣдную маму.

— Ну такъ что-же, и вы меня тоже всегда огорчаете! Не хочу больше лежать! Я сейчасъ встану!— и мальчикъ поднялся на кровати, но мать его удерживала.

— Реджинальдъ, милый мой,—обратилась она умо-

ляющимъ голосомъ къ сыну,—скажи мнѣ, могу ли я чѣмъ-нибудь заставить тебя принять это лѣкарство?

— Да!—послѣдовалъ неожиданный отвѣтъ.

— Чѣмъ же, мой дорогой? — воскликнула бѣдная мать, съ которой уже начинала дѣлаться истерика при мысли, что потеряно столько дорогого времени.

— Пошлите за тѣмъ мальчикомъ, который вытащилъ меня изъ воды, и я сейчасъ приму ваше противное лѣкарство!—и мальчикъ широко открылъ ротъ, закрылъ глаза и, закинувъ назадъ голову, сталъ какъ мученикъ ожидать ложки съ микстурой.

— Скорѣй, скорѣй, докторъ!—торопила мать, опасаясь, что красивый ротикъ сына опять закроется.

Докторъ поспѣшно поднесъ ложку къ открытому рту; мальчикъ проглотилъ микстуру, сдѣлавъ гримасу, и тяжелый подвигъ былъ оконченъ.

— Ну, теперь пошлите за тѣмъ чистильщикомъ сапогъ!—крикнулъ онъ, вытирая съ губъ воду, которою запилъ лѣкарство.

— Но у меня нѣтъ его адреса,—попыталась отговориться мать.

— Тогда мы напечатаемъ объявленіе въ газетахъ, какъ, помните, мама, вы сдѣлали о Тиммонѣ. Напишите мнѣ, пожалуйста, объявленіе,—обратился Реджинальдъ къ доктору, вполнѣ увѣренный, что его приказаніе, выраженное въ видѣ просьбы, будетъ тотчасъ исполнено.

— Какъ же мнѣ писать? Я даже не знаю его имени,—возразилъ докторъ, желавшій, въ свою очередь, оттянуть время.

— Не знаете какъ писать? Ну, такъ я вамъ скажу,— сказалъ Реджинальдъ, задумываясь на минуту.—Напишите такъ: „Тотъ чистильщикъ сапогъ, который вытащилъ изъ воды упавшаго въ заливѣ съ яхты „Опалъ“ мальчика, услышитъ очень пріятную для себя новость, если явится ко мнѣ“. Потомъ напишите нашъ адресъ и, если нужно, мое имя.

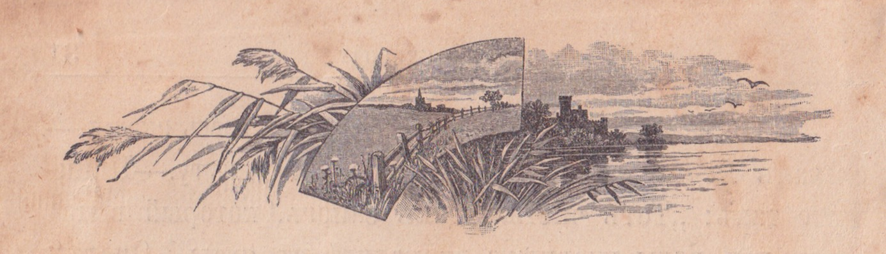
— Имени не надо,—замѣтилъ докторъ, садясь по просьбѣ лэди Лоренцъ за письменный столъ писать болѣе точное объявленіе, нежели то, которое было продиктовано ему его маленькимъ паціентомъ.

— Благодарю васъ, докторъ,—сказалъ Реджинальдъ, когда докторъ кончилъ писать: — но помните, что я буду просматривать всѣ утреннія газеты и увижу, помѣстили ли вы мое объявленіе,—добавилъ мальчикъ, прощаясь съ докторомъ.

— Теперь спустите шторы, мама, я постараюсь заснуть, иначе мнѣ не дождаться завтрашняго дня. Когда придетъ тотъ мальчикъ, я оставлю его у себя, чтобы онъ выучилъ меня плавать и дѣлать все, что дѣлаютъ другіе мальчики, у которыхъ нѣтъ денегъ.

Съ этими словами Реджинальдъ повернулся лицомъ къ стѣнѣ, но тотчасъ снова обернулся къ матери и сказалъ:

— Мама, я теперь закрою глаза, чтобы вы опять не уговорили меня принять лѣкарство; когда онъ придетъ, дайте лучше ему мою микстуру; онъ промокъ не меньше меня.

ГЛАВА V.

Маленькій милліонеръ.

Когда лэди Лоренцъ пообѣщала своему своевольному сыну послать за чистильщикомъ сапогъ, она не знала, что ея племянникъ Чарльсъ Лоренцъ уже пригласилъ мальчика къ себѣ на слѣдующее утро.

Въ назначенный часъ на парадной лѣстницѣ раздался сильный, непривычный звонокъ, смутившій лакея. Отворивъ поспѣшно дверь, онъ, къ негодованію своему, увидѣлъ передъ собою двухъ скромно, но чисто одѣтыхъ мальчиковъ.

Не успѣлъ онъ еще сдѣлать имъ замѣчанія за сильный звонокъ, какъ уже Джимъ объяснилъ ему причину своего прихода. Лакей уже слышалъ отъ прочей прислуги, что у его молодого барина явилась фантазія имѣть игрушку въ лицѣ какого-то чистильщика сапогъ, и, уга-

„Мы пришли къ мистеру Лоренцу“, сказалъ Джимъ.

давъ, что одинъ изъ стоявшихъ передъ нимъ мальчиковъ и есть то самое лицо, онъ высокомѣрно и съ насмѣшкою обратился къ нимъ съ вопросомъ:

— Неужто вы пришли пѣшкомъ? Развѣ мистеръ Лоренцъ не послалъ за вами карету?

— Наша коляска осталась тамъ, за угломъ,—отвѣтилъ безъ запинки Джимъ, подразумѣвая видѣнную имъ тамъ ломовую телѣгу.

— Не умѣли даже позвонить въ звонокъ для прислуги, а звоните прямо на всю парадную!—проворчалъ презрительно лакей.

— Да мы и не хотѣли звонить прислугѣ: мы пришли видѣться съ мистеромъ Лоренцомъ, а не съ его холопами.

Въ эту минуту на верхней площадкѣ лѣстницы показался мистеръ Лоренцъ. Проводивъ мальчиковъ въ переднюю, онъ уходя шепнулъ мимоходомъ лакею: „Два-десять, Тимоѳей“.

— Слушаю, сэръ!—отвѣтилъ лакей, становясь въ дверяхъ гостиной.

Чуткій слухъ Джима тотчасъ уловилъ этотъ шопотъ, и лицо его побагровѣло отъ негодованія. Вернувшись молодой джентльменъ объявилъ мальчикамъ, что мистеръ Реджинальдъ не можетъ еще выходить изъ своей комнаты и потому очень радъ будетъ видѣть ихъ у себя.

— Позвольте сказать вамъ одно слово, мистеръ Лоренцъ, раньше чѣмъ я сдѣлаю еще шагъ въ этомъ домѣ,—возразилъ Джимъ, дрожа отъ гнѣва:—я долженъ сказать вамъ, что до сихъ поръ еще никогда не кралъ.

— Да развѣ я обвиняю тебя?—спросилъ мистеръ Лоренцъ, краснѣя въ свою очередь.

— Да! вы сказали этому вышитому галунами холопу, чтобы онъ не спускалъ своихъ двухъ глазъ съ моихъ десяти пальцевъ; я не хуже васъ понимаю, что значатъ эти цифры.

— Прошу у тебя извиненія,—сказалъ смутившись молодой джентльменъ.—Видишь ли, къ намъ приходитъ много чужихъ людей, и мы должны быть осторожны; тутъ наставлено множество дорогихъ вещицъ.

И мистеръ Лоренцъ указалъ на разставленныя по всей гостиной этажерки, загроможденныя разными драгоцѣнными бездѣлушками.

— Мнѣ не нужны ваши игрушки, — отвѣтилъ съ презрѣніемъ Джимъ, тяжело переводя духъ:—если бы я даже умиралъ съ голоду, и онѣ изображали бы изъ себя хлѣбъ, то я и тогда бы не дотронулся до нихъ!

— Я увѣренъ, что мы понимаемъ другъ друга,—замѣтилъ успокоительно мистеръ Лоренцъ, сожалѣвшій, что напрасно заподозрилъ мальчика:—мнѣ жаль, что я не отнесся съ полнымъ довѣріемъ къ такому хорошему мальчику, какъ ты. Но видишь ли, домъ этотъ не мой; я здѣсь только въ родѣ управляющаго и долженъ смотрѣть за всѣмъ.

— Хорошо, мистеръ Лоренцъ, — сказалъ Джимъ успокаиваясь: — когда вы придете ко мнѣ, то можете брать все, что хотите, только не трогайте моей чести.

Въ эту минуту сверху раздался дѣтскій повелительный голосъ:

— Чарли, иди же скорѣй! Я жду тебя цѣлый часъ.

— Слышите, это насъ зоветъ мистеръ Реджинальдъ,— замѣтилъ молодой джентльменъ, поднимаясь съ мальчиками по мраморной лѣстницѣ.

— Я очень радъ, что ты пришелъ, и хочу поблагодарить тебя за то, что ты вытащилъ меня изъ воды!— сказалъ Реджинальдъ, радостно встрѣчая Джима, между тѣмъ какъ мать его сидѣла въ сторонѣ и, глядя на мальчиковъ, съ недовольнымъ видомъ прикусывала себѣ нижнюю губу.—Ты вѣрно прочелъ мое объявленіе въ газетѣ?

— Нѣтъ,—отвѣтилъ Джимъ спокойно, не обращая никакого вниманія на окружавшую его роскошную обстановку.

— Значитъ, ты отыскалъ меня?—самоувѣренно спросилъ Реджинальдъ.

— Нѣтъ, на это у меня нѣтъ времени: я отыскиваю только своихъ давальцевъ. Мистеръ Лоренцъ сказалъ мнѣ, чтобы я пришелъ сюда, и я думалъ, что у него есть для меня дѣло.

— Но вотъ тутъ въ газетѣ Герольдъ напечатано мое объявленіе, хотя докторъ не написалъ его такъ, какъ я ему говорилъ. Знаешь ли, мама хочетъ вознаградить тебя.

— Я не беру денегъ за то, что умѣю плавать,— отрѣзалъ грубо Джимъ.

— Но я хочу, чтобы ты научилъ меня плавать.

— Тогда тебѣ придется брать уроки въ домашней ваннѣ, Реджинальдъ,—замѣтила лэди Лоренцъ.

Мальчикъ быстро, какъ ужаленный, повернулся къ матери.

— Ну, нѣтъ, мама, этого не будетъ! Я буду купаться въ заливѣ и нырять съ лодки, какъ дѣлаютъ другіе мальчики.

Лэди Лоренцъ оцѣпенѣла отъ страха, ее какъ будто обдало морской волной.

— О, мой ненаглядный Реджинальдъ!—вскричала она: — если ты непремѣнно хочешь имѣть при себѣ чистильщика сапогъ, такъ возьми того, маленькаго: онъ красивый и, кажется, кроткій.

— Я возьму себѣ такого, какого хочу!—рѣзко отвѣтилъ мальчикъ.—Какъ тебя зовутъ?—обратился онъ къ Джиму.

— Джимъ Треси...

— Вотъ такого-то мнѣ и надо, какъ Джимъ Треси.

— Вы останетесь мною довольны! Я вамъ отлично вычищу сапоги,—замѣтилъ Джимъ, думавшій только о своемъ дѣлѣ.

— Мои сапоги не надо чистить,—возразилъ Реджинальдъ, выставляя красивую ножку, обутую въ лакированный сапожокъ;—но у насъ найдется много другого дѣла, кромѣ чистки сапогъ.

— Реджинальдъ!—воскликнула лэди Лоренцъ, желая остановить сына.

— Мнѣ все надоѣло, и, должно быть, тебѣ тоже надоѣло вѣчно чистить сапоги, и потому ты останешься при мнѣ и будешь учить меня дѣлать то, чего я не умѣю.

— Не дурно затѣяли! Я вижу, что вы хорошо научились хоть одному дѣлу, а именно, ѣздить... на другихъ,—замѣтилъ Джимъ колко.

— О, да! — возразилъ съ живостью Реджинальдъ, не понявъ насмѣшки: — у меня уже была настоящая лошадка, но она мнѣ тоже надоѣла!

— Но я вамъ скажу, мистеръ милліонеръ, что вотъ эта лошадка не позволитъ вамъ ѣздить на себѣ!— воскликнулъ Джимъ, ударяя себя въ грудь.

— Да мнѣ этого и не надо. Ужъ я большой и даже не катаюсь больше верхомъ на кузенѣ Чарли. Но каждому изъ насъ дадутъ по лошадкѣ, мы будемъ вмѣстѣ кататься по парку и...

Мальчикъ внезапно умолкъ, замѣтивъ, что Джимъ готовъ былъ прыснуть со смѣху.

— Развѣ ты не хочешь жить со мною и одѣваться какъ я?—спросилъ съ изумленіемъ Реджинальдъ, оглядывая свой роскошный костюмъ.

— Я еще не обезьяна шарманщика! — отвѣтилъ Джимъ расхохотавшись.

— Ахъ, вотъ что!.. Ну, такъ я буду одѣваться, какъ ты.

— Реджинальдъ, тебѣ пора принять лѣкарство,—замѣтила лэди Лоренцъ, выходившая за лѣкарствомъ.

— Ну васъ, съ вашимъ лѣкарствомъ!—вспылилъ мальчикъ.—На самомъ интересномъ мѣстѣ вдругъ бросай все и принимай вашу противную микстуру... Ахъ, я хотѣлъ бы лучше умереть!—произнесъ сквозь слезы Реджинальдъ.

— Вы, милліонеръ, умереть?!—съ усмѣшкой переспросилъ Джимъ.

— Я всегда былъ только милліонеромъ,—отвѣтилъ грустно Реджинальдъ, подавленный своимъ горемъ.

— Вотъ нашли о чемъ горевать!—снова расхохотался Джимъ.—Скажите только слово, и сейчасъ найдутся люди, которые охотно избавятъ васъ отъ этой обузы!.. Но прощайте, мнѣ некогда терять съ вами время!—и Джимъ повернулся, чтобы идти.

— Погоди, Треси; гдѣ ты живешь?

— Нигдѣ.

— Какъ нигдѣ? Куда же почтальонъ приноситъ тебѣ письма?

— Я никогда не получаю писемъ.

— Развѣ твои друзья не пишутъ тебѣ?

— У меня нѣтъ друзей, кромѣ вотъ этого,—отвѣтилъ Джимъ, указывая на Джеми.

— Ну, такъ я буду твоимъ другомъ; скажи, куда же писать тебѣ!

— Если вы вздумаете когда-нибудь писать мнѣ, такъ адресуйте письмо Патрику Мурфи, въ главное полицейское управленіе.

— О, Боже!—воскликнула ужаснувшись лэди Лоренцъ.—Ради Бога, Чарли, отдай скорѣй этимъ мальчикамъ деньги и выпроводи ихъ отсюда. Скажи Аннѣ, чтобы она отвела ихъ въ буфетную и велѣла Антону накормить ихъ. Кромѣ того,—обратилась она къ Джиму,—вамъ дадутъ съ собой хорошаго кушанья и цѣлый узелъ съ поношеннымъ платьемъ Реджинальда.

— Не безпокойтесь, сударыня, — гордо отвѣтилъ Джимъ.—Мы не беремъ милостыни, а зарабатываемъ себѣ одежду и ѣду и платимъ за нихъ деньги.

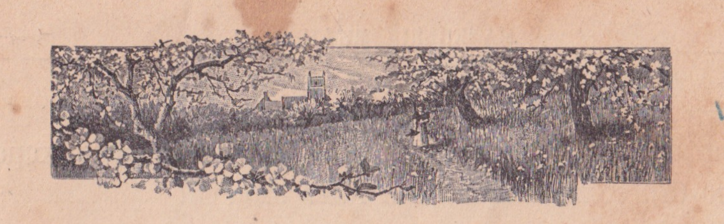

Мистеръ Лоренцъ проводилъ мальчиковъ внизъ и сунулъ въ руку Джиму бумажникъ съ словами:

— Это тебѣ и твоему маленькому помощнику, которому слѣдовало бы сидѣть въ школѣ, а не топтать улицы. Прощайте!

И раньше, чѣмъ Джимъ успѣлъ отвѣтить, дверь захлопнулась за ними, и они очутились на улицѣ.

ГЛАВА VI.

Бумажникъ.

Джеми съ сожалѣніемъ оглянулся на прекрасный домъ, изъ котораго они только-что вышли.

— О, если бы мы всегда жили тамъ!—произнесъ онъ съ глубокимъ вздохомъ.

Джимъ быстро повернулся и сурово взглянулъ на своего маленькаго товарища, котораго велъ за руку. Онъ сильно привязался къ этому хорошенькому безпомощному ребенку, котораго судьба забросила въ его одинокую жизнь, и грудь его сжалась тоскою при мысли, что онъ не можетъ сдѣлать для мальчика того, что подсказывало ему его доброе сердце, и чего требовала нѣжная натура Джеми.

— Ты хочешь идти туда и сдѣлаться обезьяной того мальчика, да.. Ужъ надоѣло чистить сапоги? Хочешь бросить меня?

— О, нѣтъ, Джимъ!—воскликнулъ Джеми, крѣпко ухватившись за руку своего друга.—Но вѣдь хорошо было бы, если бы мы жили тамъ вмѣстѣ!

— Ну, нѣтъ, только не для меня, — отвѣтилъ Джимъ:—тамъ совсѣмъ нѣтъ воздуха; я чуть не задохся у нихъ, и если бы можно было, снялъ бы у нихъ всю крышу. Да и весь домъ точно могила какая,—даже съ улицы ничего не слышно. По всѣмъ комнатамъ такъ и несетъ духами, а отъ этихъ огромныхъ занавѣсей даже захватываетъ духъ. Не удивительно, — продолжалъ Джимъ,—что этому мальчугану становится душно!.. Видѣлъ, какъ его вырядили? Точь-въ-точь какъ рождественскую куклу.

— А по-моему, онъ очень красивъ, — возразилъ Джеми:—жаль только, что онъ совсѣмъ не говорилъ со мной...

— Немудрено. Видишь ли, ему нужна перемѣна: онъ хочетъ кислаго, а ты сладкій. Ну, а такъ какъ я кислый, такъ онъ и присталъ ко мнѣ.

— Но я его все-таки люблю,—настаивалъ Джеми:— онъ такой... хорошій...

— А я чѣмъ же худой?—спросилъ задорно Джимъ, затронутый за-живое впечатлѣніемъ, произведеннымъ на Джеми маленькимъ милліонеромъ.

— Нѣтъ, ты не худой, Джимъ, ты хорошій; и если тебя хорошо одѣть, ты тоже будешь красивъ.

— Чѣмъ же я худо одѣтъ?—почти крикнулъ Джимъ.

— Но все-таки не такъ красиво, какъ онъ,—возразилъ Джеми.

— Значитъ, по-твоему, я былъ бы красивъ въ красной бархатной одеждѣ и съ длинными локонами?—презрительно спросилъ Джимъ.

— Да, но онъ не работаетъ въ этой одеждѣ,—замѣтилъ Джеми.

— Куда ему работать! Онъ, знай себѣ, только приказываетъ, да, засунувъ руки въ карманы, смотритъ, какъ другіе работаютъ.

— Отчего онъ говорилъ такъ невѣжливо съ своей мамой? Вѣрно, онъ былъ сердитъ на нее? Да?

— Должно быть, такъ. Видишь ли, онъ бѣсится, что его заставляютъ принимать такъ много лѣкарства, и начинаетъ брыкаться, какъ лошадка черезъ постромки, потому что ему надоѣло быть на привязи у передника матери. По-моему, мальчикъ долженъ быть мальчикомъ, если онъ хочетъ когда-нибудь сдѣлаться мужчиной,—продолжалъ съ убѣжденіемъ Джимъ. — Хорошо было бы, если бы онъ взялъ тебя къ себѣ!

— Развѣ ты хочешь отдѣлаться отъ меня, Джимъ?—спросилъ сквозь слезы Джеми.

— Нѣтъ, ни за что! Я не промѣняю тебя на всѣхъ щеголей на свѣтѣ. Я это сказалъ только такъ,—рѣшительно отвѣтилъ Джимъ.

Когда они добрались до нижней части города, было уже поздно приниматься за работу; къ тому же Джеми очень усталъ, и потому Джимъ рѣшилъ идти домой и лечь спать пораньше. Сберегательная касса была также уже закрыта, и бумажникъ съ деньгами пришлось поневолѣ оставить у себя до слѣдующаго утра.

— Давай-ка посмотримъ, сколько тутъ? Пятерка или десятка?—сказалъ Джимъ, открывая дома бумажникъ.—Господи! Да тутъ цѣлыхъ десять десятокъ!—вскрикнулъ онъ, вытаращивъ глаза отъ удивленія и перебирая хрустящія новыя бумажки. — Вѣрно мистеръ Лоренцъ ошибся и далъ мнѣ не тотъ бумажникъ!...

Первою мыслью Джима было тотчасъ отнести деньги обратно и такимъ образомъ исправить предполагаемую ошибку, но, взглянувъ на раскраснѣвшееся и утомленное личико растянувшагося на соломѣ Джеми, онъ отложилъ это дѣло до утра. Однако же, сумма была слишкомъ велика, чтобы рисковать оставить ее при себѣ въ такомъ открытомъ помѣщеніи, и потому Джимъ рѣшилъ отнести деньги на храненіе своему хорошему другу, дюжему молодому полисмену, Патрику Мурфи, съ которымъ онъ познакомился въ то время, когда поселился на складочномъ дворѣ. Дружба эта началась съ маленькой ссоры съ полицейскимъ, требовавшимъ, чтобы Джимъ переѣхалъ на другую квартиру.

— Здѣсь жить нельзя,—говорилъ ему полисменъ,— ты долженъ поселиться въ общемъ убѣжищѣ для чистильщикомъ сапогъ.

— На это у меня нѣтъ лишнихъ денегъ,—отвѣтилъ ему Джимъ.

— Такъ вычисти мнѣ сапоги, я тебѣ заплачу.

Джимъ вычистилъ сапоги и получилъ деньги.

— Ну, теперь убирайся отсюда!—крикнулъ ему полисменъ.

— Не горячись, служивый,—возразилъ Джимъ:—

помнишь, ты однажды говорилъ мнѣ, что когда-то самъ былъ бѣднымъ мальчикомъ? Значитъ, ты долженъ знать, какъ нелегко намъ живется. Отчего ты не хочешь позволить мнѣ остаться здѣсь?

— Оттого, что ты подожжешь весь дворъ своими спичками и окурками сигаръ.

Вмѣсто отвѣта Джимъ засунулъ руки въ панталоны и вывернулъ свои грязные карманы.

— Видишь, у меня нѣтъ ничего: ни спичекъ, ни окурковъ!—отвѣтилъ онъ.

— Но ты будешь зажигать свѣчку или лампу и шумѣть съ своими товарищами.

— У меня нѣтъ товарищей, а есть только давальцы,— возразилъ Джимъ:—баловать мнѣ тоже некогда; я только работаю и сплю.

— Развѣ ты никогда не былъ мальчикомъ?—спросилъ полисменъ, залюбовавшись энергичнымъ мальчуганомъ.

— Мнѣ некогда быть мальчикомъ; я жду, пока разбогатѣю.

Нѣсколько времени полицейскій зорко слѣдилъ за мальчикомъ, но, убѣдившись, что тотъ исполняетъ свое слово, оставилъ его въ покоѣ, предоставивъ ему жить въ будкѣ на складочномъ дворѣ.

Мурфи охотно принялъ бумажникъ на храненіе, когда узналъ, какимъ образомъ мальчику достались такія крупныя деньги.

— Я приду за ними завтра утромъ,—сказалъ ему Джимъ уходя и, вернувшись въ свою коморку, онъ прикурнулъ рядомъ съ Джеми подъ старое одѣяло и скоро заснулъ спокойнымъ сномъ.

ГЛАВА VII.

Бунтъ.

После невольнаго купанья въ заливѣ за Реджинальдомъ стали зорко слѣдить и днемъ и ночью. Лѣкарство подавалось ему аккуратно передъ сномъ, и въ домѣ соблюдалась полнѣйшая тишина. Гувернантка ходила, притаивъ дыханіе, на цыпочкахъ по толстымъ коврамъ, а лэди Лоренцъ отдавала приказанія насчетъ комфорта своего сына тихимъ шопотомъ. Въ алебастровой лампѣ съ золоченой подставкой горѣло маленькое пламя, освѣщавшее мягкимъ полусвѣтомъ великолѣпно убранную комнату.

Мальчикъ лежалъ на гофрированной подушкѣ, раскидавъ на ней свои длинные золотистые локоны; его бѣлоснѣжныя ручки покоились на шолковомъ одѣялѣ, а слабый свѣтъ лампы еще болѣе умѣрялся балдахиномъ изъ газоваго тюля. Надъ изголовьемъ красовался

тонкой рѣзьбы ангелъ-хранитель съ распущенными крыльями, подъ которымъ находилась прекрасная надпись съ инкрустаціей: „Онъ даруетъ сонъ своимъ избраннымъ“. Рядомъ съ кроватью на бронзовой табуреткѣ лежали принадлежности утренняго туалета: маленькій атласный халатъ, шолковые чулки и вышитыя золотомъ туфли. Позади открытыхъ портьеръ алькова виднѣлась кроват преданной гувернантки, которой было строго наказано не смыкать глазъ во время сна ея питомца; сама лэди Лоренцъ находилась въ сосѣдней комнатѣ и строго слѣдила за тѣмъ, чтобы ея приказанія исполнялись въ точности.

Ночь прошла спокойно, и только часовъ пять-шесть спустя послѣ того, какъ Джимъ и Джеми успѣли заработать и съѣсть свой завтракъ, Реджинальдъ открылъ свои глазки навстрѣчу прекрасному лѣтнему дню. Мадемуазель Кларетъ была все время на-сторожѣ и, какъ только мальчикъ проснулся, пожелала ему добраго утра и спросила по-французски, не угодно ли ему встать.

— Да,—отвѣтилъ съ живостью Реджинальдъ.

— Будьте любезны, отвѣтьте мнѣ по-французски.

— Я буду отвѣчать вамъ по-французски только тогда, когда захочу,—послѣдовалъ отвѣтъ.

— Но, мистеръ Реджинальдъ, ваша мамаша желаетъ, чтобы вы говорили со мной по-французски.

— Я не французъ, и вы, мадемуазель, не сдѣлаете изъ меня француза.

— Развѣ вы не хотите быть вѣжливымъ? Этого всѣ отъ васъ ожидаютъ.

— Вы вѣчно ожидаете чего-то, мадемуазель; отчего бы вамъ не подождать, когда оно само явится?

— Вы огорчаете меня, мистеръ Реджинальдъ.

— Огорчаю? А вспомните-ка, мадемуазель, сколько разъ вы огорчали меня своими несносными французскими глаголами!

— Это дѣлалось ради вашей пользы.

— Я всю жизнь дѣлалъ все ради своей пользы, теперь же я буду...

— Нѣтъ, нѣтъ, мистеръ Реджинальдъ, — прервала его гувернантка,—не говорите такихъ вещей; продолжайте быть хорошимъ мальчикомъ!

— Что съ тобою, мой милый?—спросила лэди Лоренцъ, поспѣшно входя въ комнату.—Мадемуазель, вѣдь я вамъ приказывала никогда не спорить съ Реджинальдомъ.

— Но, мама, мадемуазель и не спорила со мной, а я спорилъ съ нею.

— Ты не долженъ волноваться, дорогой мой; докторъ Кемперъ говоритъ, что это вредно для твоего здоровья.

— Мама,—спросилъ вдругъ Реджинальдъ,—доктора долго живутъ?

— Какой странный вопросъ! Они живутъ такъ же долго, какъ и другіе люди, другъ мой.

— Мама, я хотѣлъ бы, чтобы доктору Кемперу было сто лѣтъ.

— Что ты этимъ хочешь сказать, Реджинальдъ? Развѣ тебѣ надоѣлъ нашъ докторъ?

— Да, мама, очень надоѣлъ!

— Ты хочешь другого?

— Да, мама, я хочу, чтобы у меня былъ мертвый докторъ.

Лэди Лоренцъ не нашла удобнымъ продолжать этотъ разговоръ и потому послала гувернантку смѣрить температуру ванны, приготовленной для мальчика. Ванна оказалась готовой, и маленькій джентльменъ предложилъ матери удалиться изъ комнаты.

— Ты сама знаешь, мама, какая ты неспокойная,—сказалъ онъ,—а я едва выношу около себя даже мадемуазель.

— Только не оставайся слишкомъ долго въ водѣ, дорогой мой, и не замочи свои локоны; да не забудь потомъ, какъ выйдешь изъ ванны, сейчасъ же надѣть туфли,—наказывала ему мать уходя.

— Ну, мадемуазель, теперь вы тоже можете идти,— сказалъ мальчикъ, повелительнымъ жестомъ указывая на дверь.

— Боюсь, вы, пожалуй, еще утонете въ ваннѣ, — замѣтила гувернантка съ тревогой, покорно направляясь къ выходу.

Остановившись за дверями, она приложила ухо къ замочной скважинѣ и скоро услышала, что ея воспитанникъ началъ плескаться въ водѣ.

Когда наступило время выходить изъ ванны, она снова подошла къ двери, за которой все еще раздавался плескъ воды.

— Докторъ запретилъ вамъ оставаться въ ваннѣ дольше десяти минутъ!—крикнула она съ безпокойствомъ своему питомцу.

— Мой новый докторъ умеръ и не можетъ теперь запрещать!—отвѣтилъ мальчикъ.

— Ваша мама говоритъ...

— Моя мама говоритъ то, что мой новый докторъ думаетъ!—крикнулъ мальчикъ.

Въ ванной комнатѣ наступила тишина.

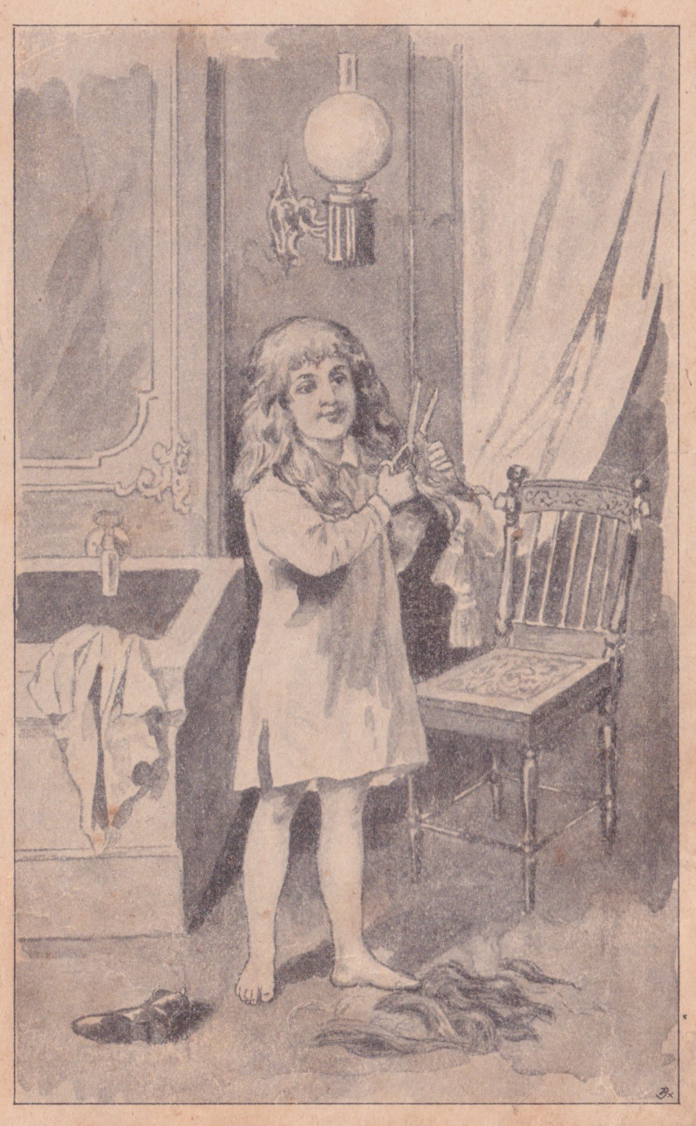
— Мистеръ Реджинальдъ! мнѣ страшно! Ради Бога, впустите меня!—закричала гувернантка.

Отвѣта не послѣдовало.

— Милэди, милэди! — закричала она въ испугѣ. — Мистеръ Реджинальдъ не отвѣчаетъ! Я боюсь за него!

На этотъ крикъ прибѣжала лэди Лоренцъ и стала умолять сына отворить дверь. Наконецъ задвижка щелкнула, дверь распахнулась, и обѣ женщины увидѣли Реджинальда среди груды лежавшихъ на полу золотистыхъ локоновъ; ножницы въ его рукахъ служили явною уликою совершеннаго имъ преступленія.

— Реджинальдъ, дитя мое! Что ты надѣлалъ?—всплеснувъ руками, въ ужасѣ вскрикнула лэди Лоренцъ при видѣ остриженной и взъерошенной головы сына.

Ножницы въ его рукахъ служили уликою его преступленія.

— Джимъ Треси тоже не носитъ локоновъ,—отвѣтилъ лаконически мальчикъ.

— О, эти прекрасные локоны!—вскрикнула гувернантка съ сожалѣніемъ.

— О, эти прекрасные локоны!—повторилъ, передразнивая ее, мальчикъ и, схвативъ свой бархатный костюмъ. онъ съ презрѣніемъ швырнулъ его въ ванну.

— О, это прекрасное пунцовое платье!—вскрикнула оторопѣвшая гувернантка.—Вы ужасный мальчикъ!

— Ну, теперь я избавился отъ этой мартышкиной одежды и этихъ противныхъ локоновъ,—злорадно замѣтилъ Реджинальдъ:—и если вамъ снова удастся одѣть меня обезьяной, такъ я позволю вамъ связать мнѣ руки и ноги и повѣсить на стѣнѣ рядомъ съ прочими вашими побрякушками!

— Это ужасно!—простонала лэди Лоренцъ и, обращаясь къ гувернанткѣ, указала на лежавшіе на полу локоны:—Подберите ихъ. Я думаю, мнѣ придется васъ уволить, мадемуазель Кларетъ,—вы не можете больше справиться съ Реджинальдомъ.

При этихъ словахъ бѣдная гувернантка поблѣднѣла и молча вышла изъ комнаты, откуда вслѣдъ затѣмъ раздался гнѣвный голосъ мальчика, прозвучавшій въ ея ушахъ чудесной музыкой:

— Но знаешь, мама!—крикнулъ онъ, краснѣя отъ гнѣва:—ты тоже не можешь справиться со мною, и все-таки я тебя до сихъ поръ не отсылалъ прочь!

Лэди Лоренцъ залилась слезами.

— Мама, мама, прости своего гадкаго Реджиналь-

да!—воскликнулъ мальчикъ, бросаясь на шею матери.— Мнѣ очень жаль, что я заставилъ тебя плакать. Я постараюсь не быть гадкимъ! Но ты должна оставить мадемуазель.

— Но зачѣмъ ты остригъ свои чудесные локоны, Реджинальдъ? Вѣдь я хотѣла дать снять съ тебя портретъ вмѣстѣ съ Вилли Саундерсъ, и вы вышли бы, какъ два маленькіе принца!

— Маленькіе принцы гораздо счастливѣе меня, мама!—замѣтилъ грустно Реджинальдъ.

— Что же мнѣ сдѣлать для тебя, чтобы ты былъ счастливъ, дитя мое?—спросила со слезами на глазахъ нѣжная мать, прижимая къ груди мальчика.

— Ради Бога, мама, не дѣлай ничего, и я буду очень счастливъ!—отвѣтилъ мальчикъ.

ГЛАВА VIII.

Вторичный визитъ.

Поднявшись рано утромъ, наши чистильщики сапогъ позавтракали и, отыскавъ полисмена Мурфи, взяли у него бумажникъ, чтобы возвратить его владѣльцу.

Подойдя къ парадной лѣстницѣ, Джимъ остановился въ нерѣшительности: ему не хотѣлось встрѣтиться съ надменнымъ лакеемъ Тиммономъ, потому что тотъ сталъ бы разспрашивать его о причинѣ прихода.

Но въ ту минуту, какъ мальчикъ уже рѣшился взяться за звонокъ, дверь отворилась, и на порогѣ показался мистеръ Лоренцъ. Онъ строго взглянулъ на мальчика; но Джимъ, нисколько не смутясь, вынулъ изъ кармана бумажникъ и подалъ его молодому джентльмену.

— Вы ошиблись, мистеръ Лоренцъ,—сказалъ онъ,— и вѣрно не замѣтили, что дали мнѣ сто долларовъ.

— Нисколько,—возразилъ молодой джентльменъ,— моя тетка назначила тебѣ именно такую сумму.

Мальчикъ съ удивленіемъ уставился на молодого человѣка.

— Эта награда совсѣмъ ничтожна, Треси, за твой отважный поступокъ.

— Но я совсѣмъ не заслужилъ такой награды; я сдѣлалъ бы то же самое и для собаки!

— Ты странный мальчикъ, что отказываешься отъ денегъ, когда ихъ даютъ тебѣ,—замѣтилъ мистеръ Лоренцъ, съ любопытствомъ оглядывая Джима.

— Я не привыкъ получать подарки и самъ зарабатываю себѣ деньги!

— Но вѣдь ты же нуждаешься въ нихъ? Положи ихъ въ сберегательную кассу. Знаешь ли ты, что это такое?

Вмѣсто отвѣта, Джимъ вынулъ изъ кармана свою грязную книжку вкладовъ и приказалъ Джеми сдѣлать то же самое.

„Въ кредитъ Джемса Грей одинъ долларъ“, прочелъ мистеръ Лоренцъ.

— Вижу, что ты умѣешь беречь деньгу,—замѣтилъ онъ Джиму, возвращая книжку Джеми:—значитъ, у тебя уже есть маленькій запасецъ на черный день.

Молодой джентльменъ кивнулъ мальчикамъ головой и отправился на службу, а Джимъ съ своимъ маленькимъ другомъ пошли отыскивать себѣ работу. Завер-

нувъ за уголъ прекраснаго дома лэди Лоренцъ, Джеми внезапно замѣтилъ въ окнѣ прекрасный терраріумъ, въ которомъ, среди роскошныхъ цвѣтовъ, порхали птички.

— О, Джимъ, взгляни-ка сюда, какое чудо!—воскликнулъ Джеми, бросаясь къ окну. Джимъ послѣдо-

валъ за нимъ и, въ свою очередь, залюбовался прекраснымъ терраріумомъ.

Въ это утро Реджинальда одѣли въ прекрасный новый костюмъ, и мадемуазель Кларетъ упрашивала его не мять и не пачкать новаго платья. Вмѣсто отвѣта мальчикъ бросился на полъ и сталъ валяться и бры-

каться какъ рѣзвая лошадка, только что выпущенная на пастбище.

— О, мистеръ Реджинальдъ, вы испортите вашъ великолѣпный костюмъ!—воскликнула озадаченная гувернантка.

— Да, мадемуазель, и буду дѣлать это до тѣхъ поръ, пока мнѣ не дадутъ такую одежду, какую я хочу! Я запрещаю вамъ говорить со мною на вашемъ противномъ французскомъ языкѣ.

— Но что же мнѣ дѣлать, сударь? Вы не позволяете мнѣ говорить по-французски, а ваша мамаша недовольна, когда я говорю съ вами по-англійски; я бы хотѣла угодить вамъ обоимъ.

— Я вамъ скажу, какъ вы можете угодить мнѣ, а на маму не обращайте вниманія,—сказалъ Реджинальдъ.

— Ну, чѣмъ же я могу угодить вамъ, сударь?—спросила гувренантка, обрадовавшись случаю снискать себѣ расположеніе своего воспитанника.

— Исполняйте все, что я вамъ приказываю, и не дѣлайте того, что я вамъ запрещаю.

— Я буду, не буду, я буду, не буду!—проговорила скороговоркой гувернантка.

— А потомъ не мѣшайте мнѣ дѣлать, что мнѣ вздумается,—добавилъ Реджинальдъ.

— Хорошо, сударь. Можетъ быть, вамъ теперь угодно еще побрыкаться на полу?—предложила серьезно гувернантка, желая посмотрѣть, какое впечатлѣніе произведетъ на ея своевольнаго воспитанника ея готовность поддакивать ему.

— Нѣтъ; если вы хотите, чтобы я повалялся, такъ я нарочно не сдѣлаю этого, а если вы не хотите, такъ я сейчасъ опять брошусь на полъ.

— На васъ трудно угодить, сударь, вы просто невозможны и доведете меня до сѣдыхъ волосъ.

— Нѣтъ, этого я не сдѣлаю, мадемуазель; вы можете быть спокойны насчетъ вашихъ красивыхъ черныхъ локоновъ. Но я ужасно голоденъ, и вы можете теперь отвести меня къ завтраку.

Мадемуазель Кларетъ была въ восхищенiи отъ этого разумнаго желанiя ея своенравнаго воспитанника и тотчасъ провела его въ столовую, на одномъ изъ оконъ которой находился террарiумъ. Время общаго завтрака уже прошло, и прекрасно сервированный столъ ожидалъ лишь маленькаго джентльмена. Реджинальдъ сѣлъ за столъ и, болтая ногами, смотрѣлъ съ недовольнымъ видомъ на поданныя блюда.

— Тутъ нѣтъ ни одного вкуснаго блюда!—замѣтилъ онъ, надувъ губки.

— Что вы, сударь! Чѣмъ же нехороши этотъ прекрасно сжаренный цыпленокъ, земляника со сливками и кофе съ такой вкусной булкой!

— Вы говорите совсѣмъ такъ, какъ докторъ Кемперъ говоритъ о лѣкарствѣ: „вкусной“,—передразнилъ онъ гувернантку,—а все это совсѣмъ не вкусно!

Въ это время вошла въ столовую лэди Лоренцъ, обыкновенно присутствовавшая при завтракахъ сына, чтобы слѣдить, подаются ли ему надлежащiя блюда и ѣстъ ли онъ столько, сколько нужно.

— Скажи мнѣ, что ты хочешь къ завтраку, дорогой мой?—спросила она сына.

— Я хочу жареной на рашперѣ утки и гречневыхъ лепешекъ,—отвѣтилъ мальчикъ.

— Но вѣдь теперь не время этимъ кушаньямъ, мой милый,—замѣтила мать.

— Тогда дайте мнѣ перепелку на жареномъ хлѣбѣ.

— Перепелокъ тоже не ѣдятъ въ это время, Реджинальдъ.

Мальчикъ съ шумомъ выскочилъ изъ-за стола и хотѣлъ было выбѣжать изъ комнаты, какъ вдругъ лицо его просіяло при видѣ удалявшихся отъ окна двухъ знакомыхъ фигуръ.

— Стой! стой!—закричалъ онъ.—Мама, пошли скорѣй за ними Тиммона. Это Джимъ Треси; я не съѣмъ ни одной крошки, если ты не пошлешь за нимъ.

Лэди Лоренцъ тотчасъ приказала лакею привести мальчиковъ въ столовую.

— Вѣроятно, онъ хочетъ еще денегъ!—пробормотала она, когда Реджинальдъ, выбѣжавшій на парадную лѣстницу, вернулся съ обоими мальчиками.

— Ты пришелъ ко мнѣ въ гости, Джимъ?—спросилъ обрадовавшись Реджинальдъ.

— Нѣтъ, и не думалъ,—отвѣтилъ Джимъ;—я приходилъ возвратить деньги.

— Развѣ тебѣ показалось мало? — спросила лэди Лоренцъ.

— Нѣтъ, но я думалъ, вы по ошибкѣ дали мнѣ такъ много,—пояснилъ Джимъ.

— Тутъ не было ошибки. Я дала тебѣ сто долларовъ бумажками.

— Вѣдь это бездѣлица, Треси!—воскликнулъ Реджинальдъ;—я думаю, моя лошадка стоитъ дороже. Мама, если онъ не хочетъ брать денегъ, купи ему тоже маленькаго пони... Ахъ, вотъ что, не хотите ли вы завтракать со мною?—вскричалъ Реджинальдъ, вспомнивъ, что онъ голоденъ.—Я не хочу клубники.

— А я очень люблю ее,—замѣтилъ скромно Джеми, не сводившій глазъ съ ягодъ:—я давно уже не ѣлъ клубники.

— Такъ вотъ садись рядомъ со мной и ѣшь. Мама, вели, пожалуйста, принести еще жареныхъ цыплятъ для Треси!

— Я уже завтракалъ, — возразилъ Джимъ, — и не хочу цыплятъ; я наѣлся колбасы.

— Знаешь ли, докторъ Кемперъ говоритъ, что весенніе цыплята очень хороши и питательны,—уговаривалъ Реджинальдъ, употребляя, самъ того не замѣчая, доводы своей матери.

— Мнѣ не нуженъ докторъ, который указывалъ бы мнѣ, что я долженъ ѣсть, когда голоденъ,—возразилъ Джимъ, вмѣстѣ съ Джеми слѣдуя за лэди Лоренцъ въ прихожую, куда она знакомъ пригласила его.

— Прошу васъ уйти теперь,—сказала она тихимъ голосомъ:—я не сомнѣваюсь, что вы хорошіе мальчики, но не могу допустить, чтобы Реджинальдъ волновался, и не хочу, чтобы вы приходили сюда.

— Будьте спокойны, сударыня,—отрѣзалъ Джимъ:—

мы сюда больше не придемъ; но если вашъ сынокъ опять упадетъ въ воду, вы тоже не волнуйтесь.

Въ эту минуту на верхней площадкѣ показался Реджинальдъ. Полагая, что мать отвела Джима въ сторону только затѣмъ, чтобы увеличить его вознагражденіе, онъ съ минуту прождалъ въ столовой, а затѣмъ бросился въ переднюю и оттуда на лѣстницу. При видѣ уходившихъ мальчиковъ онъ вспыхнулъ отъ досады и сталъ звать ихъ назадъ, но Джимъ не обратилъ никакого вниманія на его настойчивые крики и, когда оглянулся, увидѣлъ, что Реджинальдъ стоитъ на порогѣ и, весь красный отъ гнѣва, топаетъ ногами.

ГЛАВА IX.

Ваза.

Заботы лэди Лоренцъ о счастьѣ и здоровьѣ сына достигли размѣровъ, походившихъ на преслѣдованіе. Она зорко слѣдила за каждымъ его шагомъ, наблюдала за каждымъ его движеніемъ. Потерявъ остальныхъ дѣтей, она пуще глаза берегла единственнаго сына и съ помощью доктора и гувернантки руководила его воспитаніемъ. Жизнь мальчика походила на заведенные часы: всѣ дни и часы были точно распредѣлены и ничѣмъ не отличались одинъ отъ другого. Поэтому не мудрено, что ему до тошноты наскучило это невыносимое однообразіе, и онъ зачастую отказывался подчинятъся требованіямъ своихъ воспитателей, въ особенности, когда бой часовъ призывалъ его къ новому занятію.

Однажды, въ ненастную погоду, Реджинальдъ въ обычный часъ прогуливался со своей гувернанткой по

крытой стекломъ верандѣ, находившейся въ южномъ флигелѣ. Уроки давались ему большей частью на французскомъ языкѣ и составлялись какъ можно легче и привлекательнѣе, чтобы не слишкомъ утруждать маленькаго джентльмена. Въ этотъ день въ концѣ урока онъ очень заинтересовался одной французской басней, какъ вдругъ раздался бой часовъ, а вслѣдъ затѣмъ послышался голосъ матери, напоминавшей ему, что пора принять лѣкарство и садиться въ ванну.

— Знаете ли, мадемуазель, когда я выросту большой, я никогда не буду дѣлать того, что мнѣ не нравится! — сказалъ мальчикъ, нехотя слѣдуя за гувернанткой.

— Чего же вы не будете дѣлать?

— Я не буду брать ванны.

— Какъ это можно! Тогда вы будете ходить грязный.

— Потомъ, я не буду принимать лѣкарства.

— Тогда вы умрете.

— И потомъ я разобью всѣ часы въ домѣ.

— Тогда вы не будете знать, когда ложиться спать, когда обѣдать и когда заниматься.

— Я не хочу знать, въ какой часъ что дѣлать, а буду поступать такъ, какъ мнѣ нравится, и заставлю часы и всѣхъ другихъ тоже дѣлать то, что я хочу.

— Тогда вы будете нехорошій мальчикъ, и ваша мамаша будетъ очень несчастна!

— О, мама и такъ несчастна,—отвѣтилъ съ живостью Реджинальдъ;—это все равно.

— Значитъ, вы не хотите, чтобы она была хоть одинъ день счастлива?

— Но какъ же мнѣ это сдѣлать?—спросилъ со вздохомъ Реджинальдъ.

— Слушайтесь всегда маму.

— А вы думаете, мнѣ пріятно принимать лѣкарство, когда я совсѣмъ здоровъ, и бросать интересный урокъ, когда пробьютъ часы, и все это для того только, чтобы принимать по сотнѣ ваннъ въ день?

— Сэръ!—замѣтила съ укоромъ гувернантка.

— Ну, хорошо, я хотѣлъ сказать одну или двѣ ванны,—поправился Реджинальдъ, любившій говорить правду.

— Это дѣлается ради вашей пользы и чтобы сдѣлать васъ лучше, чѣмъ вы есть, сэръ.

— Развѣ я такой нехорошій, мадемуазель?

— Нѣтъ, нѣтъ, не то; но всѣ ожидаютъ, что вы, какъ богатый мальчикъ, сдѣлаетесь еще лучше.

— Тогда я не хочу быть богатымъ, мадемуазель. Бѣдные мальчики навѣрное живутъ лучше меня.

— Да вы совсѣмъ не знаете, какъ живутъ бѣдные мальчики.

— О, какъ не знаю! Я знаю слѣпого мальчика торговца,—помните, мы часто видимъ его, когда ѣдемъ мимо,—онъ цѣлый день стоитъ на углу съ маленькою собачкой; потомъ я знаю сына шарманщика,—онъ всегда собираетъ мѣдныя деньги въ чашку, и еще я знаю маленькаго мальчика нашего кучера, который въ нашемъ саду часто дѣлаетъ пирожки изъ песку.

— Такъ вы хотѣли бы быть такимъ мальчикомъ, сэръ?

— Не знаю, но мнѣ хочется выйти на улицу и ходить въ школу, какъ дѣлаютъ другіе мальчики.

— Да вѣдь тамъ вы непремѣнно заразитесь какою-нибудь болѣзнью, сэръ! — воскликнула въ ужасѣ гувернантка.

— Ну такъ что жъ, вѣдь я же принимаю много лѣкарствъ. Развѣ они не вылѣчатъ меня? А еще эти ванны?

Въ эту минуту въ комнату вошла чисто одѣтая женщина съ небольшой корзинкой въ рукахъ и, низко поклонившись мальчику и гувернанткѣ, остановилась у порога.

— Ахъ, вотъ мистриссъ Дове! Вы пришли сметать пыль съ нашихъ вещей!—вскричалъ Реджинальдъ.— Пойдемте смотрѣть, мадемуазель, тогда мнѣ не придется сейчасъ брать этой несносной ванны!

Реджинальду доставляло всегда большое удовольствіе смотрѣть, съ какимъ стараніемъ эта женщина исполняла свою работу, и какъ она открывала горки, этажерки, шкафы и вынимала оттуда разныя драгоцѣнности и рѣдкости. При этой уборкѣ всегда, въ видѣ надзора, присутствовала гувернантка, выдававшая ключи къ шкафамъ и по окончаніи работы принимавшая ихъ обратно.

Реджинальдъ сидѣлъ у стола, подперевъ подбородокъ ладонью, и молча слѣдилъ за кропотливой работой прилежной женщины. Между прочими рѣдкостями

тутъ была большая горка съ коллекціей драгоцѣнныхъ китайскихъ вазъ, изъ которыхъ въ особенности одна выдавалась своей необычайной красотой. Вытеревъ тщательно и осторожно пыль съ вазы, женщина положила

ее обратно въ подбитый атласомъ футляръ и, поставивъ на столъ, принялась за другія вещи. Мальчикъ задумчиво засмотрѣлся на это прекрасное произведеніе искусства, и въ его головкѣ внезапно мелькнула мысль, что жизнь его походитъ на эту вазу. Не долго думая, онъ подошелъ къ столу и взялъ ее въ руки. Сначала

гувернантка не замѣтила этого, но, увидѣвъ вдругъ драгоцѣнную вазу въ рукахъ своего неосторожнаго воспитанника, обомлѣла отъ страха.

— Мистеръ Реджинальдъ, ради Бога!—вскрикнула она, тяжело переводя духъ.

Мальчикъ схватилъ вазу за тонкую шейку и, приподнявъ ее обѣими руками, размахнулся, чтобы бросить объ полъ.

При крикѣ гувернантки женщина оглянулась и въ ужасѣ протянула руки, какъ бы желая спасти вазу.

— Дайте мнѣ ее! — вскричала она умоляющимъ голосомъ.

Но Реджинальдъ продолжалъ размахивать вазой какъ колоколомъ. Первой мыслью гувернантки было бѣжать за лэди Лоренцъ, но вспомнивъ, что ея нѣтъ дома, она бросилась на колѣни передъ Реджинальдомъ и съ умоляющимъ видомъ протянула къ нему руки.

— Отдайте мнѣ ее! Отдайте мнѣ ее! И я сдѣлаю все. что вы хотите!—просила она задыхающимся голосомъ.

Но Реджинальдъ оставался глухъ и слѣпъ и продолжалъ съ угрожающимъ видомъ размахивать вазой.

Вдругъ до слуха его донесся тяжелый стонъ, а вслѣдъ затѣмъ шопотъ: „Если онъ разобьетъ вазу, я съ дочерью лишусь послѣдняго куска хлѣба!“

Оглянувшись, онъ увидѣлъ позади себя бѣдную женщину; она стояла, закрывъ лицо руками, и тихо плакала.

Реджинальдъ молча положилъ вазу въ футляръ и, подойдя къ женщинѣ, отвелъ ея руки отъ лица.

Мальчикъ схватилъ вазу и размахнулся, чтобы бросить ее объ полъ.

— Что такое вы сказали о хлѣбѣ? — спросилъ онъ ее.

— Ваза!..—простонала она въ отвѣтъ.—Что вы съ ней сдѣлали?

— Ничего; но скажите мнѣ, что вы сейчасъ сказали о хлѣбѣ? Вѣдь во всѣхъ булочныхъ сколько угодно хлѣба и пирожнаго! — замѣтилъ Реджинальдъ, не понимая ея волненія.

— Я должна сначала заработать деньги, раньше чѣмъ купить хлѣбъ, а здѣсь у меня почти единственный заработокъ!—отвѣтила женщина, оправившись отъ испуга при видѣ стоявшей въ цѣлости на столѣ вазы.

— Я вамъ дамъ денегъ, сколько угодно!—воскликнулъ Реджинальдъ и опустилъ руки въ карманы, но тотчасъ вынулъ ихъ оттуда.—Ахъ, я совсѣмъ забылъ,— сказалъ онъ смутившись, — что истратилъ всѣ деньги на покупку серебрянаго ошейника для нашей Бобби.

— Объ этомъ не безпокойтесь, сэръ,—замѣтила гувернантка, принимая ключи отъ женщины;—но уйдемте, пожалуйста, отсюда, иначе вамъ, пожалуй, опять вздумается разбить вазу!

Они вышли въ другую комнату, и Реджинальдъ слышалъ, какъ женщина шопотомъ сказала гувернанткѣ:

— Я сказала Лизѣ, что вы позволили ей придти за лоскутками. Да вотъ, она ужъ тутъ!

Реджинальдъ оглянулся и увидѣлъ въ дверяхъ высокую фигуру ключницы рядомъ съ скромно одѣтой дѣвочкой, у которой разбѣгались глаза при видѣ роскошной обстановки барскаго покоя.

— Мадемуазель, Лиза Дове пришла за обѣщанными лоскутками,—доложила ключница уходя.

— Я сейчасъ принесу ихъ, Лизочка. Не хотите ли, мистриссъ Дове, показать ей эти красивыя вещи?— сказала она уходя.

Лиза Дове была красивая черноглазая дѣвочка съ выразительнымъ личикомъ. Она съ перваго взгляда понравилась Реджинальду, наблюдавшему за нею изъ отдаленнаго угла. Съ нескрываемымъ удивленіемъ смотрѣла она на роскошно обставленную прихожую, на великолѣпную мраморную лѣстницу съ разноцвѣтными стеклами, отражавшую всѣ цвѣта радуги, на чудесныя картины, развѣшанныя по стѣнамъ, на крылатаго амура и на снѣжно-бѣлыя блестящія статуи, какъ бы желавшія выступить изъ полумрака.

— Это парадная прихожая,—объясняла мать.—Ты бы посмотрѣла, Лизочка, какъ тутъ красиво, когда все освѣщено и играетъ музыка, а вся лѣстница уставлена чудесными цвѣтами, и по ней поднимаются нарядныя дамы въ свѣтлыхъ атласныхъ и шелковыхъ платьяхъ!

— Это точно волшебный замокъ, мама. Должно быть, всѣ они здѣсь очень счастливы!

Это замѣчаніе дѣвочки крайне удивило Реджинальда: онъ не понималъ, какъ можно удивляться такимъ обыкновеннымъ вещамъ.

— И все-таки я очень несчастливъ!—сказалъ онъ, внезапно выступая изъ полумрака.—А развѣ вы счастливы?

Лиза сильно перепугалась: ей показалось, что одна изъ статуй вдругъ заговорила и сошла съ своего мѣста.

— Какъ вы меня испугали!—сказала она, придя въ себя:—вы стояли такъ тихо, что я приняла васъ за одну изъ этихъ красивыхъ статуй!

— И ты не ошиблась! Я не только статуя, но и синяя китайская ваза! Не хочешь ли посмотрѣть ее?—спросилъ Реджинальдъ, приглашая дѣвочку въ кабинетъ, гдѣ хранились рѣдкости.—Видишь, какая она красивая въ своемъ синемъ нарядѣ? Совсѣмъ какъ я!

Лиза посмотрѣла на красиво одѣтаго мальчика, а потомъ на вазу съ ея роскошнымъ футляромъ.

— Что вы! Вы совсѣмъ не похожи на нее! — засмѣялась дѣвочка.

— Какъ не похожъ! Мы оба полированы и сидимъ взаперти. Но я когда-нибудь разобью ее и выпущу ея душу на волю, а потомъ и самъ убѣгу.

— Что вы хотите сдѣлать, сэръ?—спросила гувернантка, вбѣгая съ руками полными разноцвѣтныхъ лоскутковъ.—Вы хотите разбить мое сердце?

— Нѣтъ, только синюю вазу.

— Уйдемте скорѣй изъ этой комнаты, — сказала гувернантка.—Я боюсь за жизнь вазы. Мистеръ Реджинальдъ убьетъ ее!

ГЛАВА X.

Садъ въ облакахъ.

Лиза Дове жила съ своей матерью на крышѣ очень большого высокаго дома, гдѣ ея дядѣ, привратнику дома, была отведена маленькая мансарда.

Отсюда, вдали отъ пыли, шума, уличной суеты, Лиза цѣлыми днями любовалась разстилавшимся подъ нею городомъ съ его серебристой рѣкой и великолѣпными зданіями. Жилище ея напоминало воздушный замокъ, и сосѣдями ея были лишь одни воркующіе голуби да легкокрылыя ласточки. Скучать Лизѣ было некогда: она день-деньской была занята своими книгами и работой, а устроенный на крышѣ цвѣтущій садикъ также требовалъ постояннаго ухода. Дядя ея разставилъ вокругъ мансарды низкіе продолговатые ящики съ цвѣтами и виноградомъ, который своею темною

— Ты всегда говорила мнѣ, мама, что только тѣ люди счастливы, которые довольны своей долей, а по лицу этого мальчика видно, что онъ недоволенъ.

— И все-таки у него все есть, чтобы быть счастливымъ,—замѣтила мистриссъ Дове.

— И какъ странно онъ говоритъ!—продолжала дѣвочка.—Но онъ все-таки очень интересенъ. Я хотѣла бы, чтобы его мама позволила ему придти сюда посмотрѣть, какъ мы живемъ.

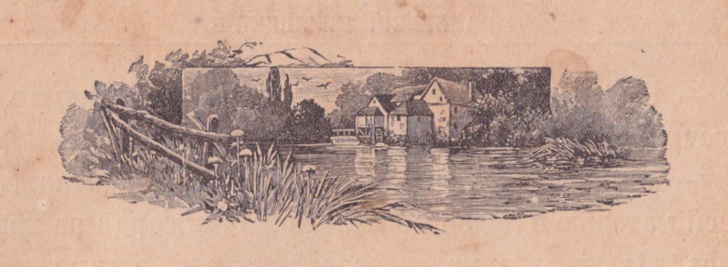
— Мы не такіе люди, Лиза, къ которымъ лэди Лоренцъ отпуститъ своего сына. Кромѣ того онъ не увидитъ здѣсь ничего такого, что помирило бы его съ его долей.

— Но знаешь ли, мама, если бы онъ пошелъ со мной въ больницу и посмотрѣлъ тамъ моихъ маленькихъ больныхъ, хромыхъ и другихъ несчастныхъ дѣтей, такъ понялъ бы, что онъ счастливъ. Ты слышала, онъ сказалъ, что когда-нибудь убѣжитъ? И отчего это, мама, люди ищутъ чего-то, когда у нихъ уже все есть?

— Оттого, моя дорогая, что человѣкъ рѣдко бываетъ доволенъ своей долей и не сознаетъ, что не нажитое добро, а добрыя дѣла дѣлаютъ его счастливымъ.

Лиза никогда не ходила въ школу, а училась у своей матери, бывшей въ молодости сельской учительницей. Дѣвочка училась очень прилежно и была не по лѣтамъ любознательна, и жизнь ея въ маленькой мансардѣ, въ обществѣ любимой матери и баловавшаго ее дяди, напоминала тихій ручеекъ въ ясный лѣтній вечеръ.

ГЛАВА XI.

Разбитое зеркало.

После ухода Лизы и ея матери Реджинальдъ долгое время оставался тихимъ и задумчивымъ. Наконецъ онъ поднялъ голову и, взглянувъ на гувернантку, исправлявшую его французскій урокъ, сказалъ:

— Мнѣ больше нравятся дѣвочки, чѣмъ большія дамы.

— Это вполнѣ понятно,—отвѣтила гувернантка.

— А гдѣ живетъ эта дѣвочка, мадемуазель?

— Она живетъ въ городѣ высоко, высоко, на самой крышѣ большого дома.

— Это очень забавно. Значитъ ея жилище похоже на такую же голубятню, какая находится на крышѣ нашего каретнаго сарая.

— Да, но только гораздо просторнѣе.

— Разскажите мнѣ, мадемуазель, какъ живетъ эта дѣвочка?

— Тутъ почти нечего разсказывать; она живетъ со своей матерью и дядей въ маленькой мансардѣ на крышѣ очень высокаго дома и передѣлываетъ старыя куклы для больныхъ дѣтей.

— Мнѣ страшно надоѣло все новое, и я тоже хотѣлъ бы передѣлывать что-нибудь... Завтра утромъ я пойду къ ней!

— Ваша мама не позволитъ вамъ...

— Мадемуазель, я уже говорилъ вамъ, что буду дѣлать, что хочу!—перебилъ ее Реджинальдъ.

— Въ такомъ случаѣ вы должны дѣлать только то, что хорошо, мистеръ Реджинальдъ.

— А развѣ взрослые люди всегда дѣлаютъ только то, что хорошо?

— Да, когда они добрые.

— А вы добрая, мадемуазель?

— Развѣ вы хотите исповѣдывать меня, мистеръ Реджинальдъ.

— Нѣтъ... А какъ зовутъ эту дѣвочку?

— Лиза Дове.

— Лиза Дове хорошая дѣвочка. Знаете, мадемуазель, она очень похожа на ту дѣвочку у фонтана, которая нарисована на картинѣ въ нашей библіотекѣ.

— Вы правы, она дѣйствительно похожа на нее: у нея такіе же большіе испуганные глазки, какъ и у Красной Шапочки.

— И она совсѣмъ непохожа на мою кузину: Эстель

„Мама, я разбилъ зеркало!“ крикнулъ Реджинальдъ.

курносая, вся въ веснушкахъ, и всегда боится запачкать свое платье... Скажите, мадемуазель, отчего богатые люди такъ некрасивы?

Они находились въ уборной Реджинальда, гдѣ стояло большое трюмо, передъ которымъ мальчикъ обыкновенно изучалъ позы или, какъ говорила гувернантка, пріучался, какъ держать плечи и голову. Вмѣсто отвѣта гувернантка подвела его къ зеркалу и сдѣлала низкій реверансъ передъ красивой фигурой мальчика, отражавшейся въ зеркалѣ.

Реджинальдъ вспыхнулъ отъ гнѣва, поднялъ руку и съ силою бросилъ въ зеркало горсть стеклянныхъ свѣтленькихъ шариковъ. Раздался звукъ разбитаго на тысячу кусковъ стекла—и красивый образъ мальчика мгновенно исчезъ, подобно отраженію тихаго ручья отъ брошеннаго въ него камня.

— Что вы сдѣлали, мистеръ! — вскрикнула гувернантка въ испугѣ.—Это ужасно худая примѣта! Что мнѣ сказать вашей мамашѣ?

— Я самъ скажу ей,—перебилъ ее Реджинальдъ опомнившись.—Но вы вызвали меня на это, мадемуазель; мнѣ надоѣло слушать похвалы моей красотѣ и одеждѣ... Мама!—крикнулъ мальчикъ, заслышавъ приближающіеся шаги матери:—я разбилъ зеркало, а мадемуазель говоритъ, что это худая примѣта!

Лэди Лоренцъ отвела сына въ свою комнату и опустилась на стулъ.

— Реджинальдъ!—выговорила она задыхаясь:—все другое, только не зеркало...

— О, мама, неужели это худая примѣта?—вскрикнулъ мальчикъ, блѣднѣя отъ волненія.

— Не то, не то, Реджинальдъ... меня пугаетъ твоя запальчивость...

— Я больше никогда не сдѣлаю этого, мама, прости меня!—вскричалъ мальчикъ, бросаясь на шею матери и нѣжно цѣлуя ее въ губы.—Помнишь, Катя тоже разбила зеркало у ключницы, и ничего худого изъ этого не вышло!

— Зачѣмъ ты разбилъ трюмо, Реджинальдъ?

— Я сказалъ мадемуазель, что богатые люди некрасивы, а она подвела меня къ зеркалу, чтобы я посмотрѣлъ на себя; потомъ она всегда хочетъ, чтобы я дѣлалъ такъ или этакъ, потому что это красиво, а мнѣ надоѣло быть красивымъ, мама, и я хочу идти къ Лизѣ Дове, которая живетъ на крышѣ большого дома и передѣлываетъ старыя куклы!—закончилъ Реджинальдъ, вернувшись къ занимавшему его предмету.

— Гдѣ ты видѣлъ эту Лизу Дове?—спросила мать холодно.

— Я видѣлъ ее въ гостиной; она пришла къ мадемуазель за лоскутками и все время сидѣла тихо, пока ея мать чистила наши вещи. Она добрая; дѣлаетъ куклы для больныхъ дѣтей, и я тоже хочу дѣлать что-нибудь для кого-нибудь!

Лэди Лоренцъ съ безпокойствомъ посмотрѣла на сына, какъ бы желая уяснить себѣ тайну его страннаго поведенія, и вдругъ содрогнулась при воспоминаніи о дальнемъ родственникѣ, умершемъ въ домѣ

умалишенныхъ. Но эта мысль была такъ ужасна, что она тотчасъ отбросила ее.

— Реджинальдъ!—вскрикнула она внезапно, какъ бы поборовъ себя:—съ этой минуты ты можешь дѣлать

все, что хочешь! Скажи мнѣ, что ты хочешь имѣть и что хочешь дѣлать?

Неожиданное согласіе матери поразило мальчика; онъ задумался и, вздохнувъ глубоко, сказалъ:

— Позволь мнѣ, мама, бѣгать вездѣ, дѣлать, что мнѣ хочется, и не вели смотрѣть за мною.

— Не смотрѣть за тобою, когда я только и думаю о твоемъ счастьи и смотрю за тѣмъ, чтобы для тебя все дѣлалось?!

— Да, мама, но пусть все дѣлается само собою. У насъ все такъ аккуратно, по часамъ, и... я не знаю, какъ сказать... я... я хочу быть совсѣмъ свободнымъ.

По лицу лэди Лоренцъ катились крупныя слезы.

— А я хотѣла, чтобы ты былъ совсѣмъ счастливъ!—сказала она съ глубокимъ вздохомъ, поднимаясь съ мѣста и безпокойно зашагавъ по комнатѣ.—Неужели это ужасное недовольство всегда преслѣдуетъ богатыхъ?..

Мальчикъ тащился за нею, вцѣпившись въ ея шелковое платье, и продолжалъ плаксиво упрашивать:

— Мама, мама, я буду счастливъ; позволь мнѣ хоть попробовать.

Наконецъ она остановилась и, съ отчаяніемъ взглянувъ на сына, выговорила съ трудомъ:

— Ну, попробуй.

ГЛАВА XII.

На волѣ.

На слѣдующее утро гувернантка встрѣтила Реджинальда грустнымъ взглядомъ, полнымъ молчаливаго упрека.

— Ваша мама должна была уѣхать по очень печальному дѣлу,—сказала она ему.

— Мама уѣхала! Отчего она не взяла меня съ собою?—вскричалъ Реджинальдъ.

— Она уѣхала второпяхъ и скоро вернется.

— Реджинальдъ,—сказалъ мистеръ Лоренцъ, входя въ комнату, — твоя мама поѣхала на похороны тети Эльвиры.

Мальчикъ вспомнилъ о разбитомъ зеркалѣ и грустномъ взглядѣ гувернантки.

— Послушай, Чарли,—обратился онъ съ тревогой къ своему кузену,—неужели моя тетя умерла оттого, что я разбилъ зеркало?

— Глупости, Реджинальдъ! Твоя тетя умерла дней десять тому назадъ, и мама твоя въ тотъ же день узнала объ этомъ.

— Теперь я понимаю, отчего она все время была такая скучная!—воскликнулъ грустно мальчикъ.—А я все это время еще больше огорчалъ ее!

— Ваша мама простилась съ вами, когда вы спали, мистеръ Реджинальдъ, и велѣла передать вамъ, чтобы вы слушались меня и своего кузена и вели бы себя хорошо въ ея отсутствіе.

Мальчикъ никогда не видѣлъ своей тетки и потому не могъ особенно печалиться о ея смерти, но въ эту минуту онъ проникся глубокимъ благоговѣніемъ къ горю своей матери.

— И отчего только мама не взяла меня съ собою,— жаловался онъ, — я еще никогда не былъ на похоронахъ!

— Ваша добрая мама не хотѣла, чтобы вы видѣли, какое горе постигло вашихъ родныхъ,—утѣшала гувернантка.

— А развѣ другимъ мальчикамъ тоже не позволяютъ быть на похоронахъ своихъ тетокъ?—спросилъ съ досадою Реджинальдъ.

— Иногда позволяютъ. Но вѣдь вы ищете счастья; зачѣмъ же вамъ теперь такъ захотѣлось видѣть несчастье?

Реджинальдъ промолчалъ. Въ его головѣ мелькнула счастливая мысль.

— Мадемуазель,—обратился онъ кротко къ гувер-

нанткѣ,—я хочу теперь одѣть свой синій матросскій костюмъ.

— Извольте, мистеръ. Но надѣюсь, вы не намѣрены кататься на лодкѣ сегодня?

— Нѣтъ, если только Чарли не вздумаетъ кататься со мною. Я хочу затѣять нѣчто другое.

Гувернантка не полюбопытствовала спросить его объ этомъ „нѣчто другомъ“ и скоро забыла его слова. Она была счастлива, что ученикъ ея такъ прилежно сѣлъ за уроки и втайнѣ радовалась, что со смѣной одежды перемѣнилось и его поведеніе. Утро пролетѣло быстро для ученика и его наставницы. Но въ концѣ урока ей пришлось оставить мальчика съ его книгой одного въ комнатѣ и выйти къ ювелиру, который принесъ брильянты лэди Лоренцъ. Провѣривъ ихъ и расписавшись въ полученіи, она отправилась въ кабинетъ, чтобы спрятать ихъ подъ замокъ, и по пути заглянула въ комнату къ мальчику, но, къ своему немалому удивленію, не нашла его тамъ. Съ громкимъ крикомъ: „мистеръ Реджинальдъ! мистеръ Реджинальдъ!“ бросилась она въ гостиную, обѣжала другія комнаты и наконецъ сбѣжала въ нижній этажъ; но всѣ ея поиски были напрасны—мальчикъ исчезъ безслѣдно. Она обѣщала матери не спускать съ него глазъ, и теперь грудь ея сжалась отъ предчувствія какого-то несчастья.

— Вы спрятались, выходите, ради Бога! Я позволю вамъ дѣлать, что хотите!—кричала она, ломая руки и какъ безумная бросаясь изъ одной комнаты въ другую.

На ея крикъ сбѣжалась вся прислуга. Обыскали весь домъ, даже погребъ, конюшню и каретные сараи,— но все напрасно.

— Онъ пропалъ, и его никогда не найдутъ, какъ не находили многихъ другихъ мальчиковъ! — восклицала она съ отчаяніемъ.

Ключница, остававшаяся совершенно спокойной во время этой суматохи, посовѣтовала ей тотчасъ ѣхать къ мистеру Лоренцу и сообщить ему о случившейся катастрофѣ. Въ то же время она замѣтила на спинѣ гувернантки пришпиленную бумажку съ слѣдующими словами, написанными размашистымъ почеркомъ Реджинальда:

„Дорогая мадемуазель!

„Не пугайтесь: мама позволила мнѣ поискать счастья

Вашъ ученикъ Реджинальдъ.

PS. Я разскажу вамъ обо всемъ, когда приду домой“.

— Охъ!—простонала гувернантка.—Этотъ случай будетъ напечатанъ въ газетахъ, и я больше никогда не найду себѣ мѣста.

— Онъ никогда не выходилъ одинъ изъ дому,—замѣтила ключница,—скоро заблудится. Я сейчасъ пошлю Тиммона искать его: онъ не могъ уйти далеко.

Вошелъ лакей и доложилъ, что карета подана.

— Я не могу ѣхать!—воскликнула гувернантка.— Я тоже пойду искать его.

— Вамъ не къ чему терять голову, мадемуазель,— замѣтила внушительно ключница,—мальчикъ совсѣмъ

не глупъ, и хотя бы даже убѣжалъ, скоро найдетъ дорогу домой. Къ тому же, повѣрьте мнѣ, такая маленькая прогулка на свой страхъ нисколько не повредитъ ему. Поѣзжайте спокойно и доложите обо всемъ мистеру Чарльсу.

Руки мадемуазель Кларетъ тряслись какъ въ лихорадкѣ, когда она надѣвала шляпку.

— О!—стонала она:—зачѣмъ я не обратила вниманія на его слова! Онъ сказалъ, что не поѣдетъ ка-

таться, а сдѣлаетъ нѣчто другое! Гдѣ-то онъ теперь, мой бѣдный мальчикъ?

И воображеніе нарисовало ей ужасную картину несчастій, которыя могли постигнуть ея любимаго воспитанника при его первомъ столкновеніи съ суровой дѣйствительностью.

Банкирскій домъ Лоренцъ и К° былъ внезапно встревоженъ приходомъ нарядно одѣтой дамы, которая почти вбѣжала въ контору со словами:

— Мнѣ надо видѣть мистера Лоренца, скорѣй, скорѣй!

— Къ вашимъ услугамъ, я Лоренцъ,—сказалъ пожилой джентльменъ, подходя къ ней.

— Нѣтъ, нѣтъ, вы не тотъ! Мнѣ надо мистера Чарльса!—воскликнула взволнованная гувернантка.

Пожилой джентльменъ ушелъ въ кабинетъ.

— Чарльсъ,—сказалъ онъ молодому банкиру, сидѣвшему углубившись надъ книгами,—тебя спрашиваетъ какая-то молодая безумная дама.

Чарльсъ Лоренцъ нахмурилъ брови и вопросительно взглянулъ на дядю.

— „Скорѣй, скорѣй!“—сказалъ старшій Лоренцъ, подражая выговору француженки.

Молодой джентльменъ тотчасъ догадался, что, вѣроятно, его спрашиваетъ мадемуазель Кларетъ.

— Что случилось? Зачѣмъ она пріѣхала сюда?—бормоталъ онъ въ недоумѣніи, поспѣшно выходя въ контору, гдѣ бѣдная гувернантка безпокойно шагала изъ угла въ уголъ, въ отчаяніи ломая себѣ руки.

— Онъ ушелъ, онъ ушелъ, и я не знаю куда!— воскликнула гувернантка, бросаясь къ нему.

— Кто ушелъ? Откуда ушелъ?—спросилъ растерявшись молодой джентльменъ, заподозривъ, что французенка въ самомъ дѣлѣ лишилась разсудка.—Не Реджинальдъ ли?

— Да, да, да!—и гувернантка быстро, подобно стремительному потоку, разсказала, какъ исчезъ ея воспитанникъ.—А вотъ и записка, которую онъ пришпилилъ къ моему платью!—сказала она въ заключенiе.

— Вы не можете помочь этому дѣлу, мадемуазель: поѣзжайте домой и ждите его тамъ. Можетъ-быть, вы уже застанете его дома, а я тѣмъ временемъ подниму на ноги всю полицiю. Пожалуйста, успокойтесь, мы непремѣнно найдемъ его еще до вечера! — утѣшалъ гувернантку молодой джентльменъ, усаживая ее въ карету и приказывая кучеру ѣхать домой.

— Приходи въ главное полицейское управленiе и сообщи мнѣ, нашли ли мистера Реджинальда,—шепнулъ онъ сидѣвшему на козлахъ Тиммону.

Тѣмъ не менѣе эта вѣсть сильно встревожила Чарльса Лоренца. Онъ тотчасъ сѣлъ въ кэбъ и поѣхалъ къ главному инспектору полицiи.

— Кого онъ знаетъ изъ мальчиковъ?—спросилъ инспекторъ, узнавъ подробности дѣла.

— Никого! Ахъ, нѣтъ, у него есть особенный другъ, нѣкто Джимъ Треси, чистильщикъ сапогъ!—воскликнулъ внезапно молодой джентльменъ.—И знаете ли, я почти увѣренъ, что нашъ маленькiй шалунъ пошелъ отыски-

вать своего друга. Прикажите вызвать полисмена Мурфи—онъ знаетъ этого Треси.

— Пошлите мнѣ Мурфи!—крикнулъ въ телефонъ инспекторъ.

Не прошло и четверти часа, какъ уже полисменъ Мурфи вошелъ къ своему начальнику, сдѣлавъ ему подъ козырекъ.

Инспекторъ вкратцѣ изложилъ дѣло своему подчиненному.

— Теперь ступайте,—сказалъ онъ въ заключеніе,— и отыщите тотчасъ Джима.

— Прикажете отвести мальчика домой, если онъ окажется у Треси?—спросилъ полисменъ.

— Разумѣется, — замѣтилъ мистеръ Лоренцъ, не сомнѣвавшійся, что маленькій бѣглецъ находится у Джима.

Но когда явился Тиммонъ и сообщилъ, что, несмотря на самые тщательные поиски, въ прилегавшихъ къ дому улицахъ мальчика не оказалось, молодой человѣкъ опять упалъ духомъ.

— Случалось нерѣдко,—сказалъ онъ со вздохомъ,— что бѣжавшія дѣти совсѣмъ пропадали.

— Но мы часто находимъ ихъ,—замѣтилъ въ видѣ утѣшенія инспекторъ,—и иногда даже цѣлыми партіями.

— Поѣдемте сейчасъ къ этому Треси, можетъ-быть, мы найдемъ его тамъ.

— Какъ онъ былъ одѣтъ сегодня? — спросилъ инспекторъ, принимаясь писать объявленіе для разсылки въ полицейскіе участки.

— Въ красный бархатный костюмъ,—отвѣтилъ мистеръ Лоренцъ, не видѣвшій Реджинальда съ самаго утра и потому не знавшій, что онъ переодѣлся.

„Красный бархатный костюмъ, бѣлокурый, съ голубыми глазами и золотистыми кудрями“, говорилось въ описаніи примѣтъ бѣглеца, разосланномъ инспекторомъ по телеграфу по всѣмъ полицейскимъ участкамъ.

— Вѣроятно, Джимъ теперь въ больницѣ,—замѣтилъ Мурфи.

— Въ больницѣ? Въ такомъ случаѣ Реджинальдъ не найдетъ его. Что онъ тамъ дѣлаетъ? Надѣюсь, онъ не боленъ.

— Нѣтъ, но его маленькій товарищъ заболѣлъ, кажется, горячкой, и Джимъ каждый день навѣщаетъ его.

— Тогда поѣдемте прямо въ больницу. Можетъ-быть, мы узнаемъ отъ Джима что-нибудь, если только они не сговорились бѣжать вмѣстѣ.

— Этого быть не можетъ!—воскликнулъ съ увѣренностью Мурфи.—За Джима я ручаюсь головой—онъ не такой мальчикъ. Но сначала надо прослѣдить тѣ мѣста, по которымъ онъ обыкновенно ходитъ, а потомъ уже ѣхать въ больницу.

Побывавъ въ конуркѣ Джима и проѣхавъ быстро по улицамъ, посѣщаемымъ чистильщикомъ сапогъ, они поѣхали въ больницу.

Войдя въ палату и миновавъ нѣсколько рядовъ маленькихъ бѣлыхъ кроватокъ, они увидѣли на одной изъ нихъ безпокойно метавшагося мальчика съ золотистыми кудрями, а рядомъ стоявшаго на колѣняхъ Джима.

Мурфи тронулъ его за плечо, и Джимъ поднялъ голову съ выраженіемъ такого безнадежнаго горя, что полисменъ не рѣшился тотчасъ приступить къ разспросамъ.

— У него сильная лихорадка!—сказалъ мальчикъ.

— Успокойся, онъ поправится, — утѣшалъ ласково полисменъ.—Видишь, какъ здѣсь хорошо, а ты еще не хотѣлъ отвезти его сюда.

— Онъ совсѣмъ не узнаетъ меня,—замѣтилъ Джимъ убитымъ голосомъ.

— Это всегда бываетъ при воспаленіи въ мозгу; но будь спокоенъ, онъ поправится.

Сгорая отъ нетерпѣнія узнать что-нибудь о своемъ сбѣжавшемъ кузенѣ, Чарльсъ Лоренцъ не могъ удержаться, чтобы не вмѣшаться въ разговоръ.

— Мнѣ искренно жаль твоего маленькаго друга,—сказалъ онъ Джиму съ притворнымъ участіемъ, стараясь скрыть свое нетерпѣніе,—и я надѣюсь, что онъ скоро выздоровѣетъ... Скажи, не видѣлъ ли ты сегодня моего кузена Реджинальда?

— Нѣтъ,—отвѣтилъ Джимъ равнодушно.

— И ничего не слышалъ о немъ?

— Нѣтъ.

— Но, можетъ быть, ты знаешь, гдѣ онъ?—спросилъ Мурфи.

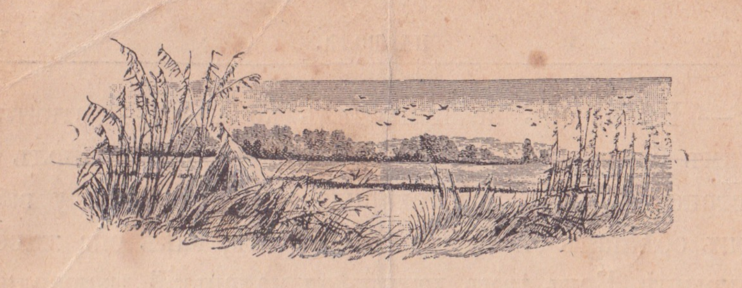
— Нѣтъ. Я видѣлъ его въ послѣдній разъ, когда онъ стоялъ на порогѣ своего дома и топалъ ногами,—отвѣтилъ Джимъ.

— Онъ сегодня ушелъ изъ дому,—сказалъ мистеръ Лоренцъ,—и мы думали, что онъ пошелъ къ тебѣ.

— Нѣтъ, онъ не приходилъ ко мнѣ, — отвѣтилъ Джимъ безучастно.—Но, можетъ быть, онъ пошелъ къ мистриссъ Дове. Лиза говорила мнѣ, что была у васъ, и онъ обѣщалъ ей придти посмотрѣть, какъ она живетъ на крышѣ. Вонъ тамъ лежитъ ея маленькій двоюродный братъ,—продолжалъ Джимъ, указывая на стоявшую по другую сторону кроватку, на которой лежалъ блѣдный бѣлокурый мальчикъ, съ серьезными карими глазками, обнимавшій своими исхудалыми ручками восковую куклу.—Лиза принесла ему ту куклу,—она всѣмъ дарить игрушки,—и подарила Джеми тоже вотъ этого солдатика.

— Я зайду еще на дняхъ,—сказалъ мистеръ Лоренцъ, тронутый жалкимъ видомъ этого множества маленькихъ страдальцевъ.—Вотъ возьми это на всякій случай для Джеми,—присовокупилъ онъ, сунувъ нѣсколько золотыхъ монетъ въ руки убитаго горемъ Джима. — Пойдемте, Мурфи, я знаю, гдѣ живетъ мистриссъ Дове. Намъ нельзя терять ни одной минуты.

ГЛАВА XIII.

Странствующій милліонеръ.

Тѣмъ временемъ Реджинальдъ продолжалъ тихо пробираться сквозь сновавшую по троттуару толпу, ежеминутно натыкаясь на прохожихъ, надѣлявшихъ его нерѣдко сильными толчками. Онъ въ первый разъ вышелъ одинъ на улицу и не зналъ, что въ людныхъ мѣстахъ слѣдуетъ держаться правой стороны.

Мальчикъ отправился въ погоню за счастьемъ. Отъѣздъ матери и отсутствіе гувернантки помогли ему осуществить задуманный планъ бѣгства и ускользнуть изъ дому.

Когда гувернантка замѣтила его исчезновеніе, онъ уже сидѣлъ въ омнибусѣ, скрывшись между полной барыней и тучнымъ господиномъ, изъ-за которыхъ проглядывалъ лишь носокъ его башмачка, поля шляпы и пара веселыхъ голубыхъ глазокъ. Глядя на него, пассажиры невольно задавали себѣ вопросъ, кому изъ этихъ

двухъ тучныхъ пассажировъ принадлежитъ этотъ хорошенькій мальчикъ въ синемъ матросскомъ костюмѣ, шляпѣ, перчаткахъ и съ батистовымъ носовымъ платкомъ съ монограммой, торчавшимъ въ грудномъ карманѣ его костюма.

Реджинальдъ былъ внѣ себя отъ счастья, что наконецъ вырвался на волю, и сердце его билось учащенно въ ожиданіи чего-то неизвѣстнаго. „Чарли знаетъ, что мама уѣхала, а мадемуазель уже успѣла прочесть записку",—успокоивалъ онъ себя. Съ нескрываемымъ интересомъ слѣдилъ онъ, какъ уходили и прибывали пассажиры, и какъ при всякомъ поворотѣ измѣнялся видъ улицъ, казавшихся ему безконечными. „Такъ ѣхать гораздо лучше, — думалъ мальчикъ; — чѣмъ въ нашей каретѣ, гдѣ окна всегда закрыты, и не видно людей на улицѣ. Я попрошу маму купить мнѣ такой же омнибусъ".

Наконецъ омнибусъ доѣхалъ до конечнаго пункта, и всѣ пассажиры вышли. Не зная, что дѣлать, Реджинальдъ остался сидѣть въ омнибусѣ.

— Заплатили ли вы деньги, мистеръ?—спросилъ его кондукторъ.

Реджинальдъ сунулъ руки въ карманы, но они оказались пустыми. Перемѣнивъ утромъ костюмъ, онъ второпяхъ забылъ въ немъ свой кошелекъ.

— Я забылъ деньги дома,—пробормоталъ онъ въ смущеніи.

— Ну, ладно, вылѣзай скорѣй; омнибусъ дальше не поѣдетъ!

Кондукторъ помогъ ему сойти съ омнибуса, и мальчикъ очутился одинъ-одинешенекъ, далеко отъ своего дома, на какомъ-то незнакомомъ бульварѣ. Но это нисколько не смутило его. Надвинувъ молодцовато шляпу на затылокъ, онъ засунулъ руки въ карманы и бодро зашагалъ впередъ, пытаясь насвистывать пѣсенку, какъ дѣлывалъ это иногда его кузенъ Чарли.

Дойдя до угла, онъ остановился передъ ларемъ съ земляными орѣхами и приказалъ торговцу отвѣсить себѣ одну пинту. Торговецъ предупредительно исполнилъ требованіе маленькаго барина и ожидалъ платы.

— О, я опять забылъ, что оставилъ деньги дома въ другомъ карманѣ!—сказалъ мальчикъ въ смущеніи.

— Ну, такъ бѣги скорѣй домой и захвати другой карманъ,—замѣтилъ сурово торговецъ, обманувшись въ покупателѣ.

— О, это очень далеко!—отвѣтилъ мальчикъ, впервые задумавшись о томъ, какъ ему добраться домой безъ денегъ. — Будьте добры, одолжите мнѣ одинъ или два доллара. Я пришлю ихъ вамъ назадъ съ Тиммономъ.

— Вишь какой нашелся банкиръ!—усмѣхнулся торговецъ.

— Тиммонъ—нашъ лакей: онъ дѣлаетъ все, что ему прикажутъ,—пояснилъ Реджинальдъ.

— Значитъ, вы хотите занять у меня два доллара только затѣмъ, чтобы потомъ приказать лакею заплатить ихъ мнѣ?

— Ну да, я вамъ непремѣнно заплачу, и мама

„Одолжите мнѣ одинъ или два доллара“, сказалъ Реджинальдъ.

тоже наградитъ васъ, когда пріѣдетъ съ похоронъ тети Эльвиры.

— Нѣтъ, этого мнѣ мало. Нѣтъ ли у васъ какой-нибудь вещицы подъ залогъ, напримѣръ золотыхъ часовъ? — сказалъ торговецъ, замѣтивъ на костюмѣ Реджинальда маленькій карманъ для часовъ.

— О, я и часы забылъ дома!—воскликнулъ мальчикъ, ощупывая пустой карманчикъ.

— Должно быть, ваши часы еще дѣлаютъ на фабрикѣ,—замѣтилъ презрительно торговецъ.

Въ эту минуту къ ларю подбѣжала толпа уличныхъ мальчишекъ, которые съ крикомъ и шумомъ обступили торговца.

— Проходите, мистеръ, — крикнулъ онъ Реджинальду, — вы мѣшаете подходить моимъ постояннымъ покупателямъ.

Запасшись любимымъ лакомствомъ, мальчишки принялись съ жадностью щелкать орѣхи, поглядывая въ то же время дерзко и насмѣшливо на Реджинальда.

— Можетъ быть, они дадутъ вамъ денегъ въ долгъ,— замѣтилъ усмѣхнувшись торговецъ, указывая на мальчишекъ.

— Не хотите ли занять подъ вѣтеръ или туманъ?— спросилъ самый старшій изъ нихъ, выкативъ глаза на Реджинальда и усердно работая челюстями.

— Да, — отвѣтилъ откровенно Реджинальдъ, не разслышавъ послѣднихъ словъ, — я забылъ свой кошелекъ въ другомъ костюмѣ и не могу попасть домой безъ денегъ.

— А у васъ много денегъ? Найдется ли пятьдесятъ центовъ?

— О, да, гораздо больше! У меня есть даже золотыя деньги.

— Значитъ, у васъ дома золото льется рѣкою?

— Да, вѣдь я милліонеръ,—отвѣтилъ Реджинальдъ такимъ простодушнымъ голосомъ, какъ будто рѣчь шла о самыхъ ничтожныхъ пустякахъ.

Среди мальчишекъ раздался громкій взрывъ хохота.

— А гдѣ же вашъ экипажъ съ четверкой лошадей цугомъ?—спросилъ старшій изъ мальчишекъ, когда хохотъ товарищей нѣсколько стихъ.

— Видите ли, мама уѣхала на похороны тети и позволила мнѣ кататься только въ моемъ кабріолетѣ; но я не хотѣлъ ѣхать въ немъ и поѣхалъ въ омнибусѣ.

Эти слова были покрыты новымъ взрывомъ хохота мальчишекъ.

Этотъ грубый смѣхъ очень обидѣлъ Реджинальда; онъ отвернулся отъ мальчишекъ и пошелъ дальше. „Что я имъ сдѣлалъ, что они такъ невѣжливы со мной", думалъ онъ.

— Эй! хочешь я отвезу тебя домой въ моей коляскѣ? Она стоитъ тамъ за угломъ, желтая съ зеленой полосой, въ упряжи пара лошадей, а на каждомъ концѣ по лакею? Вѣдь, я то-о-о-же милліонеръ! — закричалъ ему вслѣдъ одинъ изъ мальчишекъ, подразумѣвая подъ коляской телѣгу, въ которую собирали уличный мусоръ.

Продолжая идти дальше, Реджинальдъ вдругъ вспомнилъ, что однажды, когда онъ ѣхалъ съ матерью и ку-

зеномъ въ собственной каретѣ, у нихъ сломалась рессора, и кузенъ усадилъ ихъ въ проѣзжавшую мимо наемную коляску, въ которой они доѣхали до дому. Замѣтивъ на улицѣ такую же коляску, Реджинальдъ громко окликнулъ кучера. Въ экипажѣ сидѣлъ элегантно одѣтый мальчикъ рядомъ съ жирнымъ пуделемъ.

— Что вамъ угодно?—спросилъ маленькій джентльменъ Реджинальда.

— Я хочу ѣхать домой, — отвѣтилъ вѣжливо Реджинальдъ.

— Поѣзжай дальше, Джемсъ,—приказалъ маленькій джентльменъ кучеру.

— Я не зналъ, что это его собственный экипажъ,— пробормоталъ Реджинальдъ, — и все-таки я отвезъ бы его домой, хотя бы у него и не было денегъ.

— Если вы хотите ѣхать домой, то наймите кэбъ,— посовѣтовалъ ему какой-то добрый рабочій, бывшій свидѣтелемъ этой сцены: — вонъ тамъ на углу стоитъ кэбъ.

Реджинальдъ побѣжалъ къ кэбу и вскочилъ въ него, но осторожный извозчикъ потребовалъ впередъ плату за проѣздъ.

— У меня нѣтъ денегъ, я забылъ...

— Ступай вонъ, скорѣй!—крикнулъ сурово извозчикъ.

— Кузенъ Чарли заплатитъ вамъ дома.

— Слѣзай говорятъ тебѣ!—крикнулъ извозчикъ, замахиваясь на него кнутомъ.

Реджинальдъ, не видавшій никогда такого грубаго

обращенія, смутился и тотчасъ соскочилъ съ кэба, а извозчикъ хлестнулъ лошадь и поѣхалъ догонять другого сѣдока.

— Какой грубый извозчикъ, — бормоталъ Реджинальдъ, падая духомъ, — отчего мнѣ никто не вѣритъ? Вѣдь я сказалъ ему, что заплачу дома.

Въ это время на сосѣдней церковной башнѣ часы пробили четыре, и Реджинальдъ вспомнилъ, что, отправившись на поиски за счастьемъ, онъ пожертвовалъ своимъ завтракомъ. Запахъ свѣжаго печенаго хлѣба возбудилъ въ немъ голодъ, и онъ смѣло вошелъ въ булочную, находившуюся отъ него въ нѣсколькихъ шагахъ.

— Я очень голоденъ,—обратился онъ къ стоявшей за выручкой тучной добродушной нѣмкѣ,—но у меня нѣтъ денегъ...

— У васъ нѣтъ денегъ? А вы еще такой щеголь?— засмѣялась булочница.

— Я забылъ деньги дома, въ другомъ костюмѣ, но никто не вѣритъ мнѣ, — сказалъ грустно Реджинальдъ.

— Я вамъ вѣрю; до сихъ поръ ни одинъ мальчикъ не уходилъ отъ меня голоднымъ,—сказала булочница, поднявъ крышку и подавая Реджинальду свѣжее печенье съ коринками.—Я люблю мальчиковъ; у меня тоже былъ маленькій мальчикъ, но умеръ.

Голубые глазки Реджинальда затуманились грустью.

— Мнѣ васъ очень жаль!..—отвѣтилъ онъ съ участіемъ, набивая себѣ полный ротъ печеньемъ. — А

знаете, это печенье гораздо вкуснѣе нашихъ пирожныхъ!—присовокупилъ онъ.

— Я вижу, у васъ доброе сердце,—замѣтила булочница, любуясь красивымъ мальчикомъ, выразившимъ ей сочувствіе,—я покажу вамъ его портретъ,—продолжала она, уводя Реджинальда за выручку въ свою комнату. — Вотъ, это мой Гансъ, — указала она пальцемъ на большой портретъ толстощекаго бѣлокураго мальчика, висѣвшій надъ каминомъ.—Я его очень любила и всякій разъ, какъ вижу маленькаго мальчика, не могу удержаться отъ слезъ.—И бѣдная женщина поднесла бѣлый передникъ къ глазамъ, чтобы утереть навертывавшіяся на глаза слезы.

— Значитъ, всѣ мамы любятъ своихъ мальчиковъ?—спросилъ Реджинальдъ, глубоко тронутый горемъ доброй булочницы и какъ бы только теперь сознавая, какъ безпредѣльно любила его мать.

— Да, и онъ меня тоже любилъ,—отвѣтила сквозь слезы булочница.—А вотъ тутъ, посмотрите, онъ лежитъ въ гробу,—сказала она, подводя мальчика къ большой фотографіи, висѣвшей на стѣнѣ въ рамкѣ и изображавшей покрытый цвѣтами гробъ съ разставленными вокругъ него зажженными свѣчами.

— Развѣ покойниковъ всегда кладутъ въ такой ящикъ?—спросилъ въ изумленіи Реджинальдъ.—Я никогда не видѣлъ похоронъ и не зналъ, что это дѣлаютъ такъ.

— Вотъ встаньте на этотъ стулъ, и вы увидите его лицо въ гробу,—говорила расчувствовавшаяся булоч-

ница, поднимая мальчика на стулъ, съ котораго онъ увидѣлъ лицо маленькаго покойника.—А вотъ это я,—продолжала она, указывая на сидѣвшую у гроба женщину въ глубокомъ трауръ, — я тогда очень много плакала.

Реджинальдъ повернулся къ булочницѣ и увидѣлъ, что крупныя слезы градомъ катились по ея лицу.

— Скажите, бывалъ ли Гансъ иногда нехорошимъ мальчикомъ? — спросилъ онъ, съ дѣтскимъ раскаяніемъ вспомнивъ всѣ свои проступки, причинившіе столько слезъ и безпокойства его матери.

— О, нѣтъ, онъ всегда былъ хорошій мальчикъ!

Реджинальдъ громко зарыдалъ и бросился въ объятія доброй женщины.

— О, какъ часто я былъ нехорошъ съ мамой!—говорилъ онъ рыдая.

— Что же вы сдѣлали? Скажите мнѣ!—успокаивала его булочница, качая его на своихъ сильныхъ рукахъ. какъ маленькаго ребенка.

— О, я очень часто огорчалъ маму и мадемуазель. Скажите, разбилъ ли Гансъ когда-нибудь нарочно зеркало или что-нибудь такое?

— Нѣтъ, никогда.

— Убѣгалъ ли онъ когда-нибудь отъ своей мамы?

— Нѣтъ, никогда. Если бы его увели далеко, далеко, онъ и тогда вернулся бы домой!

— Значитъ, онъ былъ очень хорошій мальчикъ?—спросилъ сквозь слезы Реджинальдъ.

— Да, да, очень хорошій! Я никогда не видѣла

— Я не хочу ничего слышать! Ступайте! — прервала ее строго лэди Лоренцъ.

Реджинальдъ догналъ гувернантку и бросился ей на шею.

— Не безпокойтесь, мадемуазель, — утѣшалъ онъ ее,—я все улажу съ мамой. Вы не виноваты, что я убѣжалъ, и васъ не за что бранить.

— Вы меня осрамили на весь городъ, мистеръ,— рыдала гувернантка,—меня лишатъ моего званія, и я должна буду уйти отъ васъ!..

— Нѣтъ, я не хочу, вы не уйдете, я не пущу!— вскричалъ мальчикъ, убѣгая назадъ къ звавшей его матери.

Въ это время мистеръ Лоренцъ вернулся съ докторомъ.

— Что случилось съ нашимъ маленькимъ паціентомъ?—спросилъ съ участіемъ докторъ.

— Я убѣжалъ изъ дому, и теперь мнѣ придется въ наказаніе принять какое-нибудь лѣкарство! — отвѣтилъ съ живостью Реджинальдъ.

— Посовѣтуйте, докторъ, что мнѣ дѣлать съ Реджинальдомъ?—воскликнула раздраженная мать, обращаясь къ врачу, считавшему пульсъ мальчика.

— Мнѣ кажется, вамъ слѣдуетъ дать вашему энергичному мальчику побольше свободы: это будетъ для него лучшимъ лѣкарствомъ!—отвѣтилъ докторъ, давно выжидавшій случая высказаться въ этомъ смыслѣ.

— Больше свободы! Вѣдь онъ можетъ сколько угодно бѣгать по всему дому, кататься и ѣздить вер-

хомъ по парку, не говоря уже о прогулкахъ на яхтѣ, экскурсіяхъ въ горы и на морской берегъ!.. Не посовѣтуете ли вы мнѣ еще, докторъ, пустить его одного бѣгать по улицамъ и ходить въ школу?—спросила съ ироніей лэди Лоренцъ.

— Это было бы недурно для мальчика,—отвѣтилъ простодушно докторъ, — тѣмъ болѣе, что у него нѣтъ ни товарищей его лѣтъ, ни отца, который слѣдилъ бы за нимъ.

— Вотъ это было бы чудесно!—вскричалъ Реджинальдъ, обрадовавшись, что докторъ принялъ его сторону.—А что такое школа, докторъ?

— Это большая комната, въ которой учатся вмѣстѣ много мальчиковъ; послѣ урока они весело играютъ другъ съ другомъ, а иногда даже подерутся немножко, какъ это часто случается съ маленькими буянами.

— Вотъ это мнѣ нравится! Это чудесно!—восклицалъ въ восхищеніи мальчикъ. — Чарли училъ меня фехтовать и боксировать, а я думалъ, что это какая-то игра, и мнѣ скоро надоѣло; но при потасовкѣ это очень пригодится, неправда ли, докторъ? Слушай, Чарли,—обратился Реджинальдъ къ забавлявшемуся надъ нимъ кузену,—мы съ завтрашняго дня снова начнемъ наши уроки.

— Не найдете ли вы еще нужнымъ, докторъ,—продолжала иронически лэди Лоренцъ, — чтобы Реджинальдъ послѣ общей школы прошелъ курсъ въ вашей больницѣ и схватилъ тамъ какую-нибудь болѣзнь?

— Да, да, докторъ! Я хочу ходить туда тоже! Лиза

говоритъ, что у тѣхъ дѣтей нѣтъ другого дома, и они рады даже старымъ игрушкамъ. Мнѣ кажется, я бы многому научился, если бы побывалъ тамъ.

— Ты правъ, мой мальчикъ, и если твоя мама позволитъ, я когда-нибудь возьму тебя съ собой въ больницу и покажу тебѣ тамъ моихъ маленькихъ паціентовъ.

— Знаете ли, докторъ!—воскликнулъ Реджинальдъ:— мнѣ бы хотѣлось купить такую больницу, какъ ваша, и сдѣлать всѣхъ дѣтей счастливыми!

— А не лучше ли тебѣ купить себѣ красивый домъ или нѣчто въ этомъ родѣ?—спросилъ докторъ, желая испытать мальчика.

— Развѣ красивый домъ можетъ осчастливить кого-нибудь? Онъ тоже скоро надоѣлъ бы мнѣ.

— Такъ ты хочешь осчастливить кого-нибудь, не такъ ли, мой милый?—спросилъ докторъ, притягивая къ себѣ мальчика и прижимая его красивую головку къ своей груди. — Отчего же ты не стараешься сдѣлать счастливыми свою маму, кузена и мадемуазель?—шепнулъ онъ на ухо мальчику.

— Сдѣлать ихъ счастливыми!—воскликнулъ брюзгливо Реджинальдъ.—Вѣдь у нихъ все есть, да они и не хотятъ быть счастливыми!... А какъ вы думаете, докторъ, есть ли на свѣтѣ люди, которые хотятъ быть несчастными?

— Есть; вотъ ты, напримѣръ.

— Я?! О, нѣтъ, докторъ! — вскричалъ Реджинальдъ.—Я хочу быть счастливымъ, но только не знаю, какъ это сдѣлать.

— Хочешь, я дамъ тебѣ хорошій рецептъ?

— Да, да, скажите!—вскричалъ мальчикъ, впиваясь глазами въ умное, доброе лицо доктора.

— Забудь себя и помни о другихъ.

Реджинальдъ въ недоумѣніи смотрѣлъ на доктора, не понявъ его словъ.

— Какъ же я могу забыть себя?—спросилъ онъ наконецъ.

— Думай больше о другихъ, дорогой мой, и тогда ты будешь меньше думать о себѣ.

— Хорошо, докторъ, я буду очень много думать о другихъ и хотѣлъ бы, чтобы вы жили съ нами и помогали мнѣ.

— Изволь, мой милый, я охотно помогу тебѣ.

— И знаете, докторъ, если вы хотите, я сейчасъ приму гадкое лѣкарство, хотя впередъ знаю, что оно не поможетъ мнѣ помнить о другихъ и забыть себя.

— Нѣтъ, противъ такой болѣзни у меня нѣтъ лѣкарства, мой милый, и сегодня тебѣ не надо принимать никакой микстуры.

— Благодарю васъ за это, докторъ; теперь я совсѣмъ здоровъ, хотя я и не былъ боленъ.

Этотъ разговоръ происходилъ въ отсутствіи лэди Лоренцъ, ушедшей въ свою комнату смѣнить дорожное платье. Войдя снова въ комнату, она къ удивленію своему увидѣла, что Реджинальдъ сидитъ на колѣняхъ у доктора и нѣжно поглаживаетъ его сѣдую бороду.

— Ахъ, мама!—воскликнулъ мальчикъ, бросаясь въ объятія матери.—Теперь я очень люблю доктора Кемпера; онъ далъ мнѣ...

Мальчикъ вопросительно обернулся къ доктору.

— Рецептъ,—подсказалъ послѣдній.

— Да, онъ далъ мнѣ рецептъ: я долженъ забыть всѣхъ и помнить себя... Нѣтъ, нѣтъ, не такъ! Я долженъ... Докторъ, что я долженъ дѣлать?—спросилъ Ре-

джинальдъ, зѣвнувъ во весь ротъ и склоняя свою сонную головку на плечо матери.

Мальчикъ едва договорилъ послѣднее слово, какъ уже усталые глазки его сомкнулись, и головка безсильно опустилась на грудь матери.

— Ужъ онъ заснулъ,—замѣтилъ тихо докторъ, прощаясь съ лэди Лоренцъ.

ГЛАВА XVI.

Реджинальдъ удивляетъ свою мать.

Мама, я сейчасъ хочу видѣть доктора Кемпера!— были первыя слова мальчика, какъ только онъ проснулся на другое утро.

— Дорогой мой!—воскликнула мать, вбѣгая въ комнату сына.—Ты вѣрно боленъ! Я знала, что ты захвораешь. Мадемуазель, пошлите скорѣе карету за докторомъ Кемперомъ.

— Мама, я совсѣмъ не боленъ, а хочу только видѣть доктора Кемпера: я забылъ, что онъ вчера говорилъ, а онъ обѣщалъ напоминать мнѣ. Какъ ты думаешь, мама, согласится ли докторъ Кемперъ жить у насъ, если мы будемъ платить ему много денегъ?

— Не знаю, но за послѣднее время онъ очень часто навѣщалъ насъ и получалъ за это не мало, а ты все продолжаешь хворать, Реджинальдъ,—замѣтила мать съ безпокойствомъ.

— Я не о томъ говорю, мама; мнѣ не надо его лѣкарствъ. Видишь ли... какъ бы тебѣ сказать... докторъ Кемперъ знаетъ, что мнѣ надо дѣлать.

— Для этого я держу мадемуазель, Реджинальдъ.

— Но она боится тебя, мама, и меня тоже, и потому не можетъ справиться со мной.

Вошла гувернантка, чтобы помочь мальчику одѣться.

— Пожалуйста, уходите, мадемуазель,—сказалъ ей Реджинальдъ.—Съ этого дня я буду самъ одѣваться и купаться.

— Вы слышите, милэди? Мистеръ Реджинальдъ отказывается отъ моей помощи! — сказала гувернантка дрогнувшимъ голосомъ.

— Пусть попробуетъ, мадемуазель. Если онъ не хорошо вымоется, я заставлю его вымыться еще разъ,— отвѣтила съ улыбкой лэди Лоренцъ.

Реджинальдъ весело раздѣлся и сталъ усердно плескаться въ ваннѣ, довольный, что избавился отъ усердной помощи гувернантки. Затѣмъ сталъ одѣваться, позвалъ мадемуазель, чтобы узнать, какъ одѣть панталоны, и четверть часа спустя, веселый и краснощекій, побѣжалъ къ матери.

— Ну, смотри, мама!—кричалъ онъ еще издали, поднимая руки:—развѣ я не хорошо вымылся?

Этотъ самостоятельный поступокъ мальчика привелъ въ восторгъ лэди Лоренцъ.

— Ты меня совсѣмъ удивилъ сегодня!—сказала она, горячо цѣлуя сына въ щеку.

— И буду удивлять тебя каждый день, мама! Я

помню, что сказалъ мнѣ докторъ Кемперъ, и сдѣлаю тебя и мадемуазель счастливыми, и Джима Треси тоже. Знаешь ли, мама, мнѣ очень хочется тоже вытащить изъ воды какого-нибудь мальчика!

— Но теперь тебѣ нельзя и думать объ этомъ!— возразила мать съ безпокойствомъ.

— Ну, конечно, мама, я сначала научусь плавать! Этому я долженъ непремѣнно выучиться: ты прогнала Джима, и онъ теперь ужъ не спасетъ меня, если я опять стану тонуть.

Слова сына смутили лэди Лоренцъ до глубины души: только теперь она поняла, отъ какого страшнаго горя избавилъ ее этотъ чистильщикъ сапогъ, спасшій жизнь ея сыну, и она рѣшила тотчасъ загладить свою ошибку.

Завтракъ прошелъ очень оживленно, и Реджинальдъ все время весело болталъ о своихъ приключеніяхъ.

— И знаешь, мама,—говорилъ онъ,—мнѣ было гораздо веселѣе, чѣмъ на морскомъ берегу или въ горахъ, куда мы ѣздимъ каждое лѣто, и гдѣ мадемуазель водитъ меня въ новомъ костюмѣ по гладкимъ дорожкамъ, чтобы всѣ таращили на меня глаза; тамъ нельзя ни бѣгать босикомъ, ни копаться въ морскомъ пескѣ, какъ это дѣлаютъ другіе мальчики, и все оттого только, что ты боишься, что я захвораю. Вчера я видѣлъ, что чистильщики сапогъ совсѣмъ не обращаютъ вниманія на милліонеровъ: всѣ они хохотали надо мной, а торговецъ орѣхами не хотѣлъ одолжить мнѣ даже одного доллара; я былъ очень голоденъ, и одна добрая булочница дала мнѣ очень вкусное печенье,—вѣрно она

не знала, что я милліонеръ,—и потомъ показала мнѣ картину съ мертвымъ мальчикомъ въ гробу, который очень любилъ ѣсть такое же печенье; но Лиза сказала мнѣ, что онъ умеръ отъ скарлатины, и знаешь ли, мама, что...

— Реджинальдъ! — вскричала въ ужасѣ лэди Лоренцъ.—Вѣдь ты могъ заразиться этой страшной болѣзнью! Я такъ и думала, что съ тобой случится что-нибудь такое!

— Да нѣтъ же, мама; булочница была совсѣмъ здорова, и Лиза сказала мнѣ, что въ больницѣ нельзя заразиться, потому что...

При послѣднемъ словѣ мальчикъ сильно закашлялся отъ попытки проглотить слишкомъ большой кусокъ хлѣба.

— Реджинальдъ, милый мой, ты подавишься, если будешь ѣсть такъ скоро.

— Но, мама, мнѣ некогда: у меня еще очень, очень много дѣла.

— Какія же у тебя дѣла? — смѣясь спросилъ его мистеръ Лоренцъ:—не случилось ли въ финансовомъ мірѣ какое-нибудь важное событіе, требующее твоего присутствія?

— Я не понимаю, что ты говоришь, Чарли; но мнѣ надо скорѣе взять у тебя урокъ фехтованія и боксированія,—можетъ быть мнѣ придется подраться съ другими мальчиками, а потомъ...

— Реджинальдъ!—остановила его мать.

— Потомъ надо отыскать Джима,—продолжалъ маль-

чикъ, не обращая вниманія на замѣчаніе матери:—полисменъ Мурфи скоро найдетъ его,—онъ меня тоже скоро нашелъ; потомъ я пойду съ докторомъ Кемперомъ въ больницу...

— Реджинальдъ, — прервала его мать, у которой блеснула свѣтлая мысль,—не хочешь ли ѣхать съ мамой и кузеномъ Чарли въ Европу? Тамъ ты увидишь много рѣдкихъ и прекрасныхъ вещей.

Лэди Лоренцъ надѣялась, что путешествіе отвлечетъ сына отъ всѣхъ этихъ намѣреній.

— Нѣтъ, мама, все это мнѣ надоѣло, какъ, помнишь, конфеты въ прошлое Рождество? Лучше я останусь дома. Джимъ Треси тоже не былъ въ Европѣ и все-таки знаетъ больше меня. Тамъ мнѣ придется опять принимать много лѣкарства, а докторъ Кемперъ сказалъ, что здѣсь мнѣ этого больше не надо будетъ дѣлать.

— Надѣюсь, что нѣтъ, мой дорогой кузенъ,—замѣтилъ мистеръ Лоренцъ:—глядя на тебя, никто не скажетъ, что ты обиженъ здоровьемъ.

Вошелъ Тиммонъ и подалъ лэди Лоренцъ записку.

Реджинальдъ подбѣжалъ къ матери и, заглянувъ черезъ ея плечо, прочелъ раньше нея письмо доктора Кемпера, въ которомъ тотъ просилъ отпустить съ нимъ мальчика въ дѣтскую больницу.

— Пусти меня, мама, пусти!—вскричалъ мальчикъ. обнимая мать.—Докторъ Кемперъ говоритъ, что тамъ совсѣмъ не опасно! Если ты пустишь меня, я повѣшу себѣ на шею хоть цѣлый фунтъ белладоны!

— Ужъ доставьте ему это удовольствіе,—вступился

за мальчика мистеръ Лоренцъ,—иначе онъ, пожалуй, захвораетъ.

— Да, да, мама, ты увидишь, я страшно захвораю, если ты меня не пустишь! Благодарю, Чарли!—и Реджинальдъ такъ стремительно бросился на шею своему кузену, что растрепалъ ему его тщательную прическу и старательно завязанный галстукъ.

— Я вижу, что мнѣ больше не справиться съ нимъ!—замѣтила лэди Лоренцъ съ глубокимъ вздохомъ.—Передаю тебѣ, Чарльсъ, и доктору Кемперу всѣ заботы о его воспитаніи.

— О, благодарю, мама!—вскричалъ мальчикъ, понявъ, что значило это согласіе.—Ты увидишь, я не захвораю, и они отлично справятся со мной!

Реджинальдъ запрыгалъ отъ радости, а затѣмъ, бросившись къ окну, сталъ съ нетерпѣніемъ ожидать, когда подъѣдетъ экипажъ доктора.

ГЛАВА XVII.

Джеми.

На пути въ больницу Реджинальдъ былъ серьезенъ и молчаливъ, и докторъ не захотѣлъ нарушать его задумчиваго настроенія.

— Неужели это больница?—воскликнулъ мальчикъ. залюбовавшись красивымъ зданіемъ, къ которому они подъѣхали.—Какой красивый домъ у этихъ дѣтей!

Въ первой палатѣ мальчика поразила пустота комнаты съ ея голыми стѣнами, недрапированными окнами и чистымъ поломъ, не покрытымъ коврами.

При видѣ множества маленькихъ исхудалыхъ лицъ. просіявшихъ при приближеніи доктора, сердце Реджинальда сжалось тоскою, и онъ крѣпче ухватился за руку своего спутника. Съ живѣйшимъ интересомъ слѣдовалъ онъ за докторомъ, обходившимъ всѣ кровати и находившимъ для всѣхъ своихъ маленькихъ паціентовъ слово утѣшенія. Реджинальда онъ представилъ имъ, какъ ихъ

маленькаго друга, принимающаго въ нихъ большое участіе. Доктора позвали въ другую палату къ больному съ воспаленіемъ мозга, и Реджинальдъ послѣдовалъ за нимъ.

Чрезъ минуту они подошли къ маленькой ширмѣ, за которой находился больной Джеми. Докторъ взялъ исхудалую ручку и пощупалъ сильно бившійся пульсъ; сонные глазки малютки медленно открылись, и блѣдныя губки привѣтствовали доктора слабой улыбкой.

— Какъ ты чувствуешь себя сегодня, мой дорогой мальчикъ?—спросилъ ласково докторъ.

— Джеми! Неужели ты не узнаешь меня!—вскричалъ Реджинальдъ, удивленный равнодушіемъ мальчика.

Наступила томительная тишина; малютка лежалъ неподвижно. Вдругъ изъ-за кровати поднялась косматая голова и плечи мальчика, и запачканная рука его положила на одѣяло маленькій букетъ красныхъ розъ. При этомъ движеніи полуоткрытые глазки Джеми широко открылись, и все личико внезапно засіяло.

— Джимъ... — произнесъ онъ съ невыразимой радостью.

— Джеми, что съ тобой?—вскричалъ Джимъ, пораженный страннымъ видомъ своего маленькаго друга.

Слабыя ручки больного безсильно потянулись обнять Джима, и Джимъ, опустившись на колѣни, обвилъ ими свою шею.

— Ну что, Джеми, тебѣ лучше теперь?—шепталъ онъ, утирая грязнымъ рукавомъ катившіяся градомъ слезы.

Джимъ у кровати умирающаго Джеми.

Широко открытые глаза малютки продолжали неподвижно смотрѣть вверхъ.

— Да,—раздался наконецъ тихій голосъ доктора среди царившей тишины,—ему лучше теперь. Уйдемъ отсюда.

Слѣдуя за докторомъ, Реджинальдъ оглянулся и увидѣлъ, что голова Джима опустилась на кровать, слабыя ручки Джеми безжизненно скатились съ шеи друга, а забытыя розы разсыпались по полу. Въ то же время подошла сидѣлка, нагнулась на минуту надъ кроватью и затѣмъ скрыла ширмой отъ внѣшняго міра и Джима и его маленькаго друга.

— Скажите, что случилось? — вскричалъ Реджинальдъ, въ страхѣ хватаясь крѣпче за руку доктора;— онъ похожъ на маленькаго Ганса! Неужели это смерть?

— Да, дитя мое,—отвѣтилъ докторъ сдержаннымъ голосомъ:—совершился милосердный и неизмѣнный законъ природы. Душа Джеми переселилась въ другой, болѣе счастливый міръ.

ГЛАВА XVIII.

Въ больницѣ.

Когда карета съ докторомъ и Реджинальдомъ уѣхала, лэди Лоренцъ отошла отъ окна съ какимъ-то страннымъ чувствомъ и отправилась въ свои покои развлечься книгой. Но это любимое удовольствіе не могло разсѣять охватившихъ ее думъ, и она начала безпокойно бродить по комнатамъ. Въ комнатѣ Реджинальда все напоминало ей объ отсутствіи мальчика, какъ-то странно ускользавшаго изъ ея рукъ. Спустившись въ картинную галлерею, она остановилась передъ кроткимъ ликомъ Богородицы съ предвѣчнымъ младенцемъ на рукахъ, парившей въ небесахъ въ ясномъ сіяніи среди сонма херувимовъ.

Видъ Богоматери пробудилъ въ ея груди новыя, неизвѣданныя чувства. „Онъ тоже былъ моимъ единственнымъ утѣшеніемъ“, думала она, и крупныя слезы полились обильно на ея шелковое платье.

Долго сидѣла она въ глубокомъ раздумьѣ и наконецъ безсознательно поднялась въ мезонинъ, гдѣ хранились заброшенныя игрушки Реджинальда.

При видѣ прекрасной лошади съ качалкой, она живо вспомнила время, когда мальчикъ смѣло сидѣлъ верхомъ на этой игрушкѣ и сильно дергалъ ее за красные поводья. А теперь онъ съ такою же силою дергалъ струны ея материнскаго сердца, и она слѣпо слушалась его.

Опустившись на кожаный чемоданъ, она задумчиво взглянула на лежавшую на полу открытую дѣтскую книжку съ картинкой, изображавшей двухъ матерей, искавшихъ въ лѣсу своихъ дѣтей. Надъ этой книжкой мальчикъ пролилъ нѣсколько горячихъ слезъ, и она сама забросила книгу, какъ бросаютъ розу, уколовшись ея шипомъ. Въ углу мезонина въ полумракѣ стояла пустая кровать, служившая для прислуги на случай болѣзни. При видѣ кровати въ воображеніи ея мгновенно предсталъ длинный рядъ бѣлыхъ кроватокъ съ лежавшими на нихъ блѣдными маленькими страдальцами.

— И онъ ушелъ туда!—вскрикнула она съ грустью и, быстро поднявшись, поспѣшно спустилась внизъ.

— Мэри, помоги мнѣ скорѣй одѣться! — крикнула она горничной.—Нѣтъ, причесывать волосы не надо! Достань мое выходное платье и прикажи скорѣй заложить экипажъ—я поѣду въ больницу!

На порогѣ больницы лэди Лоренцъ встрѣтила Лизу Лове съ полной корзинкой старыхъ куколъ въ рукахъ. Дѣвочка весело улыбнулась ей и, низко поклонившись,

послѣдовала за богатой печальной дамой, которая, при всей своей щедро разбрасываемой милостынѣ, далеко не находила того удовольствія, какое испытывала бѣдная дѣвочка при раздачѣ своихъ скромныхъ подарковъ.

— Надѣюсь, Реджинальдъ здоровъ?—скромно спросила дѣвочка, избѣгая упоминать о его бѣгствѣ.

— Да... онъ здѣсь, и я пріѣхала...—лэди Лоренцъ остановилась, сама не зная, зачѣмъ она пріѣхала въ больницу.

— Ахъ, какъ я рада!—воскликнула дѣвочка.—Дѣти очень любятъ видѣть нарядныхъ людей, и я думаю, что Реджинальду тоже понравится здѣсь! Позвольте, я покажу вамъ дорогу,—продолжала она, замѣтивъ, что лэди Лоренцъ остановилась въ нерѣшимости. Какъ во снѣ слѣдовала она за маленькой дѣвочкой, пока та не остановилась у кровати, на которой покоился вѣчнымъ сномъ сиротка Джеми.

— Ахъ!—вскрикнула она, точно ее что-то кольнуло въ сердце:—гдѣ мое дитя?

При этомъ крикѣ съ полу поднялась незамѣченная ею фигура мальчика и взглянула на нее съ полными слезъ глазами.

— Ты здѣсь!.. А кто же этотъ другой?..

— Это мой Джеми,—простоналъ Джимъ.

— У него есть мать?—спросила сильно взволнованная лэди Лоренцъ.

— Нѣтъ, никого кромѣ меня.

— Боже!—простонала она.—А кто о тебѣ заботится, кто тебя нѣжитъ?

— Теперь... никто...—громко зарыдалъ Джимъ, бросаясь на трупъ своего маленькаго друга.

Эта сцена тронула лэди Лоренцъ до глубины души: она обвела взглядомъ окружавшихъ ее маленькихъ страдальцевъ, маленькаго покойника, безутѣшно рыдавшаго

Джима, и въ сердцѣ ея проснулось чувство состраданія къ чужому горю. Бросившись на колѣни у ложа смерти, она схватила мохнатую голову мальчика и, прижавъ ее къ своей груди, прошептала:

— О, нѣтъ, теперь у тебя тоже есть мать! Я буду любить тебя какъ своего сына!

Въ это время къ кровати подошли два служителя, чтобы унести маленькаго покойника.

— Позвольте мнѣ заплатить,—произнесъ сквозь рыданія Джимъ:—ваши деньги были назначены ему, и я хочу употребить ихъ для него.

Лэди Лоренцъ шепнула нѣсколько словъ служителямъ и, сказавъ Джиму, что его желаніе будетъ исполнено, увела его съ собой. Въ корридорѣ они встрѣтили доктора Кемпера и Реджинальда, намѣревавшихся ѣхать домой. При видѣ слезъ своей матери, ведущей за руку Джима, Реджинальдъ бросился къ ней навстрѣчу.

— О, мама,—вскричалъ онъ,—какъ я радъ, что ты тоже печальна! И какъ хорошо, что ты нашла Джима. Теперь мы его больше не отпустимъ, не правда ли, мама?

Съ сіяющимъ лицомъ и сверкавшими отъ радости глазами велъ Реджинальдъ грязнаго, убитаго горемъ Джима къ выходу; за ними слѣдовали докторъ и лэди Лоренцъ, на печальномъ лицѣ которой отражалась неподдѣльная скорбь о безвременно погибшемъ маленькомъ мальчикѣ.

На порогѣ Реджинальдъ приподнялся на цыпочкахъ и шепнулъ доктору нѣсколько словъ:

— Позвольте мнѣ, пожалуйста, ѣхать домой съ мамой и Джимомъ,—онъ такой грустный. Возьмите съ собой вмѣсто меня Лизу Дове, видите, какая она сегодня тоже грустная.

Мальчикъ былъ такъ увѣренъ, что ему не откажутъ

въ его просьбѣ, что, не дождавшись отвѣта, вскочилъ за Джимомъ въ экипажъ.

— Ты не думай, Джимъ, что я гадкій,—сказалъ онъ, ласкаясь къ своему другу,—я буду теперь добрымъ.

Лиза поѣхала съ докторомъ, который хотѣлъ подвезти ее домой; но лэди Лоренцъ пригласила ее также къ себѣ.

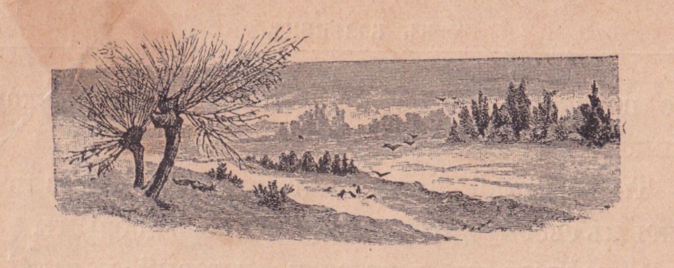
— Какъ вы думаете, докторъ, поправится ли мой братецъ Робби?—спросила она его на пути.

— А помнишь ли ты, Лиза,—спросилъ докторъ,—сказаніе священнаго писанія о сунамитской женщинѣ, когда пророкъ спросилъ ее: „здоровъ ли твой мальчикъ?“ и она отвѣтила, что здоровъ, хотя ея сына уже не было въ живыхъ?

— Да, помню, докторъ, но вѣдь пророкъ воскресилъ его опять.

— Ну, то же самое можетъ случиться и съ Робби—мы всѣ когда-нибудь воскреснемъ, Лиза.

ГЛАВА XIX.

Визитъ въ мезонинѣ.

Хорошая ванна, новая одежда и питательный завтракъ оживили и развлекли Джима. Гнетущее его горе и безсонница надломили его самоувѣренно строптивый нравъ и превратили въ покорнаго податливаго мальчика.

— Теперь у меня не хватитъ духу чистить сапоги,— сказалъ онъ грустно, глядя на маленькій ящикъ Джеми.— Онъ просилъ меня принести сегодня этотъ ящикъ, но даже не взглянулъ на него, и теперь я оставлю его себѣ на память.

— Да, да, сдѣлай это! Мы поставимъ его въ мезонинѣ, и онъ будетъ храниться тамъ съ моими игрушками. Пойдемъ туда!—предложилъ Реджинальдъ, желая развлечь своего друга.

Реджинальдъ побѣжалъ въ комнату матери, чтобы позвать Лизу пойти съ ними, но слишкомъ занятый своей

мыслью, онъ совсѣмъ не замѣтилъ, что мать его о чемъ-то серьезно разговариваетъ съ дѣвочкой.

— Я увѣрена, что мама будетъ очень рада сдѣлать это; мы всегда слышали о немъ только хорошее,—говорила дѣвочка его матери.

— Лиза, пойдемъ съ нами въ мезонинъ смотрѣть игрушки! Ну, иди же!—кричалъ Реджинальдъ, схвативъ дѣвочку за руку и потащивъ ее за собою.

— Иди же, Лиза! Стоитъ ли тутъ смотрѣть на эту старую вещь!—торопилъ онъ дѣвочку, когда она остановилась на широкой площадкѣ лѣстницы, чтобы послушать музыкальный бой прекрасныхъ старинныхъ часовъ.

— Ахъ, какъ здѣсь чудесно!—въ восторгѣ воскликнула дѣвочка, когда они вошли въ комнату Реджинальда.

Среди прочихъ вещей, тутъ лежали его костюмъ, шляпа и перчатки, которые онъ надѣвалъ утромъ для верховой ѣзды, маленькія рукавицы для боксированія, небольшія рапиры для фехтованія и множество другихъ предметовъ, говорившихъ о потворствѣ всѣмъ прихотямъ маленькаго баловня.

— Хочешь, я дамъ тебѣ урокъ бокса, Джимъ? — сказалъ Реджинальдъ, надѣвая рукавицы и становясь въ позицію.—Чарли говоритъ, что я уже хорошо бью съ плеча.

— Когда нужно, такъ я сумѣю драться и безъ рукавицъ!—отвѣтилъ Джимъ безучастно.

— Значитъ, ты умѣешь тоже хорошо фехтовать?—

спросилъ Реджинальдъ въ полной увѣренности, что всѣ мальчики, въ томъ числѣ и чистильщики сапогъ, владѣютъ этими боевыми качествами.

— Ну да, я учился драться и увертываться отъ ударовъ и умѣю не хуже другихъ раздавать и получать тумаки, но я никогда не дѣлаю этого нарочно или ради удовольствія: ты знаешь самъ, что у меня есть другое дѣло.

— Но докторъ Кемперъ говоритъ, что для меня это очень здоровое упражненіе.

— Можетъ быть, это и здорово для тѣхъ, кто разъѣзжаетъ въ каретахъ и спитъ за занавѣсами,—замѣтилъ Джимъ, окидывая взглядомъ шелковый балдахинъ надъ кроватью;—но я не родился такимъ богачемъ, и мнѣ уже съ пяти лѣтъ пришлось биться изъ-за куска хлѣба.

— Бѣдный Джимъ, — сказалъ съ участіемъ Реджинальдъ, подходя къ мальчику и обнимая его, — теперь тебѣ не надо будетъ дѣлать этого; ты будешь жить здѣсь со мною.

— Играть много изъ-за куска хлѣба такъ же тяжело, какъ и работать много ради него: но по моему все-таки лучше работать!—отвѣтилъ Джимъ.

— Лиза, брось, пожалуйста, этотъ альбомъ и пойдемъ съ нами въ мезонинъ,—повелительно позвалъ дѣвочку Реджинальдъ, не зная, что отвѣтить Джиму, и желая скорѣе окончить этотъ разговоръ.—Ну, закрой теперь глаза, Лиза, не то ты опять будешь засматриваться по дорогѣ.

Они пошли черезъ картинную галлерею, причемъ Реджинальдъ шелъ задомъ, наблюдая, чтобы его друзья не останавливались по дорогѣ, но Джимъ остановился передъ картиной, изображавшей молодую мать съ прекраснымъ младенцемъ на рукахъ. Какъ бы инстинктивно

поднялъ онъ руку, чтобы снять фуражку — неизмѣнную принадлежность своей головы, забывъ совсѣмъ, что ее сняли у него при входѣ въ домъ.

— Это Богородица и Христосъ,—пояснилъ Реджинальдъ, недовольный остановкой:—мы посмотримъ эту картину въ другой разъ, Джимъ.

Проходя по галлерееѣ, Джимъ и Лиза продолжали

съ благоговѣніемъ засматриваться на прекрасныя картины и чудесныя статуи, казавшіяся имъ живыми. При выходѣ лежалъ на пьедесталѣ высѣченный изъ мрамора спящій ребенокъ; при видѣ этой статуи грудь Джима тяжело приподнялась, онъ остановился, пропустилъ впередъ Реджинальда и нѣжно поцѣловалъ мраморныя губки мальчика.

— Какая красивая лѣстница, — замѣтила дѣвочка, когда они стали подниматься по спиральной лѣстницѣ.

— А тамъ наверху есть башня; выгляни-ка изъ этихъ узкихъ оконъ, и ты увидишь верхушки деревьевъ и синее небо. Ну вотъ, мы и здѣсь!—сказалъ Реджинальдъ, отворяя однимъ толчкомъ дверь въ мезонинъ.— Лиза, садись на этотъ сундукъ.

И мальчикъ не безъ хвастовства принялся опоражнивать сундуки и ящики съ игрушками.

— Вотъ мой пѣвучій волчокъ,—говорилъ Реджинальдъ, показывая игрушку:—онъ поетъ такъ жалобно, что мама каждый разъ плакала, когда я пускалъ его. А это мой павлинъ: видите, какой у него превосходный хвостъ? Но я сломалъ подставку, и теперь онъ никуда не годится! — замѣтилъ мальчикъ, небрежно бросая въ сторону дорогую игрушку.—А вотъ это бѣдный Жако, моя обезьяна: онъ околѣлъ, когда мы ѣздили на морской берегъ, и мама велѣла потомъ набить его и вставить ему стеклянныя глаза, чтобы я думалъ, что онъ живой. Но когда я увидѣлъ, что онъ больше не прыгаетъ, не гримасничаетъ и не смѣшитъ меня, я не захотѣлъ больше смотрѣть на него!

Съ этими словами мальчикъ отбросилъ ногой въ сторону обезьяну, какъ игрушку, уже отслужившую свои дни.

— А тебѣ нравится лошадь съ качалкой?—сказалъ онъ, замѣтивъ, что Джимъ облокотился на красивую игрушку и залюбовался ею.—Эта лошадка почти такая же большая, какъ мой пони Дикъ; но я уже не такой маленькій, чтобы играть съ такими игрушками. Скоро у меня будетъ настоящій арабскій пони, хотя мама говоритъ, что это не совсѣмъ безопасно для меня, и что Вилли Саундерсъ сломалъ себѣ руку, когда поѣхалъ кататься верхомъ на своемъ пони. Лиза, ты опять взялась за книгу! Ты совсѣмъ такая же, какъ всѣ другія дѣвочки. Когда моя двоюродная сестра Эстель приходитъ сюда, она всегда садится съ своей куклой читать книжки и не хочетъ ни фехтовать, ни играть. Я терпѣть не могу дѣвочекъ!.. О, Лиза, прости меня, я опять забылъ...—И мальчикъ бросился къ дѣвочкѣ, увлекшейся чтеніемъ.—Я не такъ хотѣлъ сказать, прости меня, Лиза,—повторилъ Реджинальдъ.

— Я не слышала, что вы сказали,—отвѣтила добродушно дѣвочка, поднимая голову.

— О, я сказалъ очень нехорошо, но я люблю тебя, Лиза, ты совсѣмъ не такая, какъ Эстель... но она тоже хорошая, — прибавилъ мальчикъ, пріученный хорошо отзываться о своихъ родныхъ.—Хочешь, Джимъ, я подарю тебѣ эту лошадку? Нѣтъ, возьми лучше моего Дика, а я скажу мамѣ, чтобы она сейчасъ купила мнѣ арабскаго пони.

— Мнѣ не надо никакихъ пони,—отвѣтилъ Джимъ, поглаживая шелковистую гриву лошадки: — но Джеми навѣрное полюбилъ бы вотъ эту лошадку.

— Да, да, навѣрное! Но вѣдь онъ не можетъ больше играть съ ней...

Глубокое горе Джима, стоявшаго въ сторонѣ съ опущенной на грудь головой, заставило Реджинальда прекратить свою безпечную болтовню.

— О, Джимъ! Что мнѣ сдѣлать, чтобы ты полюбилъ меня такъ же, какъ ты любилъ Джеми? — воскликнулъ онъ, глубоко тронутый горемъ своего друга.—Пусть эта лошадка будетъ Джемина: положи его ящичекъ на сѣдло и повѣрь, что никто никогда не дотронется до нихъ.

— Если ты будешь любить его, я тоже полюблю тебя!—произнесъ Джимъ, глотая слезы.

— Ты увидишь, какъ я буду любить его!—воскликнулъ горячо Реджинальдъ, въ полной увѣренности, что Джимъ также сдержитъ слово.

ГЛАВА XX.

Ночь въ мезонинѣ.

Когда Джима проводили въ комнату, назначенную ему для ночлега, онъ вспомнилъ, что видѣлъ въ мезонинѣ небольшую кровать.

— Я буду лучше спать тамъ, наверху,—сказалъ онъ, указывая пальцемъ вверхъ.

— Ты хочешь спать въ мезонинѣ?—спросилъ удивленный Реджинальдъ.—Но вѣдь та кровать поставлена тамъ для прислуги!

— Ну такъ что жъ, она годится мнѣ, хоть я и не холопъ!—отвѣтилъ Джимъ.

— Я хотѣлъ сказать, что она не довольно хороша для тебя,—отвѣтилъ Реджинальдъ.

— Но мнѣ тамъ больше нравится, и я привыкъ спать на свѣжемъ воздухѣ: тамъ я могу открыть окно

и смотрѣть, какъ звѣзды блестятъ на небѣ!—настаивалъ Джимъ.

— Оставь его, Реджинальдъ, пусть онъ дѣлаетъ какъ хочетъ,—замѣтила лэди Лоренцъ.

Получивъ отъ своей госпожи приказаніе проводить Джима въ мезонинъ, спѣсивый лакей угадалъ въ немъ новаго любимца дома и, проводивъ его наверхъ, съ низкимъ поклономъ пожелалъ ему покойной ночи.

Но Джимъ долго не могъ заснуть; лежа на кровати, онъ мысленно перебиралъ событія послѣднихъ дней, нахлынувшія на него столь неожиданно, что онъ не могъ даже предусмотрѣть ихъ своею мнимою опытностью. Наконецъ онъ всталъ и отворилъ окно. „Можетъ быть я усну скорѣй, если здѣсь будетъ побольше свѣжаго воздуха", думалъ онъ. Но онъ былъ слишкомъ возбужденъ, чтобы уснуть; глаза его безцѣльно блуждали по освѣщеннымъ луною предметамъ, принимавшимъ иногда самыя фантастическія формы: глаза лошади горѣли, какъ огненные шары, набитая обезьяна скалила зубы, сидя на корточкахъ, а хвостъ павлина, залитый луною, сверкалъ подобно сотнѣ огромныхъ чудовищныхъ глазъ. Джиму показалось, что его какъ будто сторожили со всѣхъ сторонъ.

„Здѣсь точно въ звѣринцѣ, и всѣ эти ящики навѣрное тоже набиты разными звѣрями, какъ въ Ноевомъ ковчегѣ", думалъ онъ, поворачиваясь лицомъ къ стѣнѣ и закрывая глаза. Но заснуть ему не удалось; среди царившей кругомъ тишины внезапно раздалась рѣзкая пѣсня сверчка, окончательно разогнавшая его сонъ.

Реджинальдъ крадучись поднялся по спиральной лѣстницѣ.

Въ это время Реджинальдъ такъ же безпокойно метался на своей постели. Слабый свѣтъ ночной лампы тускло освѣщалъ комнату и, какъ ему казалось, наполнялъ ее удушливымъ смрадомъ. Въ комнатѣ матери было тихо, а изъ-за портьеръ доносилось ровное глубокое дыханіе гувернантки. Откинувъ одѣяло, мальчикъ спустилъ босыя ножки на полъ, подкрался къ дверямъ и, осторожно повернувъ ключъ, вышелъ въ слабо освѣщенную прихожую. Въ это время заиграли большие часы, и Реджинальдъ остановился, притаивъ дыханіе, изъ опасенія, что музыка эта разбудитъ прислугу и выдастъ его бѣгство. Подобно маленькому привидѣнію, шмыгнулъ онъ затѣмъ наверхъ въ картинную галлерею и невольно вздрогнулъ, услышавъ тамъ за панельной обшивкой стѣны грызущую мышь. Яркій свѣтъ луны заливалъ своимъ таинственнымъ блескомъ изображенныя на картинахъ лица; они, казалось, провожали строгими взглядами крадущагося мимо нихъ мальчика, а высѣченный изъ мрамора мальчикъ казался живымъ на своемъ каменномъ ложѣ; даже мышка перестала грызть за стѣною, чтобы прислушаться къ тихому шороху шаговъ, нарушавшему обычную въ это время тишину дома. Миновавъ галлерею, мальчикъ приподнялъ свою длинную рубашонку и сталъ подниматься по спиральной лѣстницѣ, обдаваемый по временамъ яркимъ свѣтомъ луны, проникавшимъ изъ узкихъ оконъ и серебрившимъ его головку и голыя ножки. Поднявшись наверхъ, онъ тихо толкнулъ дверь и остановился на порогѣ, озаренный съ ногъ до головы волшебнымъ луннымъ свѣтомъ.

Джимъ увидѣлъ изъ своего темнаго угла таинственное привидѣніе и мгновенно вскочилъ съ кровати.

— Джеми, это ты? — спросилъ онъ шепотомъ, въ которомъ слышалась неизъяснимая радость.

— Ш-ш-ш-ш... — прошептало привидѣніе, приложивъ палецъ къ губамъ:—это я—Реджинальдъ...

— А, это ты!—произнесъ съ глубокимъ вздохомъ разочарованный Джимъ, падая назадъ на подушки.

Такой холодный пріемъ обидѣлъ Реджинальда.

— Я уйду, если ты не хочешь меня видѣть,—сказалъ онъ холодно въ свою очередь, опускаясь на колѣни, чтобы прикрыть свои голыя ноги. Въ эту минуту онъ походилъ на молившагося ангела.

— Джеми тоже такъ читалъ свои молитвы,—прошепталъ Джимъ, пораженный прекраснымъ видѣніемъ.

— И я тоже молюсь, хотя я и не всегда добрый,—отвѣтилъ Реджинальдъ.

— Онъ всегда молился за меня, а теперь ужъ некому дѣлать это.

— Я буду молиться за тебя; это мнѣ больше нравится, чѣмъ всегда просить за себя; вѣдь ты знаешь, у меня все есть, мнѣ ничего не надо.

— Ну хорошо,—согласился Джимъ, сердце котораго нуждалось въ утѣшеніи.

„Господи, благослови и помилуй меня; не отврати лица Твоего отъ меня...“—молился Реджинальдъ.

— Ты, кажется, только за себя молишься,—перебилъ мальчика Джимъ.

— Эта молитва такъ начинается,—возразилъ Ред-

„Здѣсь точно въ звѣринцѣ", подумалъ Джимъ.

жинальдъ,—но я сейчасъ прибавлю: „Господи помилуй Джима и не отврати лица Своего отъ него. Аминь“.

— Аминь,—повторилъ Джимъ:—я думаю, что Онъ услышитъ твою молитву... Зачѣмъ ты пришелъ сюда?—спросилъ онъ уже болѣе ласково.

— О, Джимъ, я не могъ уснуть и все думалъ только о тебѣ. Мнѣ казалось, что тебѣ скучно, и я пришелъ къ тебѣ.

— Такъ иди ложись ко мнѣ на кровать; я вижу, что ты озябъ,—сказалъ Джимъ.

Реджинальдъ юркнулъ въ постель и прижался къ Джиму.

— Какъ здѣсь чудесно и прохладно!—замѣтилъ Реджинальдъ.—У меня въ комнатѣ горитъ лампа, и занавѣсы всѣ задернуты, такъ что совсѣмъ непохоже на ночь. И какъ ярко блеститъ луна и звѣзды! Я прежде никогда не замѣчалъ ихъ!.. Знаешь, Джимъ,—сказалъ онъ послѣ минутнаго молчанія,—мнѣ кажется, что я тебя больше люблю, чѣмъ ты меня.

— Я не знаю, насколько ты можешь любить другихъ,—отвѣтилъ Джимъ,—но у тебя такъ много родныхъ и другихъ добрыхъ людей, которыхъ ты обязанъ любить, что ты никого сердечно не любишь.

— О, Джимъ, какъ ты можешь такъ думать?—вскричалъ Реджинальдъ.—Я очень люблю маму, кузена Чарли и мадемуазель тоже.

— А они знаютъ это?

— Ну да, какъ же имъ не знать этого! Вѣдь оттого они и дѣлаютъ все для меня.

— Да, это видно, что всѣ они тебя любятъ.

— Я не знаю, отчего такъ тяжело быть добрымъ, когда самъ этого хочешь, — сказалъ вздыхая Реджинальдъ.—Какъ ты думаешь, Джимъ, можно ли въ школѣ научиться быть добрымъ?

— Какъ тебѣ сказать... не знаю,—отвѣтилъ Джимъ,— но тамъ мальчиковъ передѣлываютъ!

— Неужели ихъ передѣлываютъ, если они недобрые? Какъ же это дѣлается, Джимъ?

— Ихъ отучаютъ отъ дурныхъ привычекъ.

— Скажи мнѣ, Джимъ, если бы ты былъ сынъ моей мамы, а я—твоей, была ли бы между нами какая-нибудь разница?

— Разумѣется! Тогда я былъ бы милліонеромъ.

— И ты былъ бы добрый?

— Не знаю... можетъ быть, я сдѣлался бы морскимъ разбойникомъ.

— Что ты говоришь, Джимъ! Вѣдь тогда ты былъ бы гораздо хуже меня?

— Не знаю, но думаю, что ты на моемъ мѣстѣ не сдѣлался бы такимъ большимъ негодяемъ,—ты пока только испорченъ.

— А что могло меня испортить, Джимъ?—спросилъ озабоченно мальчикъ.

— Деньги!—отвѣтилъ сурово Джимъ.

— Ну вотъ, то же самое сказала мнѣ и мистриссъ Дове! Я не знаю, что мнѣ дѣлать, Джимъ? У меня ужъ слишкомъ много денегъ!—сказалъ, глубоко вздохнувъ, Реджинальдъ.

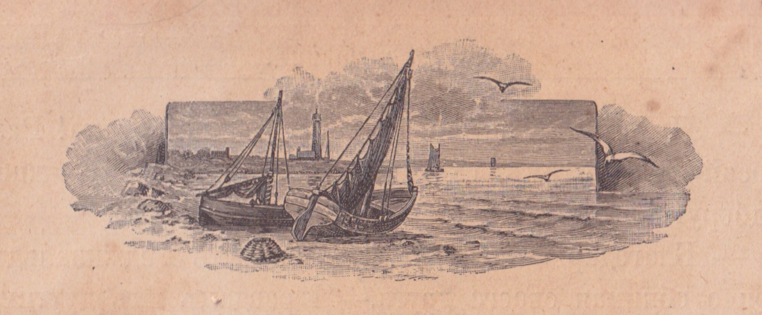
— Ну, отъ этого добра избавиться не трудно! Разбросай ихъ кругомъ: охотниковъ найдется много—живо подберутъ.

— Благодарю тебя, Джимъ,—сказалъ Реджинальдъ, горячо обнимая своего друга.—Я раздамъ ихъ другимъ мальчикамъ. А что, если эти деньги испортятъ ихъ тоже?—спросилъ онъ послѣ минутнаго молчанія.

— Ну, объ этомъ не безпокойся, такой рискъ они охотно возьмутъ на себя.

Наступила полная тишина. Луна продолжала величественно свой обходъ и, озаряя по очереди предметы въ мезонинѣ, какъ бы посылала свой прощальный привѣтъ подушкѣ, на которой покоились рядомъ невиннымъ сномъ двѣ дѣтскія головки.

ГЛАВА XXI.

Утренній разговоръ.

Проснувшись на разсвѣтѣ, Реджинальдъ увидѣлъ себя рядомъ съ Джимомъ, спавшимъ крѣпкимъ сномъ.

„О, мнѣ надо скорѣй лечь въ свою постель,—подумалъ онъ,—чтобы мама застала меня тамъ, когда придетъ будить меня поцѣлуями“.

Чтобы не разбудить спавшаго товарища, онъ осторожно слѣзъ съ кровати, крадучись спустился внизъ по лѣстницѣ и, найдя дверь въ свою комнату полуоткрытой, какъ онъ ее ночью оставилъ, юркнулъ въ свою постель, гдѣ скоро снова крѣпко заснулъ.

Когда онъ утромъ открылъ глаза, солнце уже сіяло въ открытое окно, и мать его, сидя у его изголовья, ожидала его пробужденія.

— Я думалъ, что все еще сплю въ мезонинѣ! — воскликнулъ изумившись Реджинальдъ, увидѣвъ себя

въ своей постели и забывъ совсѣмъ, что онъ на зарѣ вернулся въ свою комнату.

— Ты видѣлъ это во снѣ, дорогой мой,—нѣжно отвѣтила ему мать.

— О, нѣтъ, мама! Я въ самомъ дѣлѣ спалъ въ мезонинѣ.

— Да нѣтъ же, мой милый. Я сама уложила тебя спать здѣсь,—сказала лэди Лоренцъ улыбнувшись.

— Нѣтъ, мама, я спалъ тамъ. Видишь ли, я долго не могъ уснуть и пошелъ къ Джиму, а потомъ боялся вернуться одинъ и остался у него до утра. И знаешь, мама, мнѣ кажется, что спать тамъ наверху очень хорошо и здорово.

Лэди Лоренцъ глубоко вздохнула и начала сожалѣть, что ввела къ себѣ въ домъ этого незнакомаго мальчика. Но Реджинальдъ не замѣтилъ озабоченнаго выраженія ея лица и, обхвативъ ея шею обѣими ручонками, принялся горячо цѣловать ее, повторяя при каждомъ поцѣлуѣ:

— Мама, я люблю тебя, люблю тебя, люблю тебя! И я сказалъ Джиму, что скажу тебѣ это.

— Развѣ ты безъ этого мальчика не зналъ, что обязанъ любить свою мать, Реджинальдъ?—спросила съ ревнивою тоскою лэди Лоренцъ.

— Нѣтъ, мама, ты не поняла меня; видишь ли Джимъ знаетъ много такого, чего я совсѣмъ не понимаю, и онъ сказалъ мнѣ, что ты меня любишь.

— Развѣ тебѣ нуженъ былъ чистильщикъ сапогъ для того, чтобы увѣрить тебя въ моей любви, Реджи-

нальдъ? — спросила мать голосомъ, дрожавшимъ отъ волненія.

— О, нѣтъ, мама! Отчего ты такъ смотришь на меня? — спросилъ грустно Реджинальдъ. —Но знаешь, я недавно узналъ, что я испорченъ, и Джимъ, и всѣ другіе тоже такъ думаютъ. И ты, мама, тоже навѣрное думаешь такъ, не правда ли?

Лэди Лоренцъ горячо поцѣловала правдивыя губки сына и, не отвѣчая на его вопросъ, только крѣпче прижала его къ своему сердцу.

— Ты мое единственное сокровище, Реджинальдъ,— отвѣтила она,—и для меня ты долженъ быть совершеннымъ, дорогой мой.

— Значитъ, я долженъ быть такимъ, какъ Джимъ. мама, не такъ ли? Но ты ужъ знаешь, что я хочу быть такимъ, какъ онъ.

— Ты вѣрно хочешь сказать, дорогой мой, что ты долженъ расти и сдѣлаться добрымъ, благоразумнымъ человѣкомъ?

— Да, мама, это я и хотѣлъ сказать. Я хочу быть такимъ же добрымъ мальчикомъ, какъ Джимъ, а потомъ сдѣлаться хорошимъ мужчиной.

— Знаешь ли ты, что теперь уже полдень?—замѣтила ему мать, желая перемѣнить разговоръ.

Реджинальдъ быстро вскочилъ съ кровати.

— Отчего ты не сказала мнѣ этого раньше, мама? Гдѣ Джимъ?

— Реджинальдъ, ты сказалъ мнѣ, что любишь меня?— спросила лэди Лоренцъ, подавая мальчику халатъ.

— Да, мама, я тебя очень люблю.

— И ты сказалъ, что хочешь быть добрымъ мальчикомъ?

— Да, мама.

— А ты не забудешь этого?—спросила мать, пристально взглянувъ на него.

— О, нѣтъ, мама, никогда!

— Ты спросилъ меня, гдѣ Джимъ, и я скажу тебѣ, что его уже нѣтъ здѣсь: онъ ушелъ.

Мальчикъ остановился, пораженный какъ громомъ.

— Развѣ онъ убѣжалъ мама?—спросилъ онъ наконецъ упавшимъ голосомъ.—Значитъ, ему не нравится жить съ нами?

— Реджинальдъ, ты долженъ понять, что у насъ не мѣсто такому мальчику, какъ Джимъ; онъ не годится тебѣ въ товарищи.

— Не годится!—произнесъ мальчикъ съ глубокимъ вздохомъ.—Значитъ, онъ слишкомъ хорошъ для меня?

— Кузенъ Чарли отвезъ его къ мистриссъ Дове; онъ будетъ жить тамъ и ходить оттуда въ школу.

— О, мама!—вскричалъ Реджинальдъ, покраснѣвъ до волосъ отъ досады;—значитъ ты...—Онъ вдругъ замолчалъ и, быстро засунувъ себѣ пальцы въ ротъ, старался улыбнуться сквозь душившія его слезы.—Мама, я едва опять не сдѣлался нехорошимъ.

— Но вѣдь ты обѣщалъ мнѣ быть хорошимъ мальчикомъ,—сказала мать, притягивая къ себѣ возбужденнаго сына:—ты будешь добрымъ и поможешь мнѣ сдѣлать другихъ счастливыми, не такъ ли?

— Да, мама; Джимъ тоже говоритъ, что я еще не настолько испорченъ, чтобы сдѣлаться большимъ негодяемъ.

Слова сына поразили и вмѣстѣ съ тѣмъ разсердили лэди Лоренцъ.

— Реджинальдъ,—сказала она строго,—я совсѣмъ не понимаю твоихъ словъ и боюсь, что ты у этого мальчика научился многому такому, чего тебѣ совсѣмъ не слѣдовало знать!

— Нѣтъ, мама, Джимъ не училъ меня дурному, а

когда я спросилъ его, какъ сдѣлаться добрымъ, онъ только сказалъ мнѣ, что не надо быть злымъ.

Лэди Лоренцъ искренно порадовалась, что во-время удалила изъ дома Джима, и надѣялась, что ей скоро удастся прекратить эту тѣсную дружбу.

Въ это время въ комнату вошла гувернантка съ серебрянымъ подносомъ, на которомъ въ хрустальной и фарфоровой посудѣ дымился изысканный завтракъ для маленькаго джентльмена.

— Взгляните, мистеръ Реджинальдъ, какой у васъ сегодня чудесный завтракъ!—сказала она, указывая на спѣлыя, сочныя ягоды, составлявшія рѣдкость для того времени года.

— Благодарю васъ, мадемуазель,—отвѣтилъ мальчикъ,—вы очень добры, а я сегодня сильно проголодался.

ГЛАВА XXII.

Реджинальдъ и его новый учитель.

Если бы прежніе давальцы увидѣли теперь Джима Треси, когда онъ по утрамъ шелъ въ школу, такъ не узнали бы въ этомъ хорошо одѣтомъ мальчикѣ прежняго чистильщика сапогъ, который въ рваной одеждѣ, грязный и нечесаный бродилъ во всякую погоду по улицамъ, отыскивая себѣ работу.

Читать Джимъ выучился еще раньше, отъ своей матери, а считать его пріучила горькая необходимость, и потому, подготовившись у нанятаго мистеромъ Лоренцомъ учителя, онъ легко поступилъ во второй классъ, изъ котораго надѣялся перейти сразу въ четвертый. Питательная пища и правильный образъ жизни въ семействѣ Дове также благотворно отразились на здоровьѣ мальчика и придали его исхудалому изнуренному лицу цвѣтущій видъ. Онъ не могъ нарадоваться, что попалъ въ такой домъ, гдѣ вентиляція не оставляла желать

ничего лучшаго, и чувствовалъ себя счастливымъ среди этой мирной, трудолюбивой семьи. Учителя отзывались о немъ съ лестной похвалой и говорили мистеру Лоренцу, что во всемъ училищѣ не найти болѣе прилежнаго и понятливаго ученика.

Мистеръ Лоренцъ не забылъ и своего маленькаго двоюроднаго брата. Не добившись у своей тетки согласія посылать Реджинальда въ школу, онъ уговорилъ ее пригласить дѣльнаго учителя для обученія мальчика болѣе серьезнымъ предметамъ, нежели музыка, танцы и французскій языкъ. Реджинальдъ тоже сильно желалъ учиться и былъ въ восхищеніи, когда ему представили профессора Броуна, какъ его будущаго учителя; скоро онъ совсѣмъ подружился съ нимъ и привязался къ нему всѣмъ сердцемъ.

Не проходило дня, чтобы мальчикъ не освѣдомлялся объ успѣхахъ и здоровьѣ Джима, и когда ему говорили, какимъ отличнымъ ученикомъ сдѣлался чистильщикъ сапогъ, онъ не могъ нарадоваться успѣхамъ своего друга и старался всѣми силами слѣдовать его примѣру.

— Знаете ли, профессоръ,—сказалъ онъ однажды учителю во время урока, — богатому мальчику очень трудно быть добрымъ. Я уже пробовалъ это, и мама тоже думаетъ, что Джимъ испортится, если будетъ жить здѣсь; а онъ хорошій мальчикъ и потому переѣхалъ къ мистриссъ Дове. Какъ вы думаете, мистеръ Броунъ, можете ли вы превратить меня въ хорошаго мальчика?

— Мнѣ кажется, такого славнаго мальчика совсѣмъ не нужно превращать,—весело отвѣтилъ профессоръ.

— О, вы не знаете меня!—съ серьезнымъ видомъ возразилъ Реджинальдъ:—я надѣлалъ очень много худого въ жизни!

— Неужели? Ну, разскажи мнѣ, Реджинальдъ, свой самый дурной поступокъ!

— Тогда мнѣ придется очень много разсказывать. Вотъ тутъ стояло большое зеркало—я бросилъ въ него мои стеклянные шарики, и оно разлетѣлось въ дребезги; потомъ я однажды бросилъ мой новый бархатный костюмъ въ ванну и потомъ чуть было не разбилъ мамину любимую китайскую вазу.

— И ты дѣлалъ все это нарочно?—такъ же серьезно спросилъ учитель.

— Ну да, конечно; и если бы я потомъ не убѣжалъ...

— О, ты бывалъ въ бѣгахъ?

— Да, и знаете, если бы мнѣ тогда не разсказали о маленькомъ Гансѣ, и я не увидѣлъ бы въ больницѣ Джеми и другихъ дѣтей, я, можетъ быть, сдѣлался бы морскимъ разбойникомъ!

— Вотъ какъ! А что такое морской разбойникъ?— спросилъ учитель, полагая, что мальчикъ прочелъ какую-нибудь книгу о пиратахъ, и подбирая въ умѣ своему ученику болѣе подходящія книжки для чтенія.

— О, это злой человѣкъ, такъ говорилъ мнѣ Джимъ.

— Развѣ онъ разсказывалъ тебѣ о морскихъ разбойникахъ, Реджинальдъ? — спросила лэди Лоренцъ, входя въ комнату.

— Да, мама, онъ сказалъ, что деньги портятъ маль-

чиковъ, и что, если бы онъ былъ милліонеръ, то, можетъ быть, сдѣлался бы морскимъ разбойникомъ.

Лэди Лоренцъ съ тревогой вопросительно взглянула на учителя.

— Что онъ хочетъ этимъ сказать?—спросила она въ недоумѣніи.

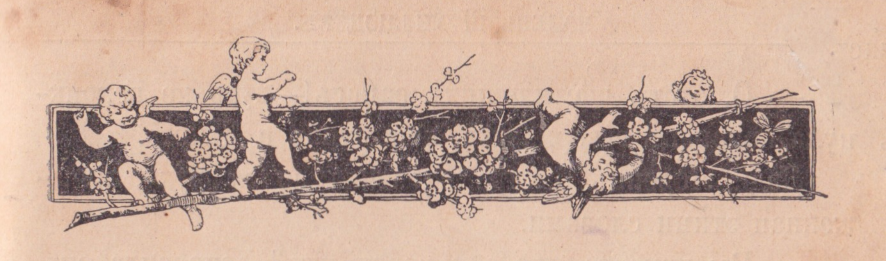
— Онъ не подразумѣваетъ подъ этимъ ничего дурного, лэди Лоренцъ, — отвѣтилъ учитель. — Вѣроятно, Джимъ немножко разочаровалъ его насчетъ богатства и его преимуществъ.

— Да, мистеръ Броунъ, Джимъ знаетъ все и разсказалъ мнѣ много такихъ вещей, о которыхъ я со-

всѣмъ ничего не зналъ. Но я хочу самъ узнать все и думаю, что отъ этого мальчики только дѣлаются лучше.

— Хорошо, мой милый, мы сегодня же начнемъ съ ариѳметики. Справься сначала съ этимъ дѣломъ, а потомъ ужъ примемся и за другое!

ГЛАВА XXIII.

Пропавшіе бриллiанты.

Мадемуазель! — позвала лэди Лоренцъ гувернантку, одѣваясь, чтобы ѣхать на какой-то вечеръ:—гдѣ же мои бриллiанты?

Гувернантка прибѣжала на зовъ.

— Ихъ нѣтъ въ секретномъ ящикѣ,—продолжала лэди Лоренцъ, нахмуривъ брови;—а вы сказали мнѣ, что положили ихъ туда.

— Милэди, я въ самомъ дѣлѣ положила туда ваши бриллiанты. Не замѣтили ли вы, что кто-нибудь трогалъ ящикъ?

— Ящикъ открывается съ помощью пружинки, и я не замѣтила, чтобы кто-нибудь дотрогивался до нея.

И въ зеркальномъ ящикѣ отразились испуганныя лица двухъ женщинъ, смотрѣвшихъ въ недоумѣнiи въ пустой ящикъ.

— О, этотъ чистильщикъ сапогъ!—чуть не вскрикнула наконецъ гувернантка, вспомнивъ о Джимѣ.

Лэди Лоренцъ быстро схватила ее за руку, пораженная этими словами.

— Вы думаете, что онъ взялъ ихъ?—спросила она, съ трудомъ переводя дыханіе.

— Да, милэди, кому же больше! Въ это время у насъ никого не было изъ чужихъ, кромѣ него, и когда онъ ушелъ, исчезли и брилліанты!—отвѣтила съ убѣжденіемъ гувернантка.

— О, что мнѣ дѣлать?

— Прикажите сейчасъ арестовать его, милэди,—сказала гувернантка,—и вы найдете ваши брилліанты.

Изъ сосѣдней комнаты послышались быстро приближавшіеся шаги, и лэди Лоренцъ приложила палецъ къ губамъ, давая этимъ знать гувернанткѣ, чтобы она молчала.

— Мама,—вскричалъ Реджинальдъ, вбѣгая въ комнату,—гдѣ мои часы? Я нигдѣ не могу найти ихъ! Хочу теперь бѣгать по часамъ.

Обѣ женщины переглянулись многозначительно, убѣдившись окончательно, что часы пропали вмѣстѣ съ брилліантами.

„Но Реджинальдъ не долженъ ничего знать, пока я не буду имѣть въ рукахъ ясныхъ доказательствъ“, думала лэди Лоренцъ.

— Я прикажу отыскать твои часы, дорогой мой,—сказала она мальчику,—а пока мадемуазель дастъ тебѣ свои часы.

— Благодарю васъ, мадемуазель!—сказалъ Реджинальдъ, убѣгая съ часами къ своему маленькому другу, Вилли Саундерсу, съ которымъ онъ хотѣлъ бѣгать въ перегонку.

Позвали мистера Лоренца, чтобы сообщить ему о пропажѣ брилліантовъ.

— Посмотри, Чарльсъ,—сказала ему лэди Лоренцъ, указывая на пустой ящикъ:—у меня украли мои брилліанты, и часы Реджинальда пропали тоже. Теперь ты видишь, что не совсѣмъ безопасно принимать у себя такихъ гостей, какъ этотъ чистильщикъ сапогъ.

Это замѣчаніе было сказано мистеру Лоренцу такимъ тономъ, какъ будто онъ былъ кругомъ виноватъ въ пропажѣ брилліантовъ.

— Вы увѣрены, ma tante, что чистильщикъ сапогъ укралъ ваши брилліанты?

— Конечно! Больше некому; онъ ушелъ, а вмѣстѣ съ нимъ исчезли и брилліанты. Слуги наши живутъ у насъ давно, и имъ можно довѣрять вполнѣ.

— Извините меня, ma tante, но я не вѣрю, чтобы Джимъ взялъ ваши брилліанты.

— Такъ кто же ихъ взялъ, Чарльсъ?

— Не знаю, я не бралъ ихъ и потому не могу назвать вамъ вора. Но вѣдь вы также легко можете подозрѣвать и меня, какъ Джима.

— Глупости, Чарльсъ. Всѣ эти дни у насъ никого не было, а въ честности слугъ, какъ я уже тебѣ говорила, я увѣрена; этого же мальчика мы совсѣмъ не знаемъ и поступили очень неосторожно, что привели его сюда.

— На это было ваша добрая воля, ma tante, и я думаю, вамъ нечего сожалѣть объ этомъ.

— Однако, теперь я очень сожалѣю, что поступила такъ довѣрчиво. Скажи, что же мнѣ теперь дѣлать?

— Разумѣется, вы можете арестовать мальчика, и если онъ не сумѣетъ оправдаться, вы можете совсѣмъ погубить его, упрятавъ надолго въ исправительный домъ.

— Но я не хочу никого губить, Чарльсъ: я только желаю вернуть свои брилліанты.

— Хорошо ли вы ихъ искали вездѣ, ma tante?

— Да; ихъ нѣтъ въ ящикѣ, гдѣ они лежатъ всегда, и куда мадемуазель положила ихъ, когда приняла отъ ювелира. Кромѣ того, знаешь, тотъ мальчикъ хотѣлъ непремѣнно спать въ мезонинѣ и говорилъ Реджинальду, что онъ хочетъ сдѣлаться морскимъ разбойникомъ или чѣмъ-то въ этомъ родѣ.

— Мнѣ кажется, что исторія съ мезониномъ не можетъ служить доказательствомъ его вины: эта комната находится слишкомъ далеко отъ вашей. Что же касается морскихъ разбойниковъ, такъ въ извѣстномъ возрастѣ всѣ мальчики хотятъ быть кѣмъ-нибудь въ этомъ родѣ. Я тоже думалъ такъ, однако, все-таки сдѣлался порядочнымъ членомъ общества.

— Теперь я сожалѣю, что приняла участіе въ этомъ мальчикѣ!—замѣтила лэди Лоренцъ.

— А между тѣмъ всѣ мы были очень рады, когда встрѣтили его въ первый разъ.

— Неужели ты думаешь, Чарльсъ, что я когда-нибудь забуду его услугу?

— Надѣюсь, что нѣтъ, ma tante; съ вашей стороны было бы самой черной неблагодарностью погубить того, кто спасъ жизнь Реджинальду.

— Но надо же что-нибудь сдѣлать, Чарльсъ, чтобы отыскать брилліанты! Ты самъ знаешь, что они подарены мнѣ твоимъ дядей въ день моей свадьбы; и я дорожу этой памятью.

— Такъ что-жъ изъ этого!.. Не хотите ли вы выдать мальчика полиціи и опозорить его на всю жизнь?

— Что ты говоришь, Чарльсъ! Я не хочу его позорить, но думаю, что за нимъ слѣдуетъ прослѣдить и заставить признаться, а сначала надо предупредить объ этомъ его учителей и мистриссъ Дове, чтобы они также наблюдали за нимъ.

— Въ такомъ случаѣ позвольте мнѣ, ma tante, дѣйствовать за васъ. Мальчикъ продолжаетъ прилежно ходить въ училище и живетъ у женщины, которая работаетъ у васъ и всегда можетъ дать вамъ отчетъ въ его поступкахъ. Изъ этого слѣдуетъ, что онъ не собирается бѣжать, и потому спѣшить намъ не слѣдуетъ. Я буду дѣйствовать въ этомъ дѣлѣ очень осторожно, и когда его невиновность будетъ доказана, онъ не будетъ ничего знать о нашихъ подозрѣніяхъ, которыя могутъ только глубоко оскорбить его чувства и самолюбіе. Распустить дурную молву и заклеймить мальчика на всю жизнь очень легко, но возстановить его доброе имя будетъ трудно. Обѣщайте мнѣ, тетя, связать языкъ этой болтливой француженкѣ.

— Я уже предупредила ее насчетъ этого, потому что не хочу, чтобы Реджинальдъ зналъ что-нибудь объ этомъ.

ГЛАВА XXIV.

Розыскъ.

Хотя всѣ подозрѣнія лэди Лоренцъ основывались лишь на однѣхъ догадкахъ, она была твердо убѣждена въ винѣ Джима. Кромѣ того, она вспомнила, что когда онъ первый разъ явился къ нимъ въ домъ, она позволила Реджинальду играть бриллiантами, чтобы заставить его принять лѣкарство, а когда онъ заинтересовался пришедшими мальчиками, снова отослала ихъ обратно въ свою комнату. Въ своемъ нетерпѣнiи получить обратно свои драгоцѣнности, она на третiй же день заявила племяннику, что слѣдуетъ принять болѣе энергичныя мѣры. По ея настоянiю Чарльсъ Лоренцъ согласился наконецъ передать это дѣло полицiи и произвести слѣдствiе, которое удовлетворило бы его тетку и, какъ онъ надѣялся, доказало бы полную невиновность Джима.

Объяснивъ полицейскому инспектору подозрѣнія и догадки своей тетки, онъ заявилъ, что твердо убѣжденъ въ честности мальчика, и просилъ, чтобы дѣло это было поручено достойному довѣрія лицу и производилось бы безъ всякой огласки.

— Хорошо, — отвѣтилъ инспекторъ, — мы поведемъ это дѣло тайно. Гдѣ проживалъ тотъ мальчикъ до того времени, какъ вы взяли его на свое попеченіе?

— Онъ жилъ недалеко отсюда, въ жалкомъ баракѣ на свалочномъ дворѣ. Полисменъ Мурфи знаетъ мальчика и скоро найдетъ его.

— Хорошо, я поручу это дѣло Мурфи. Но такъ какъ вы интересуетесь этимъ дѣломъ, вамъ слѣдовало бы сегодня же отправиться вмѣстѣ съ нами туда по горячимъ слѣдамъ. Можетъ быть, онъ скрываетъ тамъ бриллiанты.

— Я совсѣмъ не хочу, чтобы меня вмѣшивали въ это дѣло.

— Мы и не вмѣшаемъ васъ,—возразилъ инспекторъ.—Мурфи дежуритъ каждую ночь около того мѣста, и его присутствіе не вызоветъ въ мальчикѣ подозрѣній. Мы же будемъ только издали наблюдать за ними.

Ночь была пасмурная и темная; инспекторъ, мистеръ Лоренцъ и полисменъ Мурфи сѣли въ закрытую коляску и поѣхали къ прежнему жилищу Джима.

— Какое ужасное мѣсто! — замѣтилъ инспекторъ, очутившись за мрачнымъ заборомъ на свалочномъ дворѣ, куда привелъ ихъ Мурфи, шедшій впереди съ потайнымъ фонаремъ.

Они осторожно подошли къ легкому бараку и остановились у задней стѣны; сквозь щели барака проникали слабые лучи свѣта, и слышно было, какъ кто-то копалъ землю. Прислушавшись съ минуту, Мурфи подошелъ по знаку инспектора ко входу барака и, за-

глянувъ въ него, увидѣлъ, что Джимъ стоитъ на колѣняхъ надъ вырытой ямой и укладываетъ въ нее какой-то пакетъ. Сердце полисмена замерло.

„Вотъ этому я никогда бы не повѣрилъ!“ прошепталъ онъ съ тяжелымъ вздохомъ.

Но несмотря на такую очевидную улику, онъ не воспользовался своимъ потайнымъ фонаремъ, чтобы тот-

часъ открыть преступленіе и именемъ закона арестовать мальчика.

„Пусть мальчикъ пока не знаетъ, зачѣмъ я пришелъ,—думалъ онъ,—я давно знаю его, и это первый подозрительный случай“.

Инспекторъ и мистеръ Лоренцъ, стоявшіе въ сторонѣ, не видѣли, что происходило въ баракѣ. Услышавъ чьи-то шаги, Джимъ быстро вскочилъ, задулъ свѣчу и вышелъ, пряча за спиною пакетъ.

— Ты куда идешь?—спросилъ его Мурфи обычнымъ спокойнымъ голосомъ, кладя свою тяжелую руку на плечо мальчика.

— Домой, къ мистриссъ Дове,—отвѣтилъ Джимъ.—Всѣ они ушли сегодня на цѣлую ночь въ больницу къ умирающему Робби, а я вышелъ прогуляться.

Полисменъ направился къ выходу съ мальчикомъ и, проводивъ его до дому, поднялся съ нимъ на крышу.

— Я давно не былъ здѣсь наверху, — замѣтилъ онъ равнодушно,—и хочу хоть разъ ночью взглянуть съ крыши на городъ.

Остановившись на крышѣ съ Джимомъ, онъ, повидимому, залюбовался мелькавшими по всему городу огоньками и мерцающими надъ ними звѣздами.

— Не правда ли, какъ тутъ хорошо! — замѣтилъ Джимъ.—Всѣ эти огоньки и звѣзды блестятъ точно брилліанты и рубины!

— Такихъ дорогихъ камней я никогда не видѣлъ,—отвѣтилъ полисменъ;—но ты, Джимъ, навѣрное многому насмотрѣлся у своихъ важныхъ знакомыхъ.

Джимъ принялъ слова полисмена за насмѣшку и сконфузился.

— Да, я видѣлъ бриллiанты лэди Лоренцъ; она при мнѣ дала своему мальчику поиграть съ ними, когда онъ не хотѣлъ принимать лѣкарства.

— И что же, они очень красивы?—спросилъ Мурфи.

— О, да. Они сiяли и блестѣли, какъ вотъ тѣ огоньки тамъ!—отвѣтилъ Джимъ.

Наступило долгое молчанiе. Стоявшiя неподвижно на крышѣ фигуры мальчика и полисмена походили на бронзовыя статуи, рѣзко оттѣнявшiяся на темномъ фонѣ неба.

— Что у тебя въ пакетѣ, Джимъ? — спросилъ внезапно полисменъ, какъ будто только-что замѣтилъ пакетъ.

Джимъ смѣшался и снова спряталъ пакетъ за спину.

— Джимъ, развѣ я не доказалъ тебѣ своей дружбы?— спросилъ наконецъ Мурфи, не дождавшись отвѣта.

— Да, ты всегда былъ моимъ другомъ!—съ жаромъ воскликнулъ Джимъ.

— А вѣришь ли ты мнѣ больше, чѣмъ другимъ?

— Да, я вѣрю только тебѣ одному.

— Такъ отдай мнѣ этотъ пакетъ на храненiе.

Джимъ колебался.

— У меня онъ будетъ въ сохранности,—продолжалъ Мурфи.

Джимъ задумался, не зная на что рѣшиться.

„Дома мнѣ негдѣ спрятать его, а зарыть на крышѣ тоже нельзя“, подумалъ мальчикъ, нехотя подавая наконецъ пакетъ полисмену.

— Будь спокоенъ, я его не открою! — замѣтилъ успокоительно полисменъ и, пожелавъ Джиму спокойной ночи, онъ спустился внизъ. Вернувшись въ полицейское управленіе, Мурфи передалъ пакетъ инспектору.

— Значитъ, вы заставили маленькаго негодяя признаться, Мурфи?—спросилъ инспекторъ, запирая пакетъ въ свой желѣзный шкафъ.

— Онъ съ полнымъ довѣріемъ отдалъ мнѣ пакетъ, и теперь я отвѣчаю за него,—отвѣтилъ угрюмо полисменъ.

— Ну, объ этомъ не безпокойтесь; эту отвѣтственность я беру на себя,—сказалъ инспекторъ.—Ну, что вы голову повѣсили, другъ мой?—продолжалъ онъ.—Мало ли какіе случаи у насъ бываютъ. Главное, не спускайте теперь глазъ съ этого мальчишки. Видно, онъ еще новичокъ, иначе не довѣрилъ бы вамъ пакета.

— Онъ довѣрилъ его мнѣ какъ своему лучшему другу,—замѣтилъ уныло полисменъ.

— Ну, такъ что-жъ! Ваша прямая обязанность быть другомъ своего общества, а не одного лица, и я совѣтую вамъ стряхнуть съ себя лишнюю чувствительность, когда вы имѣете дѣло съ закономъ.

— Законъ безжалостенъ и часто несправедливъ!—пробормоталъ Мурфи, возвращаясь къ своему посту.

Въ эту ночь онъ особенно добросовѣстно исполнялъ свою обязанность и произвелъ нѣсколько арестовъ.

— О, вы пойдете далеко, Мурфи, если будете продолжать такъ!—замѣтилъ ему инспекторъ.

ГЛАВА XXV.

Въ полицейскомъ управленіи.

Мистеръ Лоренцъ не долго оставался въ неизвѣстности. Съ вечерней почтой онъ получилъ отъ инспектора записку съ приглашеніемъ явиться въ полицейское управленіе, чтобы присутствовать при вскрытіи ящика съ брилліантами.

Несмотря на очевидную виновность Джима, мистеръ Лоренцъ надѣялся найти оправданіе мальчику и спасти его отъ гибели.

„Какъ я буду радъ, если Джимъ окажется невиннымъ! Но тетѣ моей было бы по-дѣломъ, если бы она лишилась своихъ брилліантовъ:—зачѣмъ даетъ она ребенку играть драгоцѣнностями. Вводить въ искушеніе маленькихъ несчастныхъ бродягъ совсѣмъ непростительно!“

Желая отдалить отъ себя грустную развязку, онъ на другое утро не поѣхалъ къ инспектору сыскной по-

лиціи, а ушелъ въ контору, ломая себѣ голову надъ тѣмъ, какъ оправдать мальчика, если онъ окажется виновнымъ. Порѣшивъ наконецъ отказаться отъ всякаго преслѣдованія, онъ написалъ инспектору, что явится къ нему вечеромъ.

Въ назначенное время онъ поѣхалъ въ полицейское управленіе, гдѣ его уже ожидали инспекторъ и Мурфи. Всѣ трое молча удалились въ кабинетъ инспектора, притворивъ за собою дверь. Никто изъ нихъ не произнесъ ни слова. Мурфи зажегъ газъ, а мистеръ Лоренцъ сѣлъ за письменный столъ, заваленный телеграммами и другими оффиціальными бумагами, и заслонилъ рукою глаза отъ свѣта. Инспекторъ не торопясь открылъ свой желѣзный шкафъ, вынулъ оттуда пакетъ, завернутый въ толстую бумагу, и, сжавъ губы, сталъ торжественно развязывать туго завязанную узломъ веревку. Полисменъ Мурфи стоялъ около него, опустивъ голову на грудь съ видомъ настоящаго преступника, готоваго признаться въ своемъ преступленіи, а мистеръ Лоренцъ не спускалъ глазъ съ инспектора. „Что онъ копается? Разрѣзалъ бы веревку, да и дѣлу конецъ!“ подумалъ онъ, видя, что инспекторъ все еще возится съ веревкой.

Сердце мистера Лоренца болѣзненно сжалось, и ему казалось, что онъ присутствуетъ при вскрытіи живого человѣка. Наконецъ инспекторъ развязалъ узелъ, медленно развернулъ толстую бумагу и вынулъ изъ нея маленькій ящикъ, въ которомъ взякнуло что-то похожее на драгоцѣнные камни. Мистеръ Лоренцъ съ живостью

поднялся и подошелъ къ инспектору. Дубовый ящичекъ былъ запертъ, и отъ него пахнуло сырой землей. Инспекторъ протянулъ къ Мурфи свою широкую ладонь и произнесъ глухимъ голосомъ: „ключъ?" Это было

первое слово, прервавшее долгое молчаніе. Видя, что его подчиненный отрицательно покачалъ головой, инспекторъ съ недовольнымъ видомъ опустилъ руку въ карманъ и вынулъ большой ножъ. Не торопясь открылъ онъ ножъ, засунулъ лезвіе въ скважину крышки и едва

надавилъ слегка, какъ крышка открылась — и тайна преступленія Джима обнаружилась.

Какъ бы сговорившись, всѣ трое сразу нагнулись надъ ящичкомъ и съ изумленіемъ уставились на маленькаго игрушечнаго солдатика въ красной формѣ, глядѣвшаго на нихъ своими веселыми глазками.

— Дали же мы маху!—вскричалъ инспекторъ, покатившись со смѣху.

— Спасенъ! — пробормоталъ въ восторгѣ мистеръ Лоренцъ, почувствовавъ, какъ тяжелый камень скатился у него съ сердца, между тѣмъ какъ лицо полисмена Мурфи засіяло такимъ же счастьемъ и довольствомъ, какъ рожица краснаго солдатика.

Но вдругъ инспекторъ вспомнилъ, что слышалъ подозрительный звукъ въ ящикѣ; полагая, что брилліанты скрыты въ солдатикѣ, онъ надавилъ игрушку, и солдатикъ жалобно запищалъ подъ его грубыми пальцами. Это еще больше распотѣшило инспектора: онъ залился такимъ громкимъ смѣхомъ, что привлекъ къ стеклян-нымъ дверямъ многихъ любопытныхъ служащихъ, пытавшихся узнать причину веселья своего начальника.

Осмотрѣвъ наконецъ ящикъ, инспекторъ нашелъ въ немъ шесть разноцвѣтныхъ стеклянныхъ шариковъ, фотографическую карточку умершаго Джеми и локонъ его волосъ. На днѣ ящика лежалъ конвертъ, въ которомъ оказалось свидѣтельство о бракосочетаніи Элеоноры-ванъ-Альстейнъ съ мистеромъ Джемсомъ Треси.

— Мы какъ будто расхищаемъ могилу,—замѣтилъ грустно Чарльсъ Лоренцъ.

— Что-жъ дѣлать? Мы дѣйствуемъ по закону и при этомъ иногда дѣлаемъ грубыя ошибки! — отвѣтилъ инспекторъ, перекатывая съ ладони на ладонь стеклянные шарики.—Да, Мурфи, на этотъ разъ мы промахнулись! Кто возьметъ этотъ ящикъ на храненіе?

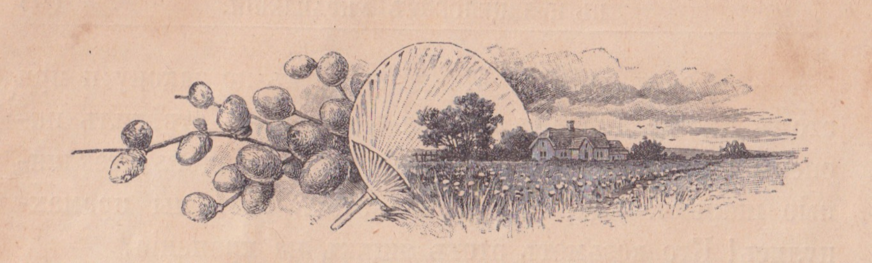
— Я,—отвѣтилъ Мурфи съ достоинствомъ, поднимая краснаго солдатика и укладывая его обратно въ ящикъ.—Джимъ довѣрилъ мнѣ этотъ ящичекъ, потому что не зналъ, гдѣ хранить его, а мы насмѣялись надъ единственными сокровищами бѣднаго мальчика: брачнымъ свидѣтельствомъ его покойной матери и портретомъ его маленькаго умершаго друга.

— Ну, ладно, Мурфи, вы всегда были и будете чувствительнымъ малымъ! Теперь можете идти съ своимъ сокровищемъ!—замѣтилъ шутливо инспекторъ, котораго въ эту минуту позвали въ канцелярію.

— Я глубоко сожалѣю, что затѣялъ это дѣло! — сказалъ мистеръ Лоренцъ, съ жаромъ пожимая руку полисмену.—Но теперь, надѣюсь, моя тетка убѣдится въ невиновности мальчика, а я съ своей стороны уже не сдѣлаю больше ни одного шага къ розыску этихъ злополучныхъ бриллiантовъ.

— Теперь я понимаю, отчего мальчикъ нехотя отдалъ мнѣ свой ящикъ,—сказалъ Мурфи, тщательно завертывая въ бумагу ящикъ и обвязывая его веревкой.— Я часто подшучивалъ надъ нимъ и называлъ его папой маленькаго Джеми, и онъ, вѣроятно, опасался, что я прозову его теперь отцомъ краснаго солдатика.

ГЛАВА XXVI.

Разоблаченіе тайны.

Мистеръ Лоренцъ тотчасъ уѣхалъ домой, чтобы сообщить своей теткѣ результатъ розыска и окончательно разсѣять ея подозрѣнія относительно Джима Треси. Заставъ ее въ будуарѣ, онъ сѣлъ рядомъ съ ней на маленькій диванъ.

— Знаете ли, тетя,—весело сказалъ онъ,—какую я привезъ вамъ интересную новость!

— О моихъ бриллiантахъ, да, Чарльсъ?—спросила она съ живостью.

— Да, о нихъ!—отвѣтилъ онъ и разсказалъ подробно исторію розыска до того момента, какъ вскрыли шкатулку.

— И они были тамъ?—вскрикнула лэди Лоренцъ, все время съ нетерпѣніемъ слушавшая разсказъ.

— Нѣтъ, ихъ тамъ не было.

Лэди Лоренцъ измѣнилась въ лицѣ.

— Зачѣмъ же ты мнѣ тогда разсказываешь эту длинную исторію? — замѣтила она недовольнымъ голосомъ.

— Чтобы доказать вамъ невиновность мальчика.

— Но этимъ ты ничего не докажешь, Чарльсъ! Зачѣмъ же онъ тогда вырылъ въ землѣ яму и сталъ зарывать въ нее шкатулку?

— Дайте же мнѣ договорить до конца, и вы узнаете. что было въ шкатулкѣ мальчика.

— Ты уже сказалъ, что моихъ бриллiантовъ тамъ не было; остальное меня не интересуетъ.

— Но я надѣюсь, тетя, что вы, по крайней мѣрѣ, интересуетесь узнать, виноватъ ли Джимъ.

— Да, но сильно сомнѣваюсь въ невиновности этого мальчика.

— Мама, мама!—раздался въ эту минуту звонкій голосъ Реджинальда, и минуту спустя мальчикъ вбѣжалъ къ матери съ высоко поднятой рукой, въ которой сверкала золотая цѣпь съ брелоками и часами.—Смотри, мама, мои часы!—закричалъ онъ, подбѣжавъ къ матери.

— Гдѣ ты ихъ нашелъ?—съ живостью спросилъ его кузенъ, хватая мальчика за руку.

— Въ карманѣ того костюма, который я снялъ въ то утро, когда мама уѣхала. А я все время вездѣ искалъ свои медали и вотъ наконецъ нашелъ ихъ вмѣстѣ съ часами. Ахъ, какъ я радъ!

— И я тоже!—замѣтилъ съ жаромъ мистеръ Лоренцъ.

— Значитъ, чистильщикъ сапогъ не воръ!—входя въ комнату, воскликнула гувернантка, услышавъ, что часы найдены.

— Мадемуазель!..—рѣзко остановила ее лэди Лоренцъ.

— Кто смѣлъ сказать это? — вскричалъ Реджинальдъ, устремляя на гувернантку сверкавшіе гнѣвомъ глаза.

— Извините, милэди, я забыла!.. — пробормотала гувернантка, краснѣя и поспѣшно удаляясь изъ комнаты.

Но Реджинальдъ бросился за нею и вцѣпился въ ея платье.

— Какъ вы смѣли сказать это? Какъ вы смѣли назвать его воромъ?—кричалъ онъ, побагровѣвъ отъ гнѣва.

— Реджинальдъ, успокойся!—остановила его мать.

— Она должна взять назадъ свои слова и просить прощенья у Джима!—кричалъ, не помня себя, мальчикъ, бросаясь на колѣни матери.

„Можетъ быть, мнѣ тоже придется просить у него прощенія“, подумала лэди Лоренцъ, лаская сына.

— Мама, прогони ее сейчасъ! Я не хочу ее больше видѣть!—продолжалъ взволнованный мальчикъ, отворачиваясь отъ гувернантки.

— Можетъ быть, и остальное найдется, если вы поищете у себя хорошенько,—спокойно замѣтилъ теткѣ мистеръ Лоренцъ.

— Развѣ еще что-нибудь пропало, мама? Скажи мнѣ, я сейчасъ найду тебѣ!—вскричалъ Реджинальдъ самоувѣренно.

— Позовите-ка сюда мадемуазель, ma tante,—сказалъ мистеръ Лоренцъ.

Лэди Лоренцъ позвала гувернантку.

— Мадемуазель,—обратился строго мистеръ Лоренцъ къ рыдавшей гувернанткѣ.—Вѣдь брилліанты пропали съ того дня, какъ уѣхала милэди, приказавъ вамъ принять ихъ отъ ювелира, не такъ ли?

— Да, Чарльсъ, а вотъ и счетъ его! Мадемуазель получила ихъ и заперла въ мой комодъ!—нетерпѣливо прервала племянника лэди Лоренцъ.

Мистеръ Лоренцъ устремилъ на француженку проницательный взглядъ.

— И вы хорошо помните, что положили ихъ именно въ эту шифоньерку? — спросилъ онъ, не сводя съ нея глазъ.

Гувернантка оторопѣла, вытаращивъ на него глаза, и вдругъ, какъ бы вспомнивъ что-то давно забытое. упала на колѣни.

— О, Боже! Мистеръ Лоренцъ, милэди, убейте меня!—вскричала она.—Позовите сюда этого маленькаго мальчика, чтобы я могла у ногъ его вымолить себѣ прощеніе! Слушайте, милэди! Я вышла къ человѣку, чтобы принять бриллiанты, получила ихъ, расписалась, взяла ихъ крѣпко въ руки, вотъ такъ, и поспѣшила въ спальню, чтобы посмотрѣть тамъ ли мистеръ Реджинальдъ. Но его тамъ не было! Я бѣгу, зову и не знаю, что мнѣ дѣлать. Заглядываю въ библіотеку, гостиную и наконецъ въ кабинетъ; открываю тамъ комодъ, бросаю туда бриллiанты и бѣгу дальше по всему дому. Потомъ я больше ничего не помню. Всѣ мои мысли были заняты только вашимъ дорогимъ мальчикомъ. Я бросаюсь въ карету и ѣду искать его... Когда мистеръ Лоренцъ спросилъ меня, положила ли я ихъ именно въ этотъ комодъ, я тотчасъ вспомнила все. Пойдемте, милэди, пойдемте, мистеръ Лоренцъ!

Она выбѣжала изъ комнаты и спустилась по лѣстницѣ въ гостиную, сопровождаемая лэди Лоренцъ, ея сыномъ и племянникомъ.

— Вотъ смотрите!—вскричала она, открывая оби-

тый краснымъ бархатомъ ящикъ съ лежавшими въ немъ бриллiантами.

— Этотъ ящикъ совсѣмъ похожъ на ящики вашей шифоньерки въ спальнѣ, и я была убѣждена, что положила туда бриллiанты.

— Это ужасно!—воскликнула лэди Лоренцъ, глядя растерянно на своего племянника.

— Да вѣдь вы видите же, тетя, что мадемуазель говоритъ правду?

— Не то, не то, Чарльсъ! Я знаю, что мадемуазель говоритъ правду!.. Но мальчикъ!.. Какъ ужасно я обидѣла его!..

Голосъ ея понизился до шепота, и Реджинальдъ не слышалъ послѣднихъ словъ матери.

— О, мадемуазель!—вскричалъ онъ:—я одинъ виноватъ, что вы забыли о бриллiантахъ! Мама, я гадкiй, я виноватъ, ты не брани больше бѣдную мадемуазель! Скажи, не будешь больше бранить ее?—говорилъ мальчикъ, съ умоляющимъ видомъ заглядывая въ лицо матери.

— Нѣтъ, нѣтъ, дитя мое,— отвѣтила она, лаская его:—я думаю, что больше никого не буду бранить.

— Пойдемъ, Реджинальдъ, — сказалъ мистеръ Лоренцъ, съ сiяющимъ лицомъ обнимая мальчика: — ты убѣжалъ, и, потерявъ тебя, мадемуазель потеряла свою голову, а потомъ и бриллiанты! Но, къ счастью, все нашлось, и никто не пострадалъ. Пусть этотъ случай послужитъ всѣмъ намъ маленькимъ урокомъ.

ГЛАВА XXVII.

Старый другъ.

Уложивъ спать Реджинальда и оставивъ гувернантку сторожить его сонъ, лэди Лоренцъ отправилась въ библіотеку, гдѣ ее уже ждалъ племянникъ.

— Ну, Чарльсъ,—обратилась она къ нему:—разскажи мнѣ теперь, что было въ таинственномъ ящикѣ бѣднаго Джима?

— Тамъ лежалъ красный солдатикъ.

— Красный солдатикъ! Зачѣмъ же онъ пряталъ его такъ старательно?

— Я узналъ сегодня отъ полисмена Мурфи, что маленькій Джеми игралъ передъ смертью этой игрушкой, а Джимъ страстно любилъ этого мальчика и свято хранитъ всякую память о немъ.

— Но зачѣмъ же онъ зарывалъ свои вещи, а не пряталъ ихъ въ сундукъ или комодъ?

— Вы спросите сначала, тетя, какъ жилъ этотъ мальчикъ?

— Должно быть, такъ, какъ живутъ всѣ другіе! Вѣроятно, у кого-нибудь въ квартирѣ.

— Нѣтъ, тетя, у него не было даже угла, не только что квартиры; онъ жилъ, какъ многіе другіе бѣдняки, на улицѣ и спалъ въ сквозной будкѣ на свалочномъ дворѣ, гдѣ сундукомъ ему служила яма въ землѣ.

— О, Боже! Бѣдный мальчикъ! Какъ ужасно я ошиблась, и какъ я рада, что все выяснилось!

— Я тоже сильно ошибся, поторопившись произвести обыскъ. Но теперь, тетя, вы навѣрное убѣдились, что среди бѣдныхъ людей также есть честные люди!

— Знаешь, Чарльсъ, я не могу простить себѣ, что до сихъ поръ никогда не думала о горькой участи бѣдняковъ. Но я постараюсь загладить свою ошибку и съ этого дня буду навѣщать ихъ и помогать имъ, а ты долженъ помочь мнѣ въ этомъ дѣлѣ.

— Съ удовольствіемъ, дорогая тетя; но мнѣ кажется, если вы возьметесь хорошенько за это дѣло, моя помощь будетъ почти излишней. Обратите, напримѣръ, вниманіе на нашу прачку; овдовѣвъ она осталась съ семью дѣтьми, изъ которыхъ старшей всего двѣнадцать лѣтъ; всю семью она содержитъ своимъ трудомъ, посылаетъ всѣхъ дѣтей въ школу и плату за квартиру выручаетъ изъ той же лоханки. Загляните сначала къ ней, а потомъ ужъ сами увидите, что вамъ надо дѣлать!

— О, Чарльсъ, только теперь я вижу, какъ мало я сдѣлала для Реджинальда!—воскликнула съ горечью лэди Лоренцъ.

— Пожалуй, вы и правы, тетя, хотя, съ другой стороны, вы сдѣлали для него слишкомъ много. Но мы совсѣмъ уклонились отъ нашего разговора: я хотѣлъ сказать вамъ, что еще было въ ящикѣ Джима.

— Что же тамъ было?

— Тамъ находилось еще свидѣтельство о бракосо-

четанiи нѣкоей Элеоноры ванъ-Альстейнъ. Кажется, я уже слышалъ это имя.

— Удивительно!—почти вскрикнула лэди Лоренцъ.— Такъ звали мою лучшую подругу! Она вышла замужъ за какого-то Треси противъ воли своего отца, и онъ выгналъ ее изъ дому, а затѣмъ лишилъ наслѣдства. Въ то время я находилась въ Европѣ и съ тѣхъ поръ совсѣмъ потеряла ее изъ виду. Бѣдная Элеонора! Если этотъ мальчикъ дѣйствительно ея сынъ, я съ радостью приму его въ свой домъ и усыновлю какъ родного сына. Какъ ты думаешь, Чарльсъ, жива ли она?

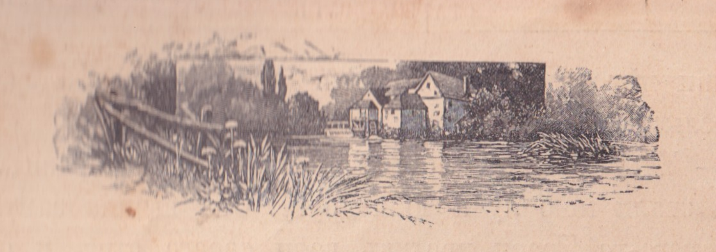
— Нѣтъ, Мурфи говорилъ мнѣ, что мальчикъ съ пяти лѣтъ остался круглымъ сиротой, а теперь ему должно быть лѣтъ тринадцать.

— Вѣроятно, онъ очень любилъ свою мать, что всѣ эти годы хранилъ это свидѣтельство и даже зарывалъ его въ землю,—замѣтила съ участiемъ лэди Лоренцъ.— Должно быть, бѣднякамъ очень тяжело жить на свѣтѣ!

— Поэтому, тетя, мы должны быть благодарны за тѣ блага, которыя намъ даны и дѣлиться ими съ другими.

— Ты правъ, Чарльсъ, и мы завтра же начнемъ съ прачки и ея семи ребятишекъ!

ГЛАВА XXVIII.

Свиданіе.

После этого разговора лэди Лоренцъ глубоко задумалась о мальчикѣ. Она чувствовала, что сильнѣе привяжется къ сыну своей любимой подруги, нежели къ чужому мальчику, и ложась спать рѣшила на слѣдующее же утро послать за Джимомъ, подробно разспросить его о матери, и если онъ дѣйствительно окажется сыномъ Элеоноры ванъ-Альстейнъ,—усыновить его и воспитывать вмѣстѣ съ Реджинальдомъ.

Джимъ сильно удивился, получивъ на другой день письмо отъ мистера Лоренца съ просьбой явиться въ тотъ же вечеръ къ его теткѣ. Это было первое приглашеніе съ тѣхъ поръ, какъ онъ ушелъ отъ нихъ. Несмотря на нежеланіе снова встрѣтиться съ капризною, какъ онъ говорилъ, лэди Лоренцъ, онъ рѣшилъ идти къ ней, чтобы не показаться неблагодарнымъ.

Когда Джима ввели въ библіотеку, мистера Лоренца не было дома. Увидѣвъ передъ собою хорошо одѣтаго румянаго мальчика, лэди Лоренцъ едва узнала его, когда онъ поклонился ей.

Всмотрѣвшись внимательно въ него, она нашла, что черты его лица напоминаютъ ей подругу юныхъ лѣтъ.

— Подойди ко мнѣ, Джимъ, дай взглянуть на себя хорошенько,—сказала она.—Знаешь ли, ты похожъ на мою хорошую знакомую, которую я очень любила.— на Элеонору ванъ-Альстейнъ, мою лучшую подругу по пансіону.

Мальчикъ вытаращилъ глаза отъ изумленія.

— Вѣдь такъ звали мою маму!—произнесъ онъ наконецъ.

— Твоя мама умерла?

— Да, уже давно; я былъ тогда совсѣмъ маленькій.

— Не похожъ ли на нее этотъ портретъ?—спросила лэди Лоренцъ, передавая мальчику карточку.

— Нѣтъ,—отвѣтилъ Джимъ,—эта молодая дама совсѣмъ непохожа на нее. Моя мама была гораздо старше.

— Знаешь, Джимъ, я прежде была очень дружна съ одной молодой дѣвицей,—ее звали Элеонорой ванъ-Альстейнъ,—и, когда мистеръ Чарльсъ разсказалъ мнѣ, что въ твоемъ ящикѣ нашли брачное свидѣтельство съ этой фамиліей,—продолжала простодушно лэди Лоренцъ, забывъ, что мальчикъ ничего не зналъ о розыскѣ,—я подумала, что моя подруга была твоею матерью.

— А какъ могъ мистеръ Лоренцъ узнать это, и кто позволилъ ему открыть мой ящикъ?—спросилъ Джимъ, краснѣя отъ негодованія.

— Тетя, опомнитесь, что вы говорите!..—остановилъ тетку Чарльсъ Лоренцъ, быстро входя въ комнату при послѣднихъ словахъ Джима.

— Но онъ говоритъ, Чарльсъ, что этотъ портретъ совсѣмъ непохожъ на его мать, и тогда я сказала ему, что свидѣтельство о бракѣ его матери было найдено въ его ящикѣ...Ахъ!..—вскрикнула она, замѣтивъ измѣнившееся лицо племянника и глядя растерянно на взволнованнаго Джима, продолжавшаго гнѣвно смотрѣть то на нее, то на мистера Лоренца.

— Я отдалъ мой ящикъ полисмену Мурфи и не ожидалъ, что онъ оставитъ его въ такомъ мѣстѣ, гдѣ всякій можетъ рыться въ немъ,—сказалъ мальчикъ глубоко обиженнымъ голосомъ.

Чарльсъ Лоренцъ совсѣмъ смутился, не зная, что отвѣтить. Не могъ же онъ сказать этому глубоко честному въ душѣ мальчику, спасшему жизнь единственному сыну его тетки, что его подозрѣвали въ воровствѣ, и что его невинная тайна была предана его другомъ, которому онъ довѣрилъ свой ящикъ. Свалить же всю вину на полисмена Мурфи, повиновавшагося своему начальству, было тоже невозможно, а между тѣмъ необходимо было придумать такое оправданіе, которое не оскорбило бы самолюбія гордаго мальчика.

Лэди Лоренцъ поспѣшно вышла изъ комнаты, изъ опасенія, что ея племянникъ станетъ разсказывать о ея обидныхъ подозрѣніяхъ.

— Знаешь, Джимъ,—началъ мистеръ Лоренцъ:—я очень виноватъ передъ тобой! Но прежде всего позволь сказать тебѣ, что во мнѣ ты имѣешь искренняго друга. Я принимаю въ тебѣ самое горячее участіе.

— Да,—задумчиво пробормоталъ Джимъ, не слушая мистера Лоренца: — мнѣ негдѣ было спрятать свой ящикъ, а я обѣщалъ мамѣ сохранить эту бумагу и хотѣлъ оставить себѣ на память краснаго солдатика Джеми. Скажите, мистеръ Лоренцъ, не смѣялся ли Мурфи, когда увидѣлъ, что было въ ящикѣ.

— Нѣтъ, Джимъ. Мурфи хорошій человѣкъ и никогда не станетъ смѣяться надъ тобою, а я уважаю

тебя за то, что ты такъ вѣрно хранишь память о своей матери и своемъ маленькомъ другѣ.

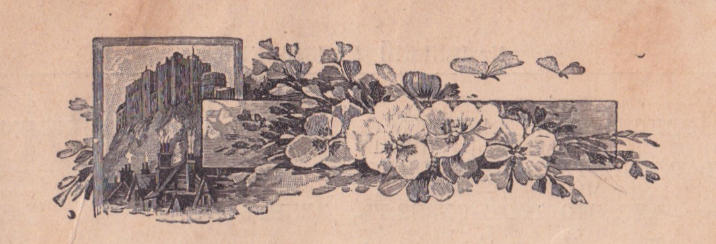
Джимъ молча взялся за свою шапку.

— Я очень радъ, что твои учителя отзываются о тебѣ съ такой похвалой,—продолжалъ ласково мистеръ Лоренцъ, провожая его до дверей:—продолжай, дорогой мой, учиться прилежно, и ты пойдешь далеко.

Очутившись на улицѣ, Джимъ сжалъ губы при мысли о нанесенной ему обидѣ.

„И онъ позволилъ себѣ открыть мой ящикъ,—думалъ мальчикъ съ горечью въ сердцѣ,—и даже показать другимъ, что въ немъ было! Я сейчасъ же пойду къ нему и спрошу, почему онъ не сдержалъ своего слова“. Отчего и почему по какому случаю одного тебя любить, а десяток шутить

ГЛАВА XXIX.

Открытіе Джима.

Когда Джимъ вышелъ отъ мистера Лоренца, онъ не зналъ еще настоящей причины, побудившей его друга Мурфи нанести ему такое глубокое оскорбленіе, и пошелъ отыскивать его только затѣмъ, чтобы взять у него обратно свой ящикъ.

Мальчикъ зналъ, гдѣ найти полисмена, и скоро встрѣтилъ его.

— Ну, какъ поживаешь, Джимъ? — спросилъ полисменъ.

— Такъ себѣ!—отрывисто отвѣтилъ мальчикъ.

— Ну, такъ себѣ мы всѣ живемъ!—замѣтилъ полисменъ, добродушно улыбнувшись.

— Зачѣмъ вы открывали мой ящикъ? — спросилъ вдругъ Джимъ взволнованнымъ голосомъ, глядя прямо въ лицо Мурфи.

Полисменъ вздрогнулъ, хотя ему было не привыкать-стать слышать непріятности.

— Кто это тебѣ сказалъ, Джимъ?

— Лэди Лоренцъ.

— Ужъ успѣла проболтаться!—пробормоталъ полисменъ.

— Скажите, зачѣмъ вы открыли мой ящикъ и показали мистеру Лоренцу, что въ немъ было? Я не думалъ, что мой ящикъ будетъ валяться у васъ по угламъ! — замѣтилъ Джимъ тономъ глубокаго негодованія.

„Все ли онъ знаетъ?“ спрашивалъ себя между тѣмъ полисменъ.

— Ты говоришь, что тебѣ это сказала лэди Лоренцъ?—переспросилъ онъ мальчика, не зная, что отвѣтить.

— Да, она сказала мнѣ, что мистеръ Лоренцъ видѣлъ, что было въ моемъ ящикѣ.

— Да, правда, — проговорилъ полисменъ, стараясь придумать подходящее оправданіе,—они искали что-то и заглянули и въ него.

— Но зачѣмъ вы оставили ящикъ въ такомъ мѣстѣ, гдѣ каждый могъ открыть его?—спросилъ съ упрекомъ Джимъ.

Полисмена покоробило при этомъ вопросѣ.

— Меня травятъ точно гончими въ этомъ постыдномъ дѣлѣ! — вскричалъ онъ наконецъ съ раздраженіемъ.

— Отдайте мнѣ мой ящикъ, — сказалъ спокойно Джимъ.

— Изволь; я понимаю, что послѣ этого ты не захочешь оставить его у меня, хотя я никогда не дотронулся бы до твоего ящика, если бы мнѣ не приказало начальство...

Полисменъ остановился, чувствуя, что сказалъ лишнее.

— Вамъ приказало начальство?—съ изумленіемъ переспросилъ Джимъ.

— Да, я долженъ былъ исполнить приказъ начальства и принесу тебѣ твой ящикъ на разсвѣтѣ.

Въ умѣ мальчика мелькнула, подобно молніи, обидная мысль.

— Они, вѣрно, думали, что я укралъ у нихъ что-нибудь?—спросилъ онъ, гнѣвно сверкнувъ глазами.

— Да! Провались они совсѣмъ!—вскричалъ Мурфи.

Не говоря ни слова, Джимъ повернулся на каблукѣ и поспѣшилъ домой.

Глубоко обиженный мальчикъ понялъ, что не можетъ долѣе пользоваться благодѣяніями своихъ подозрительныхъ покровителей, и рѣшилъ снова начать прежнюю трудовую, но независимую жизнь.

Собравъ свои немногіе пожитки, онъ на разсвѣтѣ встрѣтился съ своимъ другомъ полисменомъ и, послѣ краткаго совѣщанія съ нимъ, пропалъ безъ вѣсти.

ГЛАВА XXX.

Пропалъ безъ вѣсти.

Лэди Лоренцъ провела безсонную ночь и поднялась на слѣдующее утро очень поздно.

Несмотря на самыя добрыя намѣренія, она невольно глубоко оскорбила сына своей лучшей подруги, спасшаго жизнь ея собственному ребенку, хотя еще такъ недавно свято обѣщала у смертнаго одра маленькаго Джеми любить его, какъ родного сына.

Дѣйствуя всегда подъ первымъ впечатлѣніемъ, она тотчасъ же сообщила мистеру Лоренцу о своемъ намѣреніи сознаться во всемъ мальчику и, извинившись передъ нимъ, пріютить его у себя.

— Мы всѣ виноваты передъ нимъ, тетя, — отвѣтилъ мистеръ Лоренцъ:—но вы пока не дѣлайте этого. Если онъ не узналъ отъ полисмена всей правды, такое признаніе только глубоко оскорбитъ его и заставитъ

краснѣть отъ стыда. Я сначала повидаюсь съ Мурфи и узнаю, что онъ сказалъ мальчику.

— Ты правъ, Чарльсъ; но, пожалуйста, привези Джима сейчасъ сюда: я хочу совсѣмъ оставить его у насъ.

— Извольте, тетя, но, мнѣ кажется, вамъ слѣдуетъ сначала хорошенько обдумать это дѣло, чтобы потомъ не раскаиваться.

— Нѣтъ, Чарльсъ, я твердо рѣшила поступить такъ и не измѣню своему слову.

Встрѣтившись съ полисменомъ Мурфи, мистеръ Лоренцъ замѣтилъ, что тотъ былъ сильно раздраженъ и несловоохотливъ.

— Я хочу просить васъ не говорить мальчику, что мы его заподозрили въ воровствѣ,—сказалъ ему мистеръ Лоренцъ.

— Зачѣмъ же вы тогда сказали ему, что мы вскрывали его ящикъ?—грубо спросилъ полисменъ.

— Значитъ, вы уже видѣлись съ нимъ?..

— Онъ приходилъ ко мнѣ за ящикомъ,—прервалъ его Мурфи.

— Не допытывался ли онъ у васъ, почему вскрывали его ящикъ?

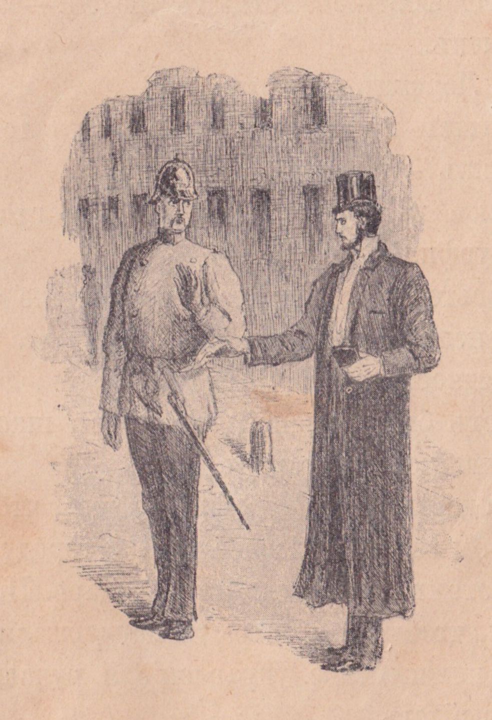
— Онъ упрекалъ меня за это.

— И вы сказали ему, что лэди Лоренцъ заподозрила его въ воровствѣ?

— Я сказалъ ему, что въ ящикѣ искали какую-то пропавшую вещь.

— Стало быть, онъ знаетъ, что его заподозрили?

— Да, онъ знаетъ не только это, но и то, что былъ обвиненъ въ тяжкомъ преступленіи, и что надъ нимъ учинили слѣдствіе.

— Но, надѣюсь, мистеръ Мурфи, вы сказали ему, что мы не имѣли никакого повода къ обвиненію, и что я былъ вполнѣ убѣжденъ въ его невиновности?

— Это вы можете сами сказать ему. Онъ былъ слишкомъ взволнованъ и обиженъ, а я старался только выгородить себя.

— Вѣдь вы въ этомъ дѣлѣ ни въ чемъ невиноваты, Мурфи!—замѣтилъ мистеръ Лоренцъ, вынувъ изъ кармана банковую бумажку и передавая ее полисмену.

— Я получаю жалованье за свою службу и не беру денегъ за оскорбленіе честныхъ людей!—рѣзко отвѣтилъ полисменъ.

Мистеръ Лоренцъ сконфузился.

— Не можете ли вы сказать мнѣ, гдѣ теперь находится мальчикъ?—спросилъ онъ.

— Я вамъ не сыщикъ. Ищите его, гдѣ знаете!—отвѣтилъ Мурфи.

— Повѣрьте мнѣ, Мурфи, я не меньше васъ огорченъ этимъ непріятнымъ дѣломъ, потому что всегда вѣрилъ въ честность этого мальчика.

— Можетъ быть, вы найдете его въ школѣ,—отвѣтилъ смягчившись полисменъ.

— Благодарю васъ, Мурфи. Надѣюсь, что вы не допустите, чтобы это дѣло разнеслось по городу.

— Объ этомъ не безпокойтесь, сударь. Позаботьтесь только сами, чтобы ваши барыни придержали свой язычекъ, а за полицейское управленіе я ручаюсь—оттуда ничего не выйдетъ.

Окончивъ свои занятія въ банкѣ, мистеръ Лоренцъ поѣхалъ въ училище за Джимомъ, но тамъ онъ къ своему огорченію узналъ, что мальчикъ въ этотъ день не приходилъ въ школу. Мистриссъ Дове онъ засталъ дома въ большомъ безпокойствѣ и узналъ отъ нея, что Джимъ рано утромъ вышелъ изъ дому и съ тѣхъ поръ не возвращался.

— Я думала, что онъ ушелъ къ вамъ, — сказала она:—вѣдь вы были всегда такъ добры къ нему.

— Развѣ онъ говорилъ съ вами объ этомъ, мистриссъ Дове?

— Да, онъ часто говорилъ, что вы очень добры къ нему, и что онъ когда-нибудь надѣется доказать вамъ свою благодарность.

Послѣднія слова доброй женщины окончательно смутили мистера Лоренца. „И съ такимъ мальчикомъ мы поступили какъ съ воромъ“, подумалъ онъ съ горькимъ упрекомъ, приказывая кучеру ѣхать домой. „Но. можетъ быть, моя тетушка не вытерпѣла,—вдругъ пришло ему въ голову,—и сама утромъ поѣхала за нимъ въ школу, но не заставъ его тамъ, потомъ встрѣтила на улицѣ и отвезла домой?! Вѣдь это съ нея станетъ“.

Съ этой мыслью онъ быстро вбѣжалъ по лѣстницѣ въ надеждѣ застать Джима у тетки.

— Что жъ ты не привезъ его, Чарльсъ?—спросила лэди Лоренцъ, удивившись, что племянникъ пріѣхалъ одинъ.

— Такъ вы не уѣзжали за нимъ въ школу?—спросилъ разочаровавшись мистеръ Лоренцъ.

— Нѣтъ. Вѣдь ты обѣщалъ самъ привезти его.

— Я нигдѣ не могъ найти его, тетя.

— Развѣ онъ исчезъ?

— Да.

— Гдѣ Джимъ, Чарли? — вскричалъ Реджинальдъ, вбѣгая въ комнату.

— Пропалъ; я его вездѣ искалъ и не могъ найти.

— Я помогу тебѣ отыскать его, Чарли,—сказалъ мальчикъ:—можетъ быть, ему надоѣло ходить въ школу, и онъ снова принялся чистить сапоги.

— Это меня нисколько не удивило бы,—отвѣтилъ мистеръ Лоренцъ.

ГЛАВА XXXI.

Открытіе Реджинальда.

Мистеръ Лоренцъ рѣшилъ употребить всѣ усилія, чтобы отыскать мальчика, и потому сначала отправился къ полисмену Мурфи; но тотъ наотрѣзъ отказался помочь ему въ его розыскахъ, хотя, повидимому, зналъ, гдѣ находится маленькій бѣглецъ. Отъ него мистеръ Лоренцъ отправился въ сберегательную кассу, гдѣ, какъ онъ зналъ, находились сбереженія Джима; но тамъ онъ узналъ, что мальчикъ приходилъ наканунѣ и взялъ всѣ свои деньги.

Изъ этого онъ убѣдился, что Джимъ не захотѣлъ болѣе пользоваться щедростью своихъ благодѣтелей и скрылся, конечно, не оставивъ по себѣ никакихъ слѣдовъ.

Не теряя надежды, мистеръ Лоренцъ напечаталъ объявленія во всѣхъ газетахъ и наконецъ послалъ мальчику черезъ полисмена Мурфи ласковое письмо съ

чекомъ на значительную сумму. На третій день чекъ былъ присланъ обратно по почтѣ; адресъ на конвертѣ былъ написанъ красивымъ дѣловымъ почеркомъ, совсѣмъ несхожимъ съ рукою Джима, и помѣченъ обыкновеннымъ почтовымъ штемпелемъ, не указывавшимъ, изъ какой части города присланъ конвертъ. Предположивъ, что мальчикъ вернулся къ своему прежнему занятію, мистеръ Лоренцъ сталъ часто навѣщать ту часть города, гдѣ прежде работалъ Джимъ, и наводить о немъ справки у чистильщиковъ сапогъ, но никто не могъ сказать ему, куда онъ дѣвался.

Убѣдившись въ безуспѣшности поисковъ, лэди Лоренцъ стала мало-по-малу увѣрять себя, что неблагодарный мальчикъ недостоинъ ея попеченій; къ тому же она была слишкомъ поглощена заботами о счастьи сына, чтобы тревожиться о судьбѣ мальчика, который, какъ ей казалось теперь, даже не могъ быть сыномъ ея школьной подруги.

— Элеонора была прелестная дѣвушка, Чарльсъ,— замѣтила она однажды племяннику,—а мальчикъ совсѣмъ не похожъ на нее. Должно быть, онъ весь въ отца, если только онъ ея сынъ.

— Что жъ изъ этого, тетя? Характеръ мальчика заслуживаетъ полной похвалы. А развѣ вы знали его отца?

— О, нѣтъ! Я только такъ сказала; но мнѣ кажется, что у мальчика нехорошій нравъ, иначе онъ не скрылся бы отъ насъ. Впрочемъ, этого можно было ожидать отъ него.

— Но вѣдь Реджинальдъ тоже убѣжалъ изъ дому, и вы не порицаете его за это.

— Реджинальдъ ребенокъ, и ты, Чарльсъ, кругомъ виноватъ, что онъ тогда убѣжалъ!—воскликнула лэди Лоренцъ, вспыхнувъ отъ негодованія.—Пожалуйста, не дѣлай никогда такихъ сравненій!

— Да вѣдь вы не знаете, тетя, что заставило Джима скрыться? Онъ видѣлъ полисмена раньше меня, а тотъ, въ свое оправданіе, разсказалъ ему, что его заподозрили въ воровствѣ и потому вскрыли его ящикъ.

— О, Чарльсъ! Неужели полисменъ сказалъ ему это? Но зачѣмъ же мальчикъ скрывается такъ упорно?

— Мнѣ кажется, что онъ слишкомъ честенъ и благороденъ, чтобы пользоваться благодѣяніемъ людей, обвинившихъ его въ такомъ гнусномъ порокѣ, и потому онъ просто отклонилъ честь дальнѣйшаго знакомства съ нами. Этотъ поступокъ его внушаетъ мнѣ еще больше уваженія къ нему.

— О, Боже! А я хотѣла сдержать данное ему обѣщаніе и теперь не могу этого сдѣлать!...

— Мы поступили, тетя, слишкомъ неосторожно, что...

Въ это мгновеніе громкій крикъ лэди Лоренцъ заставилъ ея племянника быстро обернуться: на порогѣ стоялъ Реджинальдъ весь въ слезахъ и съ блѣднымъ, искаженнымъ отъ гнѣва лицомъ.

Лэди Лоренцъ бросилась къ нему съ распростертыми объятіями, но мальчикъ кулачками пытался оттолкнуть ее отъ себя.

— Почему вы назвали Джима воромъ? — спросилъ онъ, дрожа отъ негодованія.

— О, мой дорогой Реджинальдъ! Я чувствовала, что ты когда-нибудь узнаешь объ этомъ несчастномъ дѣлѣ!— воскликнула въ смущеніи лэди Лоренцъ и начала безсвязно разсказывать мальчику о пропажѣ бриллiантовъ.

— Постойте, тетя, вы не то говорите,—остановилъ ее Чарльсъ Лоренцъ.—Позвольте мнѣ объяснить это дѣло Реджинальду.

— Да, дорогой мой, Чарли тебѣ все разскажетъ!— сказала лэди Лоренцъ, уходя изъ комнаты, довольная, что можетъ избавиться отъ непріятнаго объясненія.

— Джимъ Треси замѣчательно добрый и честный мальчикъ...—началъ мистеръ Лоренцъ.

— Я это безъ тебя знаю, Чарли,—нетерпѣливо прервалъ его Реджинальдъ;—ты скажи мнѣ, за что мама и мадемуазель назвали его воромъ?

— Всѣ мы очень грубо ошиблись, Реджинальдъ,— отвѣтилъ успокоительно мистеръ Лоренцъ.—Мы только заподозрили его; на дѣлѣ же оказалось, что Джимъ не только честный, но даже очень добрый и благородный мальчикъ.

— Но вѣдь мои часы нашлись и мамины бриллiанты тоже? Только я и мадемуазель были виноваты что они затерялись.

— Но твоя мама этого не знала, а мадемуазель забыла, что положила ихъ въ другое мѣсто, и потому мы, совсѣмъ не желая обидѣть Джима, заглянули въ его ящикъ.

— А онъ обидѣлся и убѣжалъ?

— Да, должно быть, обидѣлся.

— Это очень гадко открывать чужой ящикъ. Я люблю Джима за то, что онъ убѣжалъ. А какъ ты думаешь, Чарли, мы скоро найдемъ его?

— Я всѣ камни переверну, чтобы отыскать его, Реджинальдъ.

— А я помогу тебѣ, Чарли.

— Хорошо, Реджинальдъ; мы будемъ вмѣстѣ искать его.

— Знаешь ли, Чарльсъ, — сказала съ живостью

лэди Лоренцъ, входя изъ сосѣдней комнаты, гдѣ она слышала весь разговоръ: — упомянувъ о камняхъ, ты навелъ меня на хорошую мысль: я поставлю на могилку маленькаго Джеми памятникъ и этимъ хоть немного заглажу свою вину передъ Джимомъ.

— Ахъ, мама, это будетъ чудесно!—воскликнулъ въ восторгѣ Реджинальдъ.—Но только вели сдѣлать на памятникѣ такого же спящаго мальчика, какъ въ нашей картинной галлереѣ; я видѣлъ, какъ Джимъ поцѣловалъ его, когда проходилъ мимо.

— Отлично, дорогой мой, это будетъ очень кстати и навѣрное понравится Джиму.

ГЛАВА XXXII.

Мраморный мальчикъ.

Въ короткое время Реджинальдъ сильно измѣнился къ лучшему; благодаря хорошему влiянiю новаго учителя и здравымъ совѣтамъ Чарльса Лоренца, мальчикъ мало-по-малу превратился въ послушнаго, внимательнаго и прилежнаго ребенка.

Не проходило дня, чтобы онъ по нѣсколько разъ не вспоминалъ о своемъ другѣ Джимѣ и, разговаривая о немъ съ своимъ кузеномъ, не задавалъ ему одинъ и тотъ же вопросъ: „а много ли ты сегодня перевернулъ камней, Чарли?“

Но несмотря на всѣ старанiя, мистеру Лоренцу не удавалось напасть на слѣдъ Джима.

— Не уѣхалъ ли онъ въ Европу, Чарли? — спросилъ Реджинальдъ кузена, когда тотъ однажды вечеромъ опять вернулся съ своей безуспѣшной прогулки.

— О, нѣтъ, Реджинальдъ, нашъ городъ великъ, и въ немъ легко скрываться.

Не теряя надежды отыскать бѣглеца, двоюродные братья поѣхали однажды на пригородное кладбище, гдѣ покоился прахъ маленькаго Джеми. Приближаясь къ кладбищу, они не замѣтили, какъ передъ ними мелькнула за поворотомъ фигура мальчика, въ которомъ легко можно было узнать Джима. Войдя на кладбище, они подошли къ прекрасному памятнику, который только за нѣсколько дней передъ тѣмъ былъ поставленъ на могилкѣ Джеми.

— Какъ красивъ этотъ мраморный мальчикъ посреди зелени!—замѣтилъ Реджинальдъ.—Смотри, Чарли, тутъ даже вырѣзано имя Джеми. Ахъ, какъ доволенъ будетъ Джимъ, когда увидитъ это!.. Это что?... Смотри, Чарли, тутъ лежатъ розы, и совсѣмъ свѣжія!..

— Должно быть, Джимъ только-что былъ здѣсь. Пойдемъ скорѣе назадъ, Реджинальдъ: можетъ быть, мы его догонимъ!

Но хотя они и быстро поѣхали назадъ, имъ не удалось нагнать Джима.

— Можетъ быть, твоя мама была сегодня на кладбищѣ, Реджинальдъ, — замѣтилъ мистеръ Лоренцъ, — чтобы осмотрѣть работу скульптора, и положила сюда эти цвѣты.

Дома они узнали, что лэди Лоренцъ дѣйствительно была на кладбищѣ, но цвѣтовъ туда не привозила.

— Я совсѣмъ забыла о цвѣтахъ,—сказала она,—хотя у насъ полная оранжерея всякихъ растеній.

— Значитъ, Джимъ вспомнилъ объ этомъ,—замѣтилъ мистеръ Лоренцъ:—можетъ быть, мы найдемъ лавку,

гдѣ онъ купилъ цвѣты; вотъ и еще одинъ камень, который намъ слѣдуетъ перевернуть, Реджинальдъ.

На другое утро Чарльсъ Лоренцъ получилъ слѣдующее письмо:

«Мистеру Лоренцу.

Милостивый Государь! Я былъ на могилкѣ Джеми и увидѣлъ тамъ каменнаго спящаго мальчика, котораго раньше видѣлъ въ вашемъ домѣ. Вѣроятно, его велѣлъ поставить туда мистеръ Реджинальдъ. Я очень благодаренъ ему за это... Я говорилъ мистеру Реджинальду, что если онъ будетъ любить Джеми, я буду любить его. Я сдержу слово и думаю, что онъ тоже не измѣнитъ своему. Джимъ».

— О, Чарли, Чарли! Какой это для насъ громадный камень!—вскричалъ Реджинальдъ, прочитавъ поданное ему кузеномъ письмо. — Теперь мы навѣрное найдемъ Джима!

— Это письмо мало поможетъ намъ: почтовый штемпель не указываетъ, изъ какой части города прислано письмо.

— Это очень жалко! — грустно замѣтилъ Реджинальдъ.

— Но ты напиши ему тоже письмо и пошли черезъ полисмена Мурфи.

— Я такъ и сдѣлаю; но ты помоги мнѣ, Чарли, я не могу такъ складно писать, какъ Джимъ.

Письмо Реджинальда, исправленное его кузеномъ, было слѣдующаго содержанія:

Дорогой Джимъ.

Я очень жалѣю, что ты ушелъ. Кузенъ Чарли и я ищемъ тебя вездѣ, и онъ говоритъ, что мы перевернемъ всѣ камни, пока не найдемъ тебя. По-моему, ты самый лучшій изъ всѣхъ мальчиковъ! Правда, я знаю только одного Вилли Саундерса, но онъ богатый и не всегда добрый, а я все время стараюсь быть добрымъ, хоть это иногда очень трудно. Я былъ на кладбищѣ, видѣлъ твои розы на могилкѣ Джеми, и очень жалѣю, что мы не застали тебя тамъ. Я тоже буду приносить туда розы. Я все время люблю Джеми и надѣюсь, что ты тоже любишь меня. Я очень люблю тебя.

Твой другъ Реджинальдъ.

P. S. Мама поставила на могилку Джеми мраморнаго мальчика и думала, что это тебѣ понравится.

Реджинальдъ пишетъ Джиму письмо.

ГЛАВА XXXIII.

Новая забота лэди Лоренцъ.

Лэди Лоренцъ все время бдительно слѣдила за здоровьемъ и счастіемъ своего сына; но скоро ей стало казаться, что мальчикъ становится блѣднымъ и видимо чахнетъ подъ строгою дисциплиной ея племянника и профессора Броуна.

— Я боюсь за Реджинальда, — замѣтила она однажды своему племяннику: — онъ такъ измѣнился за послѣднее время.

— Но вѣдь онъ перемѣнился къ лучшему, тетя!

— Ну, это еще вопросъ; онъ вдругъ сталъ такой послушный и вѣжливый со всѣми, ѣстъ все, что ему подаютъ, не капризничаетъ и не требуетъ ничего. Это на него совсѣмъ непохоже.

— Зачѣмъ же ему капризничать, тетя? Вѣдь вы подаете ему самыя вкусныя блюда и окружаете его всевозможнымъ комфортомъ.

— Но ты помнишь, Чарльсъ, какой онъ былъ всегда разборчивый?—продолжала горевать лэди Лоренцъ.—Я увѣрена, что ему нужна полная перемѣна жизни.

— Такъ отправьте его въ Китай,—смѣясь замѣтилъ мистеръ Лоренцъ.—Ужъ полнѣе этой перемѣны нечего и желать!

— Я не хочу уѣзжать такъ далеко отъ доктора Кемпера,—отвѣтила лэди Лоренцъ.—Впрочемъ, я спрошу Реджинальда, куда онъ хочетъ ѣхать.

— А если онъ захочетъ ѣхать на луну, что вы тогда сдѣлаете, тетя?—спросилъ смѣясь мистеръ Лоренцъ.

— Нѣтъ, этого онъ не захочетъ; за послѣднее время онъ сталъ гораздо разсудительнѣе.

На слѣдующее утро во время завтрака лэди Лоренцъ спросила сына, не хочетъ ли онъ развлечься чѣмъ-нибудь.

— Да, мама, отпусти меня, пожалуйста, на весь день къ Лизѣ Довe,—отвѣтилъ Реджинальдъ:—когда я былъ у нихъ, онѣ сказали мнѣ, что всегда рады меня видѣть у себя.

— Это очень благоразумная просьба, тетя,—замѣтилъ мистеръ Лоренцъ.—А не хочешь ли ты ѣхать на луну, Реджинальдъ?

— Развѣ другіе мальчики ѣздятъ на луну, Чарли?—спросилъ Реджинальдъ, вытаращивъ на кузена глаза отъ удивленія.

— Нѣтъ, но когда имъ надоѣдаетъ все, у нихъ иногда являются такія невозможныя желанія.

— Это похоже на Александра Великаго, о которомъ мнѣ разсказывалъ профессоръ Броунъ: завоевавъ весь свѣтъ, онъ заплакалъ оттого, что ему нечего было больше покорять.

— Но онъ вѣрно забылъ, что ему оставалось еще покорить самого себя, не такъ ли, Реджинальдъ?

— Да. Я не заплакалъ бы на его мѣстѣ,—сказалъ Реджинальдъ:—такъ дѣлаютъ только маленькія дѣти.

— Значитъ, въ этомъ ты перегналъ даже Александра Великаго, и я надѣюсь, что ты совсѣмъ больше не занимаешься такими глупостями?

— Нѣтъ, вѣдь слезы ни къ чему не ведутъ, и Джимъ Треси тоже не плачетъ; кромѣ того, я теперь занимаюсь и совсѣмъ счастливъ,—мнѣ и въ голову не приходитъ плакать.

— Такъ ты дѣйствительно счастливъ, мой дорогой?— спросила обрадовавшись лэди Лоренцъ.

— Да, мама, я совсѣмъ счастливъ, когда не думаю о себѣ и стараюсь дѣлать другихъ счастливыми.

— Значитъ, рецептъ доктора очень хорошъ, Реджинальдъ?—спросилъ его кузенъ.

— О, я совсѣмъ забылъ о рецептѣ, и самъ не замѣчалъ, какъ дѣлалъ все по рецепту. Мнѣ кажется, что его рецепты очень хороши, когда онъ только не прописываетъ лѣкарства, не такъ ли, Чарли?

— Чарльсъ, я боюсь отпустить Реджинальда къ мистриссъ Дове: онъ можетъ тамъ упасть съ крыши,— замѣтила съ безпокойствомъ лэди Лоренцъ.

— О, нѣтъ, мама!—вскричалъ съ живостью мальчикъ:—тамъ вокругъ всей крыши есть перила, и я не подойду къ краю. Ты не повѣришь мама, какъ тамъ хорошо, и мистриссъ Дове вчера разсказала мнѣ, что у Лизы есть новая голубятня съ хорошенькими голубями.

— Я тебя провожу туда,—сказалъ мистеръ Лоренцъ, потрепавъ по щекѣ своего маленькаго кузена,—и взберусь съ тобою на самую крышу.

— О, какъ я радъ,—вскричалъ Реджинальдъ, хлопая въ ладоши.—Это даже лучше, чѣмъ убѣгать изъ дому.

ГЛАВА XXXIV.

Въ гостяхъ на крышѣ.

Ну, какъ поживаютъ твои голуби, Лиза?—спросилъ Реджинальдъ, глядя на стаю голубей, кружившихся въ воздухѣ на утреннемъ солнцѣ.—Ахъ, Лиза, какъ у васъ здѣсь хорошо! Какъ пріятно дуетъ этотъ прохладный вѣтерокъ, и какъ весело летаютъ твои голуби! А посмотри-ка, какъ близка отъ насъ эти бѣлыя облака! Мы точно на небѣ съ тобою, не такъ ли, Лиза?

— Земля тоже очень красива. А знаете ли, мистеръ Реджинальдъ, у меня одинъ голубокъ-птенчикъ сломалъ себѣ крылышко, когда вылеталъ изъ гнѣзда.

— Послала ли ты сейчасъ за докторомъ, Лиза, и дала ли ты ему лѣкарства?—спросилъ съ участіемъ Реджинальдъ, зная по опыту послѣдствія подобныхъ случаевъ.

— Нѣтъ,—улыбнулась дѣвочка:—голубямъ не даютъ

„Ну, какъ, поживаютъ твои голуби?“ спросилъ Реджинальдъ.

лѣкарства. Дядя перевязалъ ему крылышко, обернулъ его мокрой тряпочкой, и голубокъ успокоился.

— Значитъ, лѣкарства придуманы только для людей? Отчего мы не можемъ обойтись безъ нихъ, какъ птицы? Знаешь, Лиза, я не люблю докторовъ.

— Вы несправедливы, мистеръ Реджинальдъ. Что сталось бы съ бѣдными дѣтьми въ больницѣ, если бы не было доктора Кемпера и его лѣкарствъ?

— Я не люблю лѣкарствъ, хотя они, можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ помогаютъ дѣтямъ,—отвѣтилъ Реджинальдъ, залюбовавшись маленькимъ голубкомъ, сидѣвшимъ въ голубятнѣ.

— Да, лѣкарства очень помогаютъ больнымъ... Ахъ, какъ я была бы рада, если бы больныя дѣти имѣли столько же воздуха, какъ мои голуби.

— Но вѣдь ихъ неудобно привести сюда на крышу, Лиза.

— Нѣтъ, не сюда; но если бы у насъ было больше денегъ, мы поѣхали бы съ ними за городъ.

— Я тебѣ дамъ сколько хочешь денегъ, Лиза; а Робби тоже поѣдетъ?

Дѣвочка промолчала, вспомнивъ, что лэди Лорещъ просила ее не говорить сыну о смерти мальчика.

— Робби не нуждается въ такой прогулкѣ,—отвѣтила дѣвочка;—но въ больницѣ много другихъ дѣтей, которымъ очень нужно подышать свѣжимъ воздухомъ. Когда ихъ прошлое лѣто отвезли за городъ на зеленый лугъ, они отъ радости были какъ сумасшедшія.

— Неужели!—воскликнулъ Реджинальдъ, заинтере-

совавшись словами дѣвочки: — я столько разъ бывалъ на зеленыхъ лугахъ и никогда не дѣлался отъ этого сумасшедшимъ; впрочемъ, докторъ Кемперъ тоже говоритъ, что больнымъ дѣтямъ очень здорово дышать свѣжимъ воздухомъ.

— Да, это правда; вѣдь они круглый годъ сидятъ взаперти, и имъ рѣдко удается видѣть голубое небо и зеленые луга.

Лиза расположилась на крышѣ въ уютномъ уголкѣ съ своей рабочей корзиночкой, наполненной разноцвѣтными лоскутками, и стала одѣвать маленькую безногую куклу въ длинное платье, чтобы скрыть ея увѣчье.

— Знаете ли, мистеръ Реджинальдъ,—обратилась она къ мальчику:—всѣ убогія дѣти хотятъ, чтобы куклы ихъ были съ цѣлыми руками и ногами; оттого-то я и одѣваю ихъ въ длинныя накрахмаленныя платья, чтобы онѣ могли стоять. Недавно одна маленькая дѣвочка очень жалѣла, что у куколъ нѣтъ докторовъ; а я знаю, что у нихъ тоже есть доктора, но они берутъ много денегъ за лѣченіе.

— Мнѣ кажется, что на всякое дѣло нужно много денегъ, Лиза; я прежде никогда не думалъ объ этомъ.

— Да, безъ денегъ ничего не достанешь, — отвѣтила дѣвочка.—И было бы даже несправедливо получать все даромъ.

— Нѣтъ, надо было бы сдѣлать такъ, чтобы бѣдные люди получали все даромъ, а богатые платили за все деньги,—возразилъ Реджинальдъ.

— Это было бы тоже нехорошо,—замѣтила дѣвочка:—

надо помогать только больнымъ и такимъ бѣднякамъ, которые не могутъ помочь себѣ сами. Ахъ, какъ мнѣ хотѣлось бы имѣть много денегъ, чтобы помогать имъ!

— Скажи, не возьмешь ли ты меня въ помощники въ этомъ дѣлѣ?

— Да, съ большимъ удовольствіемъ, если только ваша мама согласится на это.

— О, моя мама согласится на все, что я хочу, лишь бы только это не было что-нибудь дурное.

— Тогда было бы чудесно достать лодку и на весь день поѣхать съ дѣтьми вверхъ по рѣкѣ.

— Я попрошу маму завтра же купить лодку,—ска-

залъ Реджинальдъ;—а когда пріѣду домой, пошлю за докторомъ Кемперомъ и скажу ему объ этомъ.

— Этимъ вы его очень обрадуете; я на дняхъ слышала, какъ онъ говорилъ старшей сидѣлкѣ, что нынче нѣтъ денегъ для прогулки. Вотъ будетъ радость, когда дѣти узнаютъ, что поѣдутъ гулять!

— А мнѣ можно будетъ ѣхать съ вами?—спросилъ нерѣшительно Реджинальдъ, опасаясь, что его не возьмутъ съ собою.—Я еще никогда не былъ на такой прогулкѣ.

— Разумѣется, вы поѣдете съ нами! Вѣдь вы же устраиваете эту прогулку! Мама, мама!—вскричала въ восторгѣ дѣвочка, вбѣгая въ мансарду, откуда передъ тѣмъ зазвенѣлъ колокольчикъ, призывавшій дѣтей къ завтраку:—мистеръ Реджинальдъ обѣщалъ внести деньги въ кассу прогулокъ для бѣдныхъ дѣтей!

— Пожалуйста, Лиза, не называй меня никогда мистеромъ; зови меня просто Реджинальдомъ, какъ другихъ мальчиковъ.

— Хорошо, мы будемъ звать васъ Реджинальдомъ, но только здѣсь, на крышѣ, — замѣтила съ улыбкой мистриссъ Дове.

— О, смотрите, Реджинальдъ,—воскликнула весело дѣвочка,—гдѣ мама накрыла столъ! Подъ самыми виноградниками! Ахъ, какъ это весело! Намъ дадутъ къ завтраку шепталу, сливки и свѣжія пирожныя изъ булочной мистриссъ Блумъ. Надо привести сюда въ гости черноглазую Нелли,—она ведетъ себя за столомъ хорошо.

И дѣвочка вбѣжала въ мансарду и вернулась оттуда съ большой французской куклой, которой очень гордилась. Посадивъ ее на высокій стулъ, Лиза подвязала ей салфетку, чтобы она не запачкала свое парижское платье, и поставила передъ ней блюдечко съ шепталой и со сливками.

— Мадемуазель Кларетъ очень добрая, — замѣтила она мальчику:—она подарила мнѣ свою собственную куклу, съ которой играла, когда была маленькая. Смотрите, Реджинальдъ, даже платье у ней не совсѣмъ старомодное!

XXXV.

Ноевъ ковчегъ.

Реджинальдъ провелъ весь день оч[illegible] весело въ обществѣ Лизы и мистриссъ Дове. Часовъ въ шесть за нимъ заѣхалъ его кузенъ.

— Гдѣ живетъ та добрая булочница, которая накормила тебя въ день твоего бѣгства?—спросилъ онъ мальчика, садясь съ нимъ въ карету.

— Мистриссъ Блумъ?—вскричалъ мальчикъ.—Вотъ тутъ, за угломъ! Поѣдемъ къ ней, Чарли, я хочу поблагодарить ее за печенья, которыя она мнѣ тогда подарила.

Войдя въ булочную, мистеръ Лоренцъ сталъ выбирать разныя пирожныя, между тѣмъ какъ Реджинальдъ болталъ съ булочницей о предполагаемой прогулкѣ больныхъ дѣтей за городъ.

— Лиза Дове и я повеземъ ихъ въ лодкѣ за городъ на зеленый лугъ, - - говорилъ онъ: — знаете, это очень здорово для дѣтей.

— А я пошлю имъ корзинку печенья,—сказала съ улыбкой добрая женщина.

— Позвольте мнѣ поблагодарить васъ, мистриссъ Блумъ,—обратился къ ней мистеръ Лоренцъ,—за то, что вы тогда накормили моего голоднаго кузена!

— Не за что, мистеръ Лоренцъ, я люблю хорошихъ мальчиковъ.

— Но я былъ тогда нехорошій, мистриссъ Блумъ: я убѣжалъ изъ дому, и мадемуазель потеряла мамины бриллiанты, а потомъ забыла, куда ихъ положила и подумала, что...

— Реджинальдъ!—остановилъ его мистеръ Лоренцъ.

— Ахъ, я совсѣмъ забылъ, мистриссъ Блумъ; но онъ былъ не...

Мальчикъ не успѣлъ договорить, какъ уже кузенъ вывелъ его изъ булочной, не давъ ему времени опозорить своего друга.

— Что ты тамъ разсказывалъ мистриссъ Блумъ о лодкѣ, зеленомъ лугѣ и больныхъ дѣтяхъ, Реджинальдъ?—спросилъ онъ, когда они снова сѣли въ карету.

— О знаешь, Чарли, Лиза придумала чудесную прогулку! Я все разскажу тебѣ дома, при мамѣ. Но что ты будешь дѣлать съ этими печеньями? Вѣдь ты знаешь, что мама покупаетъ ихъ только у Армана.

— Я купилъ эти пирожки и печенья для голодныхъ мальчиковъ и дѣвочекъ, Реджинальдъ: они не такъ разборчивы, какъ мы.

Мистеръ Лоренцъ приказалъ кучеру остановиться у большого дома, передъ которымъ играла толпа дѣтей. При видѣ подъѣхавшей кареты, они бросили свои игры и съ любопытствомъ обступили пріѣхавшихъ господъ.

— Это тебѣ Сами,—сказалъ мистеръ Лоренцъ, подавая большой мѣшокъ свѣжихъ булокъ и пирожныхъ блѣдному черноглазому мальчику, стоявшему на костыляхъ поодаль отъ другихъ.

Дѣти съ жадностью обступили маленькаго калѣку.

— Я это снесу тебѣ наверхъ, Сами,—предложилъ свои услуги маленькій исхудалый мальчикъ.—Ахъ, какъ чудесно пахнетъ!—вскричалъ онъ, обнюхивая мѣшокъ.—Дай мнѣ хоть маленькій кусочекъ!

Реджинальдъ не спускалъ глазъ съ этой непривычной для него сцены.

— Развѣ они тоже убѣжали изъ дому и проголодались, Чарли?—спросилъ онъ кузена шепотомъ.

— Нѣтъ, имъ не надо бѣгать изъ дому; они тамъ тоже голодаютъ.

— Пожалуйста, Чарли, будемъ привозить имъ каждый день булки и пирожныя. Нельзя ли ихъ тоже взять съ собою въ лодку? Навѣрное они будутъ рады поиграть на зеленомъ лугу.

— Чтобы взять съ собою всѣхъ голодныхъ мальчиковъ и дѣвочекъ Нью-Іорка, придется построить настоящій Ноевъ ковчегъ, Реджинальдъ.

— Неужели ихъ такъ много, Чарли?—удивился Реджинальдъ.

— Да, мой милый, полный городъ.

Реджинальдъ тяжело вздохнулъ.

— Развѣ надо много денегъ, чтобы построить Ноевъ ковчегъ, Чарли?

— Да, Реджинальдъ; я когда-нибудь покажу тебѣ большой ковчегъ, построенный нашимъ городомъ для этихъ бѣдныхъ дѣтей.

— Очень интересно посмотрѣть на такой ковчегъ, и я думаю, что дѣтямъ тамъ очень хорошо, не такъ ли?

— А вотъ мы и дома, Реджинальдъ. Пойдемъ переодѣнемся скорѣй къ обѣду, а потомъ разскажемъ мамѣ о нашихъ сегодняшнихъ приключеніяхъ.

— Развѣ могутъ быть приключенія, если не убѣжишь изъ дому, Чарли?

— Конечно, и иногда даже очень интересныя!

— Ну, такъ я очень радъ, что мнѣ не надо будетъ больше убѣгать изъ дому, — замѣтилъ съ важностью мальчикъ.

Выслушавъ предложеніе Реджинальда о загородной прогулкѣ больныхъ дѣтей, лэди Лоренцъ съ удовольствіемъ изъявила свое согласіе и обѣщала и впредь устраивать такія прогулки, но только по предложенію доктора Кемпера.

— Какъ ты думаешь, Чарли, если бы Александръ Великій устраивалъ прогулки для больныхъ дѣтей, сталъ ли бы онъ тогда плакать о томъ, что ему нечего дѣлать?

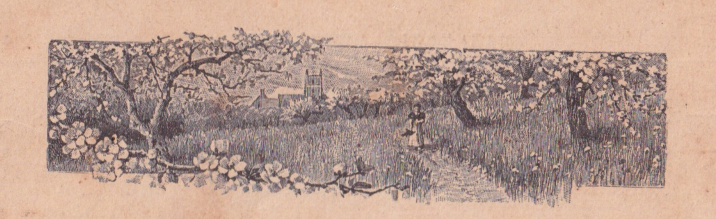
— Не знаю, Реджинальдъ; но онъ любилъ дѣлать только то, что ему нравилось.

— А похожъ ли я на Александра Великаго?—спросилъ мальчикъ серьезно.

Мистеръ Лоренцъ нагнулся и съ улыбкой взглянулъ на своего маленькаго кузена.

— Нѣтъ, Реджинальдъ, ты совсѣмъ не похожъ на него.

— И я очень радъ этому,—отвѣтилъ мальчикъ;—я ни за что на свѣтѣ не хотѣлъ бы походить на него.

ГЛАВА XXXVI.

Приглашеніе.

Руководителями загородной прогулки были избраны на общемъ совѣтѣ докторъ Кемперъ и Чарльсъ Лоренцъ.

— Докторъ, я хочу имѣть очень большую лодку,— заявилъ Реджинальдъ дѣловымъ тономъ хозяина доктору Кемперу:—надо взять съ собою тоже и тѣхъ мальчиковъ, которые голодаютъ дома, какъ говоритъ Чарли.

— Ихъ нельзя сводить вмѣстѣ, другъ мой,—отвѣтилъ докторъ;—мои нѣжныя дѣти изъ больницы совсѣмъ не подходятъ къ этимъ мальчикамъ.

— Отчего же? Развѣ эти мальчики не умѣютъ вести себя прилично въ обществѣ?—удивился Реджинальдъ.— Я не зналъ, что бѣдные мальчики тоже бываютъ избалованы.

— Мальчики вездѣ одинаковы,—отвѣтилъ докторъ Кемперъ:—среди бѣдныхъ и богатыхъ одинаково встрѣчаются добрые и злые мальчики.

— Развѣ злые мальчики не сдѣлаются лучше, если поѣдутъ вмѣстѣ съ добрыми?—спросилъ Реджинальдъ, разочарованный замѣчаніемъ доктора.

— Знаешь что, Реджинальдъ, не пригласить ли намъ на эту прогулку и чистильщиковъ сапогъ?—предложилъ мистеръ Лоренцъ, тронутый унылымъ видомъ своего маленькаго кузена.—Тогда, можетъ быть, и Джимъ поѣдетъ съ нами.

— О, Чарли! ты думаешь, что Джимъ тоже поѣдетъ, если мы пригласимъ его! Напишемъ ему сейчасъ же письмо!—вскричалъ Реджинальдъ, убѣгая за перомъ и чернилами.

— Реджинальдъ!—остановилъ его кузенъ:—ты долженъ сдерживать свое нетерпѣніе и научиться прекрасному искусству: „ждать“. Сначала надо сговориться, какъ и когда устроить прогулку, чтобы наши маленькіе гости провели время весело и пріятно, а затѣмъ уже можно будетъ пригласить Джима; онъ навѣрное не откажется помочь намъ въ этомъ дѣлѣ, потому что самъ не мало интересуется дѣтьми этой больницы.

— Нельзя ли намъ ѣхать завтра? О, Чарли, скажи, что мы поѣдемъ завтра!

— Нѣтъ, Реджинальдъ, къ завтрому не успѣть приготовиться; мы поѣдемъ послѣзавтра. Да и Джимъ не успѣетъ завтра получить наше приглашеніе.

— Я совсѣмъ не подумалъ объ этомъ, Чарли! Но я сейчасъ напишу письмо, пока ты разговариваешь съ докторомъ Кемперомъ.

Реджинальдъ побѣжалъ въ библіотеку и сѣлъ пи-

сать письмо своему другу; высунувъ кончикъ языка и усердно работая имъ, онъ ежеминутно перекидывалъ одну ногу на другую, пока наконецъ, послѣ усидчивой часовой работы, не написалъ слѣдующее письмо:

«Дорогой Джимъ. Я очень сожалѣю, что не знаю, гдѣ ты теперь. Мы устраиваемъ прогулку за-городъ съ больными дѣтьми. Это придумала Лиза Дове, а мама и мистриссъ Блумъ дадутъ намъ съ собой много пирожнаго и разной ѣды; я возьму съ собою свои книжки съ картинками и много другихъ игрушекъ, и всѣ мы весело проведемъ день. Лиза говоритъ, что дѣтямъ очень здорово гулять по зеленымъ лугамъ, потому что они долго сидятъ взаперти въ больницѣ. Пожалуйста, приходи непремѣнно. Я съ каждымъ днемъ дѣлаюсь лучше; должно быть, это оттого, что я стараюсь быть добрымъ, и, можетъ быть, ты меня теперь больше полюбишь. Чарли сказалъ, что мы поѣдемъ послѣзавтра въ 10 часовъ отъ перевоза Двадцат третьей улицы. О, Джимъ, неужели ты не поѣдешь съ нами?

Твой другъ Реджинальдъ.

P. S. Жаль, что съ нами не будетъ Джеми".

Отправивъ черезъ полисмена Мурфи свое письмо, Реджинальдъ съ увлеченіемъ занялся приготовленіями къ прогулкѣ.

Въ мезонинѣ онъ выбралъ вмѣстѣ съ Лизой цѣлую корзину книгъ, игрушекъ и разныхъ игръ, употребляемыхъ на открытомъ воздухѣ, а лэди Лоренцъ приказала собрать массу ковровъ, подушекъ, нѣсколько качель и гамаковъ. Реджинальдъ былъ въ восторгѣ.

— Мама! — вскричалъ онъ, вбѣгая къ матери совсѣмъ запыхавшись:—вели приготовить намъ тоже мо-

роженаго, конфетъ, шампанскаго, ликеровъ, цвѣтовъ, гусиной печенки и...

Реджинальдъ не могъ договорить и остановился на полусловѣ, чтобы перевести духъ.

— Реджинальдъ, попроси маму ужъ заодно дать намъ сигаръ и чернаго кофе,—замѣтилъ мистеръ Лоренцъ съ улыбкой.

— Чарли, ты, кажется, смѣешся надо мной?.. Мама, а музыка будетъ у насъ?

— У васъ будетъ все, что позволитъ докторъ Кемперъ; онъ знаетъ, что нужно дѣтямъ. А шампанское и ликеры, а также гусиная печенка совсѣмъ излишни, и докторъ тоже навѣрное не позволитъ брать съ собой такихъ вещей.

— Но вѣдь всѣ большіе пьютъ и ѣдятъ это; отчего же намъ нельзя, мама? Если это хорошо для большихъ, такъ и намъ...

— Въ томъ-то и дѣло, что это вредно даже для взрослыхъ, Реджинальдъ,—прервалъ его мистеръ Лоренцъ.

— Тогда этого не надо, мама!—воскликнулъ Реджинальдъ:—я ни за что на свѣтѣ не хотѣлъ бы повредить этимъ дѣтямъ.

— И хорошо дѣлаешь, дорогой мой,—сказалъ мистеръ Лоренцъ: — у насъ и безъ этого будетъ всего вдоволь: музыка, конфеты, сахарныя птички и всевозможныя другія лакомства.

— О, Чарли! — воскликнулъ Реджинальдъ, подбѣгая къ своему двоюродному брату и обнимая его,—

мнѣ кажется, что ни одинъ мальчикъ въ цѣломъ мірѣ не имѣетъ такого хорошаго кузена, какъ я!

Въ этотъ вечеръ Лиза вернулась домой въ состояніи полнаго блаженства.

— О, мама! У насъ будетъ все, все!..—вскричала она внѣ себя отъ счастья, снимая свою шляпку.

Войдя въ свою комнатку, она сняла съ полки свои любимыя куклы, чтобы подѣлиться съ ними этою большою радостью.

— Ахъ, вы мои дорогія,—шептала она имъ,—вы совсѣмъ не знаете, какая радость васъ ожидаетъ! Я скоро возьму васъ съ собою на чудесную прогулку и одѣну васъ въ самыя лучшія платья, но только вы

должны вести себя примѣрно. У васъ будетъ все, все, кромѣ...—и, приложивъ свои губки къ маленькому уху черноглазой Нелли, Лиза шепнула ей:—кромѣ запрещенныхъ вещей.

ГЛАВА XXXVII.

Неожиданная радость.

Настало ясное прекрасное утро. Реджинальдъ поднялся почти съ первыми лучами солнца; онъ легъ наканунѣ рано, чтобы, какъ онъ говорилъ, ночь прошла скорѣе. Щедрый мальчикъ не забылъ ничего: стереоскопъ, зрительная трубка, калейдоскопъ и всѣ другія его сокровища были тщательно упакованы и приготовлены для развлеченія маленькихъ инвалидовъ. Прилагая всѣ свои старанія, чтобы доставить всѣмъ возможно больше удовольствія, и ободряя себя надеждой, что въ числѣ маленькихъ гостей будетъ также Джимъ, онъ хлопоталъ неутомимо, торопилъ всѣхъ и не могъ успокоиться, пока не выѣхали изъ дому. Но отъ Джима не было получено никакого извѣстія, будетъ ли онъ участвовать въ прогулкѣ, и Чарльсъ Лоренцъ предупредилъ своего маленькаго кузена не слишкомъ надѣяться встрѣтить Джима среди своихъ гостей.

— Ты вѣдь знаешь, Реджинальдъ, онъ большой труженикъ и навѣрное учится въ свободное время; до сихъ поръ у него еще не было времени быть ребенкомъ.

— Но неужели онъ не напишетъ намъ, если не можетъ ѣхать съ нами?—спросилъ Реджинальдъ.

— Мнѣ кажется, что Джимъ не знаетъ такихъ тонкостей вѣжливости, но я увѣренъ, что онъ намѣренно не сдѣлаетъ ничего невѣжливаго.

Когда Реджинальдъ и его кузенъ пріѣхали на пристань, ихъ уже ожидали тамъ докторъ Кемперъ, мистриссъ Дове и Лиза. Всѣ дѣти, подъ присмотромъ нянекъ и сидѣлокъ, находились уже на пароходѣ, расположившись съ игрушками на коврахъ и подушкахъ. Съ судна раздавалась веселая музыка, привлекшая на пристань множество любопытныхъ.

— Чарли!—вскричалъ Реджинальдъ съ грустью.— Лиза говоритъ, что Джимъ не пришелъ!

— Надѣюсь, Реджинальдъ, что ты не испортишь ни себѣ, ни другимъ удовольствія тѣмъ, что будешь скучать о Джимѣ; навѣрное у него есть на то уважительная причина.

— Нѣтъ, Чарли,—забормоталъ Реджинальдъ, учащенно замигавъ глазами и глотая подступавшія слезы:— я... буду... хорошимъ и... веселымъ, но мнѣ такъ...

Мальчикъ не могъ договорить и зарыдалъ.

Чтобы развлечь его, мистеръ Лоренцъ далъ ему маленькое порученіе.

—Реджинальдъ,—сказалъ онъ:—я забылъ дома свои

газеты; сбѣгай туда на уголъ къ газетному ларю и купи мнѣ „Трибуну“ и „Герольда“.

Реджинальдъ побѣжалъ стрѣлою, и мистеръ Лоренцъ видѣлъ, какъ мальчикъ остановился передъ окошечкомъ газетчика, а затѣмъ вдругъ бросился внутрь ларя.

Прождавъ съ минуту, мистеръ Лоренцъ медленно послѣдовалъ за нимъ и скоро услышалъ голосъ Реджинальда, звавшій его. Онъ ускорилъ шаги и, заглянувъ въ ларь, увидѣлъ, что его маленькій кузенъ стоитъ на колѣняхъ, поддерживая голову упавшаго въ обморокъ газетчика, и усердно обмахиваетъ его своей шляпой.

— Это Джимъ, Чарли! — вскричалъ Реджинальдъ, увидѣвъ въ окошко своего кузена.

Джимъ медленно открылъ глаза.

— Я думалъ, что выдержу, но у меня не хватило силъ...—пробормоталъ онъ и снова впалъ въ забытье.

Вокругъ ларя собралась большая толпа народа.

— Посторонитесь, друзья, ему нужно больше воздуха,—замѣтилъ мистеръ Лоренцъ, обращаясь къ толпѣ, и, подозвавъ носильщика, онъ приказалъ ему отнести Джима на пароходъ.

Реджинальдъ бросился впередъ предупредить доктора Кемпера, а мистеръ Лоренцъ остался, чтобы передать имущество Джима на храненіе въ надежныя руки.

— Бѣдный малый надсадился работой, — замѣтилъ одинъ мастеровой съ верфи, оказавшійся другомъ Джима:—онъ учился по ночамъ и, вставая до разсвѣта, совсѣмъ уморилъ себя.

Мистеръ Лоренцъ подошелъ къ пароходу какъ разъ во-время, чтобы принять большую корзину съ печеньемъ, присланную мистриссъ Блумъ для дѣтей.

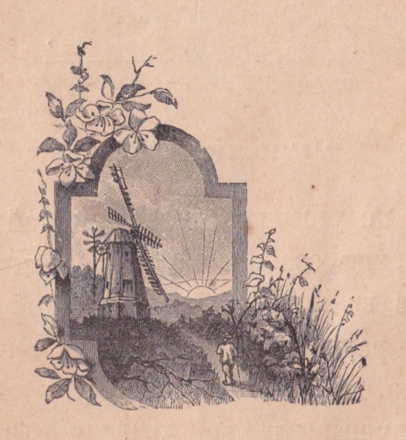
Тѣмъ временемъ докторъ Кемперъ уже успѣлъ осмотрѣть Джима, и мистеръ Лоренцъ нашелъ его лежавшимъ въ просторной каютѣ. Узнавъ отъ доктора, что Джимъ скоро поправится, Реджинальдъ просіялъ и тихо подсѣлъ къ изголовью своего друга, спавшаго спокойнымъ, подкрѣпляющимъ сномъ.

— Сонъ лучшее лѣкарство отъ нервнаго переутомленія,—замѣтилъ докторъ:—лучше всего оставить его

теперь въ покоѣ и дать ему подкрѣпиться прекраснымъ морскимъ воздухомъ.

Реджинальдъ охотно подчинился рѣшенію доктора и, оглянувшись еще разъ на спокойно спавшаго Джима, тихо замѣтилъ своему кузену.

— Знаешь ли, Чарли, мнѣ кажется, что лѣкарства доктора Кемпера тоже очень хороши, не правда ли?

ГЛАВА XXXVIII.

Чудесный день.

Чтобы не утомлять дѣтей лишней ходьбой, лэди Лоренцъ озаботилась перевезти ихъ съ парохода въ повозкахъ къ опушкѣ лѣса, гдѣ ихъ уже ожидали разныя развлеченія, качели, гамаки и удобныя кресла.

Прогулка превзошла всѣ ожиданія дѣтей. Докторъ Кемперъ, мистриссъ Дове, Лиза и Реджинальдъ заботливо слѣдили за тѣмъ, чтобы никто не скучалъ, и блѣдныя исхудалыя личики дѣтей сіяли радостью при видѣ яснаго синяго неба, залитой солнцемъ зеленой поляны и дремучаго лѣса, вершины котораго едва замѣтно колебалъ дувшій съ океана легкій вѣтерокъ. Лиза и Реджинальдъ были въ восторгѣ, что имъ удалось доставить столько радости своимъ маленькимъ немощнымъ друзьямъ.

— Я такъ счастлива, что даже не знаю, что у меня болитъ!—воскликнула одна маленькая дѣвочка.

— А я даже радъ, что хромаю,—замѣтилъ малютка Іосифъ:—если бы я былъ здоровъ, меня не взяли бы съ собой.

— О, какъ хорошо было бы теперь поваляться на травкѣ!—замѣтила со вздохомъ маленькая разбитая параличемъ дѣвочка.

— Если ты не можешь идти на травку, Бетси, такъ пусть травка придетъ къ тебѣ,—сказалъ мистеръ Лоренцъ, услышавъ желаніе дѣвочки; подозвавъ сидѣлку, онъ велѣлъ ей накосить большую охапку травы и положить въ гамакъ къ маленькой больной.

— Хорошо ли тебѣ теперь?—спросилъ Реджинальдъ, осторожно качая дѣвочку.

— Чудесно! я хотѣла бы всегда лежать такъ на травкѣ; спинѣ тоже такъ хорошо и пріятно.

— А дадутъ ли намъ покушать чего-нибудь сладкаго?—спросила Лизу худенькая Мэри, сидѣвшая въ гамакѣ недалеко отъ Бетси.

— О, вамъ привезли много вкусныхъ печеній и другихъ лакомствъ! — отвѣтила Лиза, раскачивая гамакъ дѣвочки.

— Но дадутъ ли намъ тоже пряничныхъ лошадокъ и слоновъ?—спросила блѣдненькая Дженни, нѣжно качая на колѣняхъ черноглазую Нелли, никогда не видѣвшая лучшихъ лакомствъ.

— Я такихъ пряниковъ не видѣлъ,—отвѣтилъ Реджинальдъ;—но нашъ старшій поваръ Антонъ пригото-

вилъ много бѣлыхъ сахарныхъ голубей, хорошенькихъ кроликовъ съ черненькими глазками и маленькихъ мальчиковъ и дѣвочекъ съ флагами и цвѣтами въ рукахъ.

— Ахъ, скоро ли мы увидимъ всѣ эти прелести!— воскликнула Мэри.—Ну, Дженни, теперь моя очередь нянчить Нелли.

Реджинальдъ сіялъ отъ радости и ежеминутно подбѣгалъ то къ доктору, то къ своему кузену, чтобы передать имъ восторженный разговоръ дѣтей и вмѣстѣ съ тѣмъ подѣлиться съ ними своею радостью.

— Ты, Чарли, навѣрное никогда не бывалъ на такой чудесной прогулкѣ! — крикнулъ онъ восторженно своему кузену, пробѣгая мимо него къ доктору.—Знаете, докторъ Кемперъ, я такъ радъ, что есть больныя дѣти... Нѣтъ, нѣтъ, я не то хотѣлъ сказать: я такъ радъ, что у насъ есть случай доставить имъ столько удовольствія! Вѣдь вы тоже рады этому, докторъ, не такъ ли?—и, не ожидая отвѣта, онъ опять убѣжалъ къ дѣтямъ.

Тѣмъ временемъ Джимъ успѣлъ отдохнуть и оправиться настолько, что тоже могъ сойти на берегъ. Онъ растянулся въ гамакѣ подъ сѣнью огромнаго дерева, въ сторонѣ отъ дѣтей, и увлекся книгой; описывавшей интересное путешествіе въ Индію. Реджинальдъ часто подбѣгалъ къ нему, чтобы передать ему веселый разговоръ дѣтей и узнать, не желаетъ ли онъ чего-нибудь.

Разспросивъ Джима, мистеръ Лоренцъ узналъ, что мальчикъ на полученныя отъ него деньги пріобрѣлъ газетный ларекъ при верфи и усердно посѣщалъ вечернюю школу; но съ наступленіемъ жаркихъ дней онъ

почувствовалъ сильное утомленіе и наконецъ совсѣмъ потерялъ аппетитъ. Приглашеніе Реджинальда онъ получилъ только въ это утро,—слишкомъ поздно, чтобы отвѣтить на письмо, но онъ уже совсѣмъ одѣлся, чтобы ѣхать съ ними, и только-что собирался запереть на весь день свой ларекъ, какъ вдругъ почувствовалъ головокруженіе и упалъ въ обморокъ; дальше онъ ничего не помнитъ, но слышалъ, точно сквозь сонъ, голосъ Реджинальда, звавшій своего кузена.

— Теперь, мистеръ Лоренцъ, я совсѣмъ поправился и могу снова приняться за работу,—закончилъ Джимъ свой разсказъ.

Блѣдное, исхудалое лицо мальчика ясно говорило, что онъ затѣялъ дѣло не по силамъ. Послѣ долгихъ увѣщаній, Джимъ наконецъ согласился отказаться отъ своей изнурительной работы и принялъ предложеніе мистера Лоренца поселиться у его тетки, желавшей дать ему хорошее образованіе.

— Я знаю, что ты и безъ насъ можешь пробить себѣ дорогу;—говорилъ ему мистеръ Лоренцъ;—но зачѣмъ же тебѣ изнурять себя такъ сильно. Вѣдь ты современемъ тоже можешь оказать намъ услугу, и такимъ образомъ одолженіе будетъ обоюдное.

Наконецъ начался пиръ горой. Подъ тѣнью вѣковыхъ деревьевъ накрыли бѣлою скатертью большой столъ и уставили его вкусными блюдами, цвѣтами и цѣлой пирамидой печеній и сочныхъ фруктовъ. При видѣ такого множества лакомствъ у дѣтей разбѣжались глаза, и няньки и сидѣлки едва успѣвали исполнять

просьбы шумѣвшихъ, какъ пчелы, ребятъ, оглашавшихъ опушку лѣса своимъ веселымъ смѣхомъ и говоромъ. Реджинальдъ и Лиза прислуживали тѣмъ изъ нихъ, которые не могли сидѣть за столомъ, и еще больше возбуждали общее веселье своею суетливостью и тщетными попытками исполнить сразу сыпавшіяся на нихъ со всѣхъ сторонъ просьбы.

— Дайте же мнѣ поскорѣе голубка!—просила маленькая паралитичная дѣвочка, владѣвшая только одной рукой, и когда ей подали сахарнаго кролика и голубя, она прижала ихъ къ груди здоровою ручкой и сказала:—Они гораздо лучше живыхъ, потому что совсѣмъ ручные!

Но къ закату солнца дѣти уже находились на пароходѣ, который при звукахъ музыки поплылъ обратно къ городу.

Маленькую паралитичную дѣвочку, не желавшую оставлять наполненнаго свѣжею травою гамака и кругомъ засыпанную маргаритками, внесли съ торжествомъ въ больницу вмѣстѣ съ другими немощными дѣтьми, за которыми длинной вереницей слѣдовали остальныя дѣти и участники этой веселой прогулки. Всѣ дѣти имѣли въ рукахъ по игрушкѣ, а за ними служители внесли цѣлый возъ гамаковъ, качель и креселъ, подаренныхъ лэди Лоренцъ для меблировки крыши больницы, на которой предполагалось устроить лѣтній садъ для маленькихъ инвалидовъ.

— О, мама!—вскричалъ Реджинальдъ, бросаясь на шею матери, встрѣтившей его на порогѣ дома:—какъ

мы чудесно провели время! Я никогда не видѣлъ такихъ счастливыхъ дѣтей, какъ сегодня!

Лиза Дове также сіяла счастьемъ и, поднимаясь къ себѣ на крышу, радостно сказала матери:

— Знаешь, мама, теперь я всегда буду любить лэди Лоренцъ за то, что она доставила столько радости моимъ маленькимъ друзьямъ. Навѣрное нигдѣ никогда не было такой чудесной прогулки, какъ у насъ сегодня. Жаль только, что моя Нелли запачкала мороженымъ свое лучшее платье.

ГЛАВА XXXIX.

До свиданья.

На другой день, за завтракомъ, Чарльсъ Лоренцъ получилъ изъ Англіи телеграмму, которою его приглашали немедленно прибыть въ Лондонъ по очень важному дѣлу.

— Я долженъ ѣхать въ эту же субботу,—отвѣтилъ онъ на вопросъ своей тетки.

— О, Чарльсъ, возьми меня съ собой!—вскричалъ Реджинальдъ, находившійся въ послѣднее время почти неотлучно при своемъ кузенѣ.

— Съ удовольствіемъ, — отвѣтилъ мистеръ Лоренцъ.—Тетя,—обратился онъ къ лэди Лоренцъ, сидѣвшей противъ него за чашкою кофе,—отпустите его со мною! Вы недавно говорили, что Реджинальду нужна полная перемѣна; вотъ теперь ему предстоитъ прекрасный случай на время совсѣмъ измѣнить прежнюю жизнь.

— Что ты говоришь, Чарльсъ! Вѣдь ты самъ знаешь, что я не успѣю къ субботѣ собраться въ дорогу; у мадамъ Анжель нѣтъ для меня ни одного готоваго платья!

— Мама, мама!—вскричалъ Реджинальдъ, подбѣгая къ матери и покрывая ея лицо горячими поцѣлуями:— отпусти меня съ Чарли!

— Если бы докторъ Кемперъ ѣхалъ съ вами, такъ я, пожалуй, отпустила бы съ тобой Реджинальда, Чарльсъ,—отвѣтила лэди Лоренцъ, вѣжливо отклоняя просьбу племянника.

— Докторъ Кемперъ тоже ѣдетъ съ нами,—возразилъ мистеръ Лоренцъ:—въ будущемъ мѣсяцѣ въ Лондонѣ состоится съѣздъ врачей, и нашъ докторъ избранъ делегатомъ отъ нашего города.

— Этого я не знала! Въ такомъ случаѣ я поѣду съ вами безъ новыхъ платьевъ. У Ворта въ Лондонѣ я могу купить себѣ все, что мнѣ нужно.

— О, мама, какъ я радъ, что ты тоже ѣдешь!— вскричалъ Реджинальдъ, въ восторгѣ цѣлуя мать послѣ каждаго слова.—Позволь и Джиму ѣхать съ нами!

— Ему тоже нужна перемѣна,—замѣтилъ мистеръ Лоренцъ, присоединяясь къ просьбѣ мальчика: — онъ слишкомъ изнуренъ, и ему необходимъ полный отдыхъ; такое путешествіе поставило бы его снова на ноги.

— Я отъ всей души рада доставить это удовольствіе такому хорошему мальчику, какъ Джимъ, — отвѣтила лэди Лоренцъ.

— Вѣрная своему слову, она объявила, что будетъ

воспитывать сына своей бывшей подруги вмѣстѣ съ Реджинальдомъ, и просила племянника въ тотъ же день привезти къ ней мальчика.

Сборы къ отъѣзду были недолги.

Черезъ нѣсколько дней Реджинальдъ и его другъ бѣгали въ одинаковыхъ дорожныхъ костюмахъ по прекрасному пароходу и съ любопытствомъ осматривали машины, помѣщеніе и устройство корабля. Веселое путешествіе, свѣжій морской воздухъ необозримаго океана ободрили Джима и возбудили въ его душѣ надежду на новую лучшую жизнь. Печальное прошлое было забыто, и скоро въ сердцѣ его Реджинальдъ заступилъ мѣсто преждевременно утраченнаго Джеми.

Вмѣстѣ съ ними ѣхала также мадемуазель Кларетъ,—но не въ качествѣ гувернантки,—она намѣревалась навѣстить свою родину. По старой привычкѣ она неотступно слѣдовала за неразлучными друзьями, неутомимо сновавшими по всему пароходу, пока наконецъ совсѣмъ не выбилась изъ силъ. Лэди Лоренцъ, ея племянникъ, докторъ Кемперъ и капитанъ сначала помогали ей слѣдить за мальчиками, но скоро также утомились.

— Пойдемте, мадемуазель, — сказалъ ей наконецъ мистеръ Лоренцъ: — предоставимъ нашимъ джентльменамъ наслаждаться по-своему. Намъ не угнаться за ними.

— Но если они полѣзутъ на мачты и упадутъ въ море!—возразила съ тревогой гувернантка.

— Будьте спокойны; капитанъ не позволитъ имъ

„Ужъ отпустите его, тетя!“ просилъ мистеръ Лоренцъ.

лазать по мачтамъ. Кромѣ того, какъ вы видите, онъ приставилъ къ нимъ надежнаго матроса.

Въ короткое время оба мальчика сдѣлались любимцами всего экипажа и успѣли до мельчайшихъ подробностей ознакомиться съ расположенiемъ и отчасти съ

устройствомъ огромнаго судна, начиная съ командорскаго мостика и кончая нижнимъ трюмомъ, гдѣ около шумно работавшихъ машинъ кочегары подбрасывали каменный уголь въ огромныя пылающiя печи.

Но наши друзья проводили время не въ однихъ удовольствiяхъ. Мистеръ Лоренцъ и докторъ Кемперъ познакомили ихъ, въ формѣ легкихъ, понятныхъ

разсказовъ, съ жизнью природы и людей, и мальчики внимательно прислушивались къ этимъ разсказамъ.

Однажды послѣ такого урока мистеръ Лоренцъ сказалъ Джиму, что, когда его воспитаніе будетъ окончено, онъ поступитъ къ нему въ банкъ и со временем сдѣлается его помощникомъ.

— О, Чарли!—воскликнулъ Реджинальдъ:—нельзя ли мнѣ тоже сдѣлаться банкиромъ?

— Отчего же нѣтъ, милый Реджинальдъ. Но сначала ты долженъ вырасти и научиться знать цѣну деньгамъ.

Мальчикъ задумался надъ этими словами и, вѣроятно рѣшивъ наконецъ трудный вопросъ, подбѣжалъ къ своему кузену, крѣпко обнялъ его и прошепталъ на ухо

— О, Чарли, теперь я знаю, что значатъ деньги. Съ ними можно сдѣлать много, много людей счастливыми!

Реджинальдъ и Джимъ на пути въ Европу.